XX

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 10

Москва-Кремль. ◇ Петроград-Смольный.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ.

№ 1. Май 1919 г. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира.—Да здравствует первое мая! Воззвание Исполн. Комитета Комм. Интернационала пролетариату всего мира.—*Максим Горький.* Вчера и сегодня.—*Н. Ленин.* Третий Интернационал и его место в истории.—*Г. Зиновьев.* Перспективы пролетарской революции.—*Л. Рудаш.* Пролетарская революция в Венгрии.—*А. Балабанова.* Привет итальянским рабочим.—*М. Альберт.* Привет первому номеру „Коммунистического Интернационала".—*К. Грубер.* Последний этап.—*Ф. Платтен.* Третий Интернационал.—*Ж. Садуль.* Третий Интернационал и Франция.—*Анри Гильбо.* Третий Интернационал и задачи французского пролетариата.—*Л. Троцкий.* Великое время.—Документы Интернационального Движения.—Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.—Постановления первого с'езда Коммун. Интерн.—Отчеты и хроника.

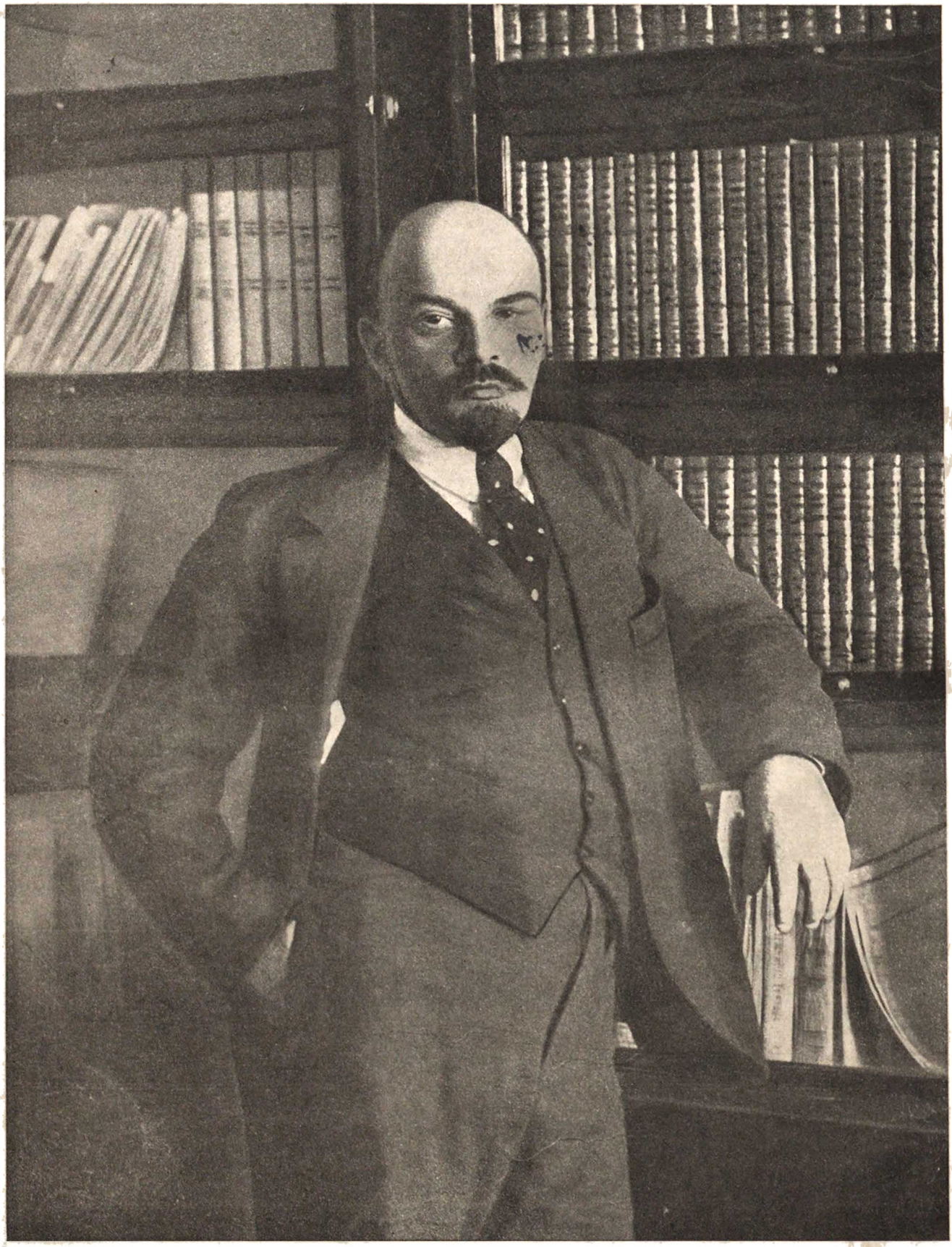
№ 2. Июнь 1919 г. Долой Версальский мир! Воззвание Исполнительного Комитета Комм. Интернационала к трудящимся всего мира.—*Н. Ленин.* Привет венгерским рабочим.—*А. Паннекук.* Новый мир.—*С. Панкхэрст.* Новая война.—*Максим Горький.* Две культуры.—*Н. Ленин.* Герои Бернского „Интернационала".—*Г. Зиновьев.* Социал-демократия как орудие реакции.—*З. Хеглунд.* Интернационал действия.—*Е. Мюнх.* Программные вопросы в швейцарской партии.—*В. Ребич.* Советская республика в Баварии.—*Ю. Альпари.* Ход революции в Венгрии.—*Е. Варга.* Коммунистическая Венгрия.—*К. Цеткина.* В защиту Розы Люксембург.—*Д. Мануильский.* Современное положение во Франции—*А. Виктор.* Письма о Франции. Письмо первое.—*А. Луначарский.* Народное образование в Советской России. Гл. I.—Документы Интернационального движения.—Из деятельности Исп. Ком. Коммунистического Интернационала.—Отчеты и хроника.

№ 3. Июль 1919 г. К трудящимся всех стран.—Новая форма интервенции. К рабочим Англии, Франции, Италии и Америки.—*К. Цеткина.* Да здравствует III Социалистический Интернационал!—*Э. Панкхэрст.* Рабочие и Лига Народов.—*Г. Гортер.* Мировая революция—*М. Горький.* Замечательная книга—*Дж. Маклин.* Положение углекопов.—*В. Милютин.* Экономическая программа коммунистов.—*Ю. Хевеши.* Экономическая революция в Венгрии.—*И. Милкич.* Социализм в Сербии.—*П. Стучка.* Пять месяцев Советской Латвии.—*Е. Блонина.* Перспективы революции во Франции.—*П. Фор.* Демократия и большевизм.—*А. Гильбо.* От Брест-Литовска до Версаля.—*Г. Зиновьев.* Франц Меринг—М. В. Володарский.—*Ю. Мархлевский (Карский).* Памяти Розы Люксембург и Льва Иогихеса—Документы Интернационального Коммунистического Движения.—Из деятельности Исп. Ком. Коммунистического Интернационала.

№ 4. Август 1919 г. *Г. Зиновьев.* Две даты.—*Н. Ленин.* О задачах III Интернационала.—*Э. Панкхерст.* Рабочие и социал-предатели в Англии.—*С. Рутгерс.* Каутский-Вильсон.—*Ж. Садуль.* Долг западно-европейских пролетариев.—*А. Гильбо.* Из документовъ Шарля Дюма.—*К. Тимирязев.* Пророчество Байрона о Москве.—*Н. Бухарин.* Диктатура пролетариата в России и мировая революция.—*А. Луначарский.* Народное образование и Советская Россия.—*Дечев.* Тесняки—болгарская коммунистическая партия.—Документы Интернац. Коммун. Движения.—Корреспонденции Коммун. Интернационала.—Из деятельности Исполн. Комитета Коммун. Интернационала.—Герои и мученики пролетарской революции: Доклады делегатов на 1-ом с'езде Коммун. Интернационала.

№ 5. Сентябрь 1919 г. *К. Цеткина.* Роза Люксембург.—*Н. Ленин.* Как буржуазия использует ренегатов.—*Л. Троцкий.* Письмо к французским товарищам.—*Н. Бухарин.* Диктатура пролетариата в России и мировая революция (окончание).—*Г. Зиновьев.* Обвинительный акт против Второго Интернационала.—*Ю. Мархлевский (Карский).* Что будет с Германией?—*Г. Роланд Холст.* Большевики и их деятельность.—*А. Руднянский.* Профессиональные союзы и контр-революция в Венгрии.—*М. П. Прайс.* Германско-Польский вопрос в Западной Пруссии и мирные условия союзников.—*Ф. Лорио.* „Наш кризис".—*А. Блан.* Довольно колебаний!—*Е. Мюнх.* За Третий Интернационал.—*М. Томский.* Очерки профессионального движения в России.—*Е. К.* „Субботники".—Фридрих Адлер пугает австрийскую буржуазию, но ей совсем не страшно („серьезное предостережение" А. Бауэра и Ф. Адлера).—Корреспонденция Коммунистического Интернационала.—Документы Интерн. Коммун. Движения.—Из деятельности Испол. Ком. Коммун. Интернационала.—Герои и мученики пролетарской революции:—Интернационал Коммунистической молодежи.—Отчеты и хроника.

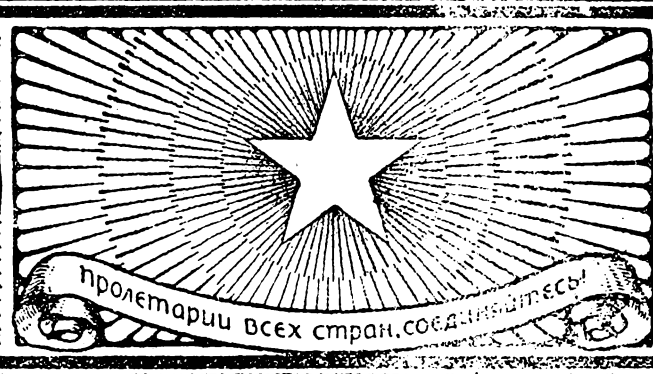
№ 6. Октябрь 1919 г. *Л. Троцкий.* Октябрьская революция.—*А. Иоффе.* Первое пролетарское правительство.—*Г. Зиновьев.* Русская революция и международный пролетариат.—*Ж. Садуль.* Дух революции.—*А. Гильбо.* Влияние Октябрьской революции на француз-

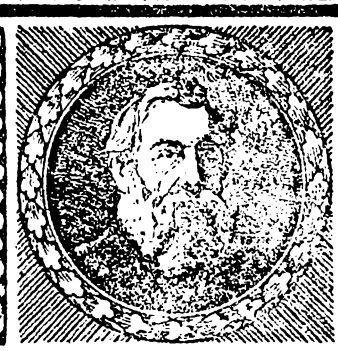

Н. ЛЕНИН (В. И. УЛЬЯНОВ)

К пятидесятилетию со дня рождения (10 апреля 1870 г. — 10 апреля 1920 г.).

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

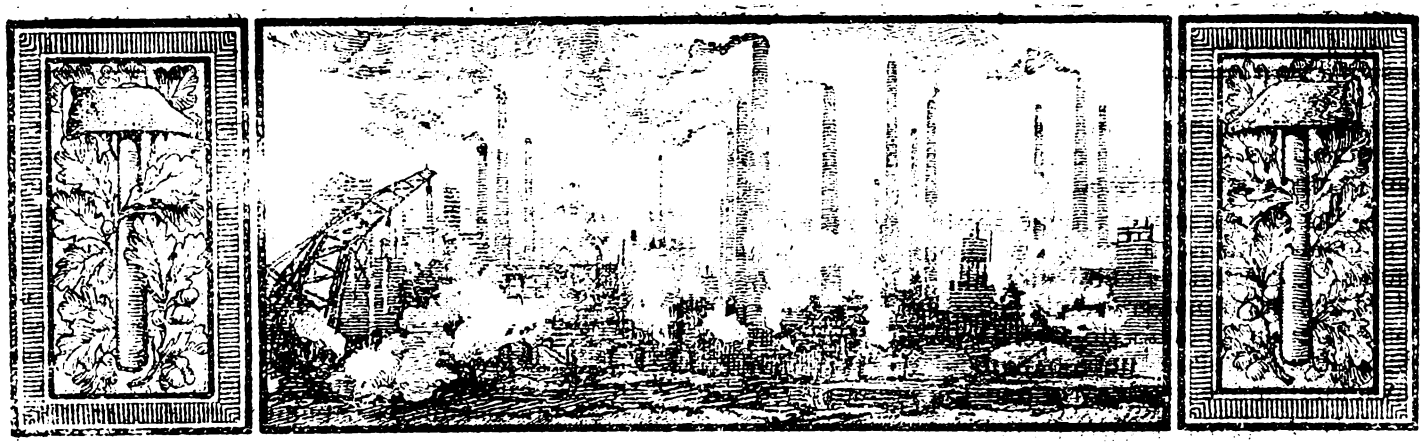
ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Журнал выходит под редакцией Г. Зиновьева и при ближайшем участии Бухарина, Каменева, Ленина, Луначарского, Покровского, Рязанова, Троцкого (Россия); Куусинена, Маннера, Сирола (Финляндия); Гримлунда, Стрема, Хеглунда, Чильбума (Швеция); Трюльсена (Норвегия); Фейнкупа, Гортера, Равестейна, Роланд Хольст, Рутгерса (Голландия); Грубера, Толена (Австрия); М. Альберта, Леви, Радека, К. Цеткиной (Германия); Панкхерст, Ротштейна (Англия); Гильбо, Лорио, Перика, Садуля, Сомоно (Франция); Балабановой, Серрати (Италия); Мюнценберга, Платтена, Эмбер-Дроза (Швейцария); Бела-Куна, Пудаша, Рудянского (Венгрия); Мархлевского-Карского (Польша); и мн. др.

№ 10

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33 ТЕЛЕФОН 161-20 и 1-19
РЕДАКЦИЯ: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРАЗДНИК 1920 ГОДА.

Пролетарии всего мира вновь встречают свой первомайский праздник, праздник труда, праздник борьбы, праздник подсчета коммунистических сил.

Год тяжелой борьбы, год серьезнейших битв, полных исторического смысла, лежит позади нас.

Мы потерпели не мало отдельных тяжелых поражений за этот год.

Венгерская Советская республика погибла, сраженная изменою социал-предателей и насилием капиталистов Антанты.

Баварская Советская республика, существовавшая в мае 1919 г., погибла, утопленная в крови баварских рабочих.

В **Германии** за истекший год погибли тысячи и десятки тысяч лучших наших братьев, поднявших знамя борьбы за коммунизм и нашедших смерть от руки палачей социал-демократов, действовавших вкупе и влюбе с генералами Вильгельма Гогенцоллерна.

Но как ни тяжелы наши отдельные поражения, как ни горька утрата тысяч лучших наших братьев, коммунистическое движение за истекший год вырослo и возмужало во всем мире.

В **Венгрии** царствует самый разнузданный белый террор. Сотни и тысячи венгерских пролетариев погибают от руки венгерских помещиков и капиталистов. И тем не менее, даже в Венгрии опять зреет новая пролетарская революция. Розовая мечтательная юность, отличавшая первую эпоху пролетарской борьбы в Венгрии, прошла. Венгерский рабочий класс закаляется в борьбе. Тяжелой ценой он приобрел величайший исторический опыт, который избавит его теперь от ошибок, приведших к гибели первую Советскую Республику в Венгрии. В день 1-го мая Коммунистический Интернационал прежде всего вспоминает о тех наших братьях, которые томятся в венгерских застенках и которых ждет пуля или виселица венгерских палачей. Мужайтесь, венгерские пролетарии, расплата за ваши мучения близка! Венгерская Советская Республика погибла. Да здравствует Венгерская Советская Республика! Первая пролетарская революция в Венгрии потерпела крах. Да здравствует вторая победоносная пролетарская революция в Венгрии!

В **Германии** нет такого города, где бы за этот год мостовые улиц не были обильно политы рабочей кровью. Благодаря предательствам желтых социал-демократов, германская революция, предаваемая и распинаемая на каждом шагу, дошла до самого низкого своего падения. Но мартовское выступление открытой контр-революции, несомненно, послужило переломным моментом. Официальная германская социал-демократия доживает последние ничтожные крохи своего кредита. Рабочие массы отвернулись от предателей. Германская революция начинает итти вверх по восходящей линии. Победа пролетарской диктатуры в Германии совершенно неизбежна.

Во **Франции**, в **Англии**, в **Италии** пролетарское движение сделало за истекший год громадные успехи. Буржуазия стран Антанты, победившая своих конкурентов, надеялась надолго задержать рост революционного движения в «своих» странах. История жестоко посмеялась над этой надеждой. Не прошло и года со времени пресловутого Версальского мира, и уже даже слепому ясно, что заправилам разбойничьей Лиги Наций не удалось запрудить щого океана недовольства, который рвет все плотины и который смоет скоро твердыни капитализма.

В **Англии** стачечное движение принимает характер могучей стихии. Наиболее пе-

редовые профессиональные союзы освобождаются из идеологического плена буржуазного трэд-юнионизма.

Во **Франции** рабочие демонстрации разливаются по всей стране. Выход официальной социалистической партии Франции из II Интернационала есть только косвенное отражение того могучего революционного брожения, какое наблюдается среди французских пролетариев города и деревни.

В **Италии** коммунистическое движение за год разлилось широчайшей волной и сделало гигантские успехи. Рабочий класс Италии сумел за этот год пробудить итальянскую деревню и приобщить к рабочему авангарду новые многочисленные слои трудящихся.

В **Америке** буржуазия поставила штык в порядок дня. Для рабочих конституционные гарантии в этой пресловутой «демократии» отменены. Рабочие коммунисты арестовываются десятками тысяч. Каторжные приговоры сыплются, как из рога изобилия. Этими мерами бешенствующая американская буржуазия надеется остановить то могучее революционное движение пролетариата, которое растет в Америке на глазах у всего мира.

На **Балканском полуострове** революционное движение за истекший год гигантски шагнуло вперед. Болгарские коммунисты стали самой сильной партией в своей стране. Болгарские трудящиеся крестьяне с каждым днем все теснее примыкают к авангарду болгарского пролетариата. В Юго-Славии коммунистическое движение выросло и растет с каждым днем. Пройдет немного времени, и Балканский полуостров станет **Советским** полуостровом.

В **Японии** прокатилась волна рабочих стачек. Не раз за этот год буржуазная Япония сотрясалась под влиянием могучего рабочего движения.

В **Индии,** в **Персии,** в **Афганистане,** в **Корее,** в **Китае** растет движение, которое по всей нынешней обстановке имеет революционный характер и остановить которое никому не дано.

В **Скандинавских** странах положение буржуазии несомненно ухудшилось. Многочисленные министерские кризисы, выдвигание на первый план министров-«социалистов», шумные стачки и демонстрации, устраиваемые рабочими, говорят о том, что и здесь назревает революция.

Советская **Россия,** эта первая социалистическая республика в мире, за истекший год разбила всех своих врагов. Советская **Россия** стоит незыблемо, как скала. Ее красная армия стала великой легендарной армией, окруженной любовью трудящихся всего мира. Все коварные попытки правительств Антанты и контр-революционных сил России разбились о революционную энергию российских пролетариев и трудящихся крестьян. Рабочие России безропотно перенесли величайшие муки голода, но отстояли свою рабочую республику, свою пролетарскую власть. Советская Россия переходит к мирному хозяйственному строительству, и на этой арене российский пролетариат вновь проявляет чудеса самопожертвования и энергии. Рабочие Англии, Франции, Италии и других стран втечение этого года не мало помогли русским пролетариям тем, что в своих странах организовали мощное движение против вмешательства иностранной буржуазии в дела Российской Советской Республики. Это был интернационализм уже не только на словах, но и на деле. Это была настоящая братская помощь пролетариев одних стран пролетариям другой страны. Российская Советская Республика морально победила весь буржуазный мир. Российская Советская Республика, как великий магнит, притягивает к себе сердца всех трудящихся, сердца честных людей всего мира. Победоносная рабоче-крестьянская страна, установившая социалистический режим и защитившая его от нападок полмира, — эта страна, как звезда, сияет угнетенным и эксплуатируемым всей вселенной.

Да, рабочий класс на своем трудном, тернистом пути втечение истекшего года знал и тяжкие поражения. Но оглядывая путь, пройденный за год, каждый сознательный рабочий скажет: какой гигантский путь прошли мы! Какие громадные успехи сделали мы — несмотря ни на что!

Посмотрите на наших врагов, присмотритесь к положению дел даже в странах Антанты, т. е. в тех странах, где буржуазия одержала победу над германскими империалистами. В рядах буржуазии — разложение, свары, маразм, смерть. Буржуазные правительства, втечение четырех лет воевавшие вместе против Германии, уже втечение всего одного года успели перегрызться друг с другом. Буржуазия теряет голову, буржуазия мечется из стороны в сторону, сегодня пытаясь подкупить рабочих мелкими и жалкими реформами, а завтра обрушиваясь на них всей тяжестью своих скорпионов и осадных положений. Буржуазия обречена. Народные массы не оставят у власти тот класс, который привел к империалистической бойне 1914 — 1918 гг. 30 миллионов убитых и искалеченных людей, десятки разоренных стран, миллионы голодающих людей, миллиарды новых военных долгов — все это не может быть забыто народными массами.

Во многих странах буржуазия ставит уже свою последнюю ставку: она пытается управлять, выдвигая на посты министров господ, называющих себя «социал-демократами» и «социалистами». Эта карта будет бита. Этой политики хватит только на то, чтобы оттянуть крушение буржуазии на самый короткий срок. Желтая социал-демократия и желтый II-й Интернационал обанкротились. II-й Интернационал, на который так много надежд возлагала буржуазия, стал

трупом. Все честные рабочие бегут из рядов II-го Интернационала, как из дома зачумленных.

Коммунистическое братство рабочих всех стран растет и крепнет, несмотря на все препятствия, которые ставит Коммунистическому Интернационалу международная буржуазия. Всего год с небольшим прошло со времени образования Коммунистического Интернационала, а Коммунистический Интернационал стал уже великой силой, об'единяющей миллионы и миллионы передовых пролетариев всего мира.

Коммунистический Интернационал зовет пролетариев тех стран, которые живут еще под игом буржуазии, отметить день 1-го мая, как день боевой мобилизации. В этот день в таких странах рабочие будут бастовать как один человек. В этот день в таких странах рабочие все до единого будут на улицах. И нашими лозунгами в этот день будут:

Долой капитализм! Да здравствует диктатура пролетариата во всем мире!

Да здравствует международная Советская республика!

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует III Интернационал!

Предстоящий год откроет новую, быть может, важнейшую главу в истории нашей борьбы за освобождение всего человечества от ига капитализма.

Вооружение рабочих, разоружение буржуазии! Вот о чем напомним мы каждому рабочему, каждому солдату, каждому трудящемуся крестьянину в день 1-го мая.

Пусть же день 1-го мая 1920 г. станет днем торжества Коммунистического Интернационала, днем подсчета сил, днем пробной мобилизации. Бодро, спокойно и уверенно пойдем мы навстречу последним решающим битвам, которые надвигаются в целом ряде стран. Наша победа обеспечена. Пролетариат победит буржуазию. Пролетариат установит Советскую власть во всем мире.

Да здравствует первое мая!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

Та цель, к которой втечение семидесяти лет стремились рабочие, теперь, наконец, достигнута: революционное об'единение мирового пролетариата стало совершившимся фактом. Семьдесят лет тому назад Маркс и Энгельс провозгласили великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Но рабочие не могли об'единиться в международном масштабе до тех пор, пока их не принудили к этому концентрация капитала, монополии, банковый капитал и империализм.

В настоящее время мировой пролетариат—его авангард — представляет собою одно сплоченное, проникнутое духом марксизма целое. Во всех странах рабочий класс поднимается, сплачиваясь вокруг Московского Третьего Интернационала и об'единяясь на одной, общей программе. С изумлением мы наблюдаем, как даже в наименее доступных влиянию марксизма странах—во Франции и Англии, в Шотландии и Ирландии—начинает открыто раздаваться марксистская проповедь и как ей внимают, на нее откликаются и вокруг нее об'единяются широкие массы. Смысл этой проповеди—везде один и тот же: **Рабочие Советы должны быть орудием борьбы за свержение капитала, Рабочие Советы должны служить той основой, на которой будет воздвигнуто здание нового общественного строя.** И повсюду в борьбе и революции создается новое единство. И единство это не блуждающий огонек, не случайная вспышка, ибо революция все продолжается. И единство и революция разростаются во всех странах, все обновляясь, все расширяясь. Их питают новый империализм, новые войны, новая мировая война, раскаты которой слышатся уже вдали. Их росту способствует, прежде всего, и новая Лига Народов, эта новая форма мирового империализма. В Лиге Народов пока об'единились, создав свой собственный единый фронт под главенством англо-американского империализма, лишь капиталисты всех стран, включая и Германию. И это, в свою очередь, толкает пролетариат всего мира к об'единению.

Все эти причины продолжают существовать, и поэтому они делают революцию перманентной и все настойчивее принуждают рабочих к об'единению.

Революция началась в России. Наши русские товарищи снискали себе **бессмертную** славу тем, что они сумели найти **программу**, найти путь и средства для уничтожения **капитализма**,—тем, что они разрушили старое **общество** и устояли в борьбе против целого **сонма врагов**. Их пример не **забудется** во **веки**. Но **русским** коммунистам **удалось победить только потому, что за ними стояла** вспомогательная армия—масса крестьянской бедноты.

Германия была первой чисто-капиталистической страной, в которой разразилась мировая революция. Здесь рабочему классу приходилось вести борьбу одному. И заслугой немецких рабочих навеки останется то, что они вступили в бой и своим примером указали путь пролетариям других капиталистических стран. Ибо только будучи международной, мировая революция может победить. Другие европейские страны—Италия, Англия, Франция—последуют за Германией, наученные ее опытом.

Революция будет все расширяться, она охватит всю Европу и Америку. У нее, как в океане, будут свои приливы и отливы, но она будет беспрестанно нарастать, и в конце концов, рано или поздно, победит...

Международное об'единение стало уже совершившимся фактом. Не напрасно боролись и продолжают бороться немецкие коммунисты. Не напрасно пали наши незабвенные товарищи: Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Иогихес и с ними множество тех, чьи имена остались неизвестными. Ибо первый плод их борьбы уже перед нами, это—об'единение всемирного пролетариата. За этим плодом последуют другие; но все же этот первый плод—самый значительный, самый ценный. Ибо об'единение в международном масштабе—безусловно необходимое и вместе с тем безусловно достаточное условие победы коммунизма над капиталом.

Г. ГОРТЕР.

ТРЕТИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

(Речь, произнесенная тт. Лениным 6-го марта с. г. на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала).

Товарищи, со времени основания Коммунистического Интернационала прошел год. Втечение этого года Коммунистический Интернационал достиг таких побед, которых нельзя было ожидать, и можно смело сказать, что никто не ожидал таких громадных успехов при его основании.

В первое время революции у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада. Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей.

Мы до сих пор точно не знаем, как прошла демобилизация и как происходит ликвидация войны. Мы не знаем, напр., что было в Голландии, и только из одной статьи, в которой рассказывалось о речи голландского коммуниста, — из одной статьи, случайно,— много статей таких было, — мне довелось узнать, что в Голландии, стране нейтральной, которая была меньше замешана в империалистической войне, революционное движение приняло такие размеры, что уже было приступлено к образованию Советов, и Трульстра, одна из важнейших фигур оппортунистической голландской с.-д., признал, что рабочие могли бы взять власть в свои руки.

Если бы Интернационал не был в руках предателей, которые спасали буржуазию в критический момент, то много шансов было бы на то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным.

Оказалось, что это не удалось, революция в таком скором масштабе не удалась, но приходится проделывать с оппортунистическим характером весь путь развития, который нам удалось начать, пришлось начать до первой революции, до 1905 года, и только благодаря тому, что более десяти лет прошло до 1917 года, мы были способны руководить пролетариатом.

В 1905 году была, так сказать, репетиция революции, и отчасти благодаря этому в России удалось использовать момент краха империалистической войны, который дал власть пролетариату. В силу исторических событий, в силу полной гнилости самодержавия нам удалось легко начать революцию, но чем легче удалось начать ее, тем тяжелее этой одинокой стране пришлось ее продолжать, и за этот пережитый год мы можем себе сказать, что в других странах, где рабочие более развиты, где более промышленности, где рабочие гораздо более многочисленны, развитие революции пошло путем более медленным. Оно пошло по нашему пути, но пошло гораздо медленнее.

Этот медленный путь рабочие продолжают, прокладывая дорогу победе пролетариата, которая надвигается с несомненно большею стойкостью, чем это довелось нам, ибо когда посмотришь на III-й Интернационал, то удивляешься быстроте, с которой распространялся III-й Интернационал, идя от победы к победе.

Посмотрите, как распространяются во всем мире наши уродливые слова, вроде слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, обще-европейским, оно в Европе и других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет» — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски.

Несмотря на ложь буржуазной прессы, несмотря на бешеное сопротивление, которое оказала вся буржуазия, несмотря на это, симпатии рабочих масс оказались на стороне Советов, советской власти и большевизма. Чем больше буржуазия лгала, тем больше помогала она на весь мир распространить опыт, который мы проделали с Керенским.

Часть большевиков, приехавших из Германии, была встречена у нас нападками и травлей, организованной в «демократической республике» чисто на американский манер, и этой травле Керенский, эс-эры и меньшевики всемерно помогали. Таким образом, они всколыхнули слои пролетариата и заставили

их думать, что если так травят большевиков, значит, это что-нибудь хорошее.

И когда время от времени получаешь отрывочные сведения из-за границы, когда, не имея возможности следить за всей прессой, прочитаешь, например, номер самой богатой английской газеты «Таймс», когда читаешь, как там приводят большевистские слова, чтобы доказать, что большевики уже во время войны проповедывали гражданскую войну, то приходишь к заключению, что даже умнейшие представители буржуазии совершенно потеряли голову. Если английская газета отмечает книгу «Против течения», рекомендует ее английским читателям и приводит цитаты, чтобы показать, что большевики худшие из худших людей, которые говорят о преступности империалистической войны и проповедуют гражданскую войну, то убеждаешься, что вся ненавидящая нас буржуазия нам помогает, — кланяемся и благодарим.

У нас нет ежедневной прессы ни в Европе, ни в Америке, информация о нашей работе очень скудна, наших товарищей преследуют ожесточеннейшим образом. Но когда видишь, что богатейшая империалистическая пресса союзников, из которой почерпают свои сведения сотни тысяч других газет, потеряла до такой степени чувство меры, что она, желая поразить большевиков, приводит обильные цитаты из сочинений большевиков, выкапывая их из печатавшихся во время войны изданий, чтобы доказать, что мы говорили о преступности войны и стремились превратить ее в гражданскую войну, — это значит, что они станут, эти умнейшие господа, такими же глупыми, как наш Керенский и его товарищи. Поэтому, мы можем ручаться, что эти люди, руководители английского империализма, сделают свое дело помощи коммунистической революции чисто и прочно.

Товарищи, до войны казалось, что главное деление в рабочем движении — это деление на социалистов и анархистов. Это не только казалось, но и было так. В продолжительную эпоху до империалистической войны и революции — об'ективно революционного положения в громадном большинстве европейских стран не было. Задача состояла в том, чтобы использовать эту медленную работу для революционной подготовки. Социалисты начали это дело, анархисты не понимали этой задачи. Война создала революционное положение, и это старое деление оказалось изживающим себя. С одной стороны, верхушки анархизма и социализма сделались шовинистами, они показали, что́ значит защищать своих буржуазных грабителей против других грабителей буржуазии, из-за которых война погубила миллионы людей. С другой стороны, в низах старых партий зародились новые течения — против войны, против империализма, за социальную революцию. Таким образом, глубочайший кризис создался из-за войны, и анархисты, и социалисты раскололись, потому что верхушки парламентских вождей социалистов оказались на фланге шовинистов, а в низах все растущее меньшинство отходило от них и стало переходить на сторону революции.

Таким образом, рабочее движение всех стран пошло по новой линии, не по линии анархистов и социалистов, а по линии, способной привести к диктатуре пролетариата. Этот раскол во всем мире наметился и начался до существования III-го Интернационала.

Если мы имели успех, то потому, что мы пришли — тогда, когда положение было революционным и когда рабочее движение было уже во всех странах, и поэтому мы видим теперь, что внутри социализма и анархизма произошел раскол. Это приводит во всем мире к участию коммунистических рабочих в создании новых организаций и к их об'единению в III Интернационале. Такой подход является наиболее правильным.

Если снова поднимаются разногласия, напр., об использовании парламентаризма, то после опыта русской революции и гражданской войны, после того, как пред всем миром встала фигура Либкнехта и выяснились его роль и значение между представителями парламентаризма, нелепо отрицать революционное использование парламентаризма. Представителям старого толка ясно стало, что по-старому ставить вопрос о государстве нельзя, вместо старой, книжной постановки этого вопроса явилась на свет в силу революционного движения постановка новая, практическая.

Всей об'единенной и централизованной силе буржуазии необходимо противопоставить об'единенную и централизованную силу пролетариата. Теперь, таким образом, вопрос о государстве встал на другие рельсы, старое разногласие стало терять смысл. Вместо старого деления рабочего движения, возникли новые, во главу угла встало отношение к Советской власти и диктатуре пролетариата.

Советская конституция показала наглядно, что́ выработала русская революция. На нашем опыте, на изучении его получилось, что все группировки старых задач сводятся к одной: за Советскую власть или против, — либо за буржуазную власть, за демократию, за те нормы демократии, которые, обещая равенство сытых и голодных, равенство капиталиста и рабочего в подаче избирательных бюллетеней, эксплуататоров и эксплуатируемых, скрывали капиталистическое рабство, либо — за власть пролетарскую, за беспощадное подавление эксплуататоров, за Советское государство.

За буржуазную демократию могут стоять только сторонники капиталистического рабства. Мы видим это на белогвардейской литературе Колчака и Деникина. После очистки многих русских городов от этой нечисти, собрана их литература и перевозится в Москву. Можно просмотреть писания русских интеллигентов вроде Чирикова или буржуазных мыслителей вроде Е. Трубецкого, и

любопытно посмотреть, как они, помогая Деникину, рассуждают об учредительном собрании, о равенстве и т. д. Эти суждения об Учредиловке оказывают нам помощь; когда они с такой агитацией проводились в белогвардейских массах, они помогали нам вместе со всем ходом гражданской войны, ходом событий. Своими аргументами они сами доказывали, что за советскую власть стоят искренние революционеры, сочувствующие борьбе против капиталистов. Это в ходе гражданской войны получает полную отчеканенность.

Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли для того, чтобы пролетариат передовой части сплачивался, развивал и ставил старое государство на новую ногу, держа твердо власть в руках, и писать рассуждения на эту тему — становится невозможным после проделанного опыта, после того, что было в России, в Финляндии и в Венгрии, после годичного опыта в демократических республиках, в Германии. Демократия сама разоблачила себя окончательно; вот почему во всех странах в самых различных формах многочисленные признаки усиления коммунистического движения за советскую власть, за диктатуру пролетариата выросли неудержимо.

Этот рост дошел до того, что такие партии, как немецкие независимцы и французская социалистическая партия, в которых господствуют вожди старого типа, не понявшие ни новой агитации, ни новых условий, которые парламентской деятельности нисколько не изменили, а превращают ее в средство отболтаться от важных задач и парламентскими прениями занять рабочих, — даже эти вожди вынуждены признать диктатуру пролетариата и власть Советов. Это потому, что масса рабочих, которая дает себя знать, заставила их это сделать.

Вы знаете из речей других товарищей, что это отпадение немецкой партии независимцев, это признание диктатуры пролетариата и Советской власти было последним решительным ударом, нанесенным II-му Интернационалу. Учитывая положение дел, можно сказать, что II-й Интернационал убит, и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов. В Англии мы также имеем партию независимцев, которая продолжает стоять на точке зрения легальности и осуждать насилия большевиков. Недавно в их газете появился отдел дискуссии. Дискуссия это значит обсуждение. И вот там обсуждается вопрос о Советах и рядом со статьей, которая в английских рабочих газетах напечатана, мы видим статью англичанина, который не желает считаться с теорией социализма, а сохраняет прежнее глупое пренебрежение к теории, но, учитывая условия английской жизни, приходит к определенному выводу и говорит: мы не можем осуждать Советы, а должны быть за них.

Это признак того, что даже в отсталых слоях рабочих в таких странах, как Англия, начался сдвиг, и можно сказать, что старые формы социализма убиты навсегда.

Европа идет к революции не так, как мы пришли, но Европа, по существу, проделывает то же самое. Каждая страна по-своему должна проделывать и начала проделывать внутреннюю борьбу и против своих меньшевиков и против своего оппортунизма и эсерства, которое существует под другим названием и в большей или меньшей степени во всех странах.

И именно потому, что они самостоятельно переживают этот опыт, можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема, и чем больше колебаний в рядах врагов и неуверенности, выражающейся в том, что они заявляют, что большевики это преступники и что они никогда не заключат с нами мир — тем лучше для нас.

Теперь они говорят: если торговать, то не признавая большевиков. Мы ничего против не имеем: пожалуй, попробуйте, господа. Что касается того, что вы не признаете нас, мы это понимаем. Мы считали бы ошибкой с вашей стороны, если бы вы нас признали. Но если вы так запутались, что сначала об'являете большевиков нарушителями всех законов божеских и человеческих, об'являете, что не будете с ними разговаривать и мириться, и потом говорите, что будете приступать к обмену, не признавая нашей политики, — это такая победа для нас, которая в народных массах каждой страны подтолкнет коммунистическое движение и углубит его. Оно так глубоко, что кроме тех, кто примыкает официально к III-му Интернационалу, наметился целый ряд движений в передовых странах, которые, не примыкая ни к социализму, ни к коммунизму, продолжают осуждать большевизм, вместе с тем подходя к нему силою событий.

Война в XX-м веке в цивилизованной стране заставляет правительства разоблачать самих себя. Во французской газете опубликовывались документы бывшего австрийского императора Карла, который в 1916 году предлагал Франции заключить мир. Теперь его письмо опубликовано, и рабочие обращаются к лидеру социалистов, к Альберту Тома, и спрашивают: вы были тогда в правительстве, и вашему правительству предлагали мир. Что вы тогда делали? Когда спросили об этом Альберта Тома, он промолчал.

Эти разоблачения только теперь начались. Народные массы грамотны и относиться к войне по-старому они в Европе и в Америке не могут. Они спрашивают: из-за чего 10 миллионов людей было убито и 20 миллионов искалечено? Поставить этот вопрос значит заставить народные массы повернуть к диктатуре пролетариата. Поставить этот вопрос значит ответить на него: из-за того перебили 10 милл. человек и сделали 20 милл. калеками, чтобы решить вопрос, кто больше

наживется — немецкие ли капиталисты или английские? Это правда, и как ее ни скрывали, она пробивает себе дорогу.

Крах капиталистических правительств неминуем. Ибо все видят, что новая такая же война неизбежна, если у власти останутся империалисты и буржуазия. Между Японией и Америкой вырастают новые споры и конфликты. Они подготовлены десятилетиями дипломатической истории обеих стран. Войны неизбежны на почве частной собственности. Война между Англией, которая награбила колоний, и Францией, которая считает себя обойденной, неизбежна. Никто не знает того, где и как она прорвется, но все видят и знают и говорят о том, что война неизбежна и готовится снова.

Это положение в XX-м веке в странах поголовной грамотности обеспечивает нам то, что о старом реформизме и анархизме не может быть речи. Они убиты войной. Говорить о том, чтобы реформами переделать капиталистическое общество, которое сотни миллиардов рублей отдало на войну, говорить о том, чтобы переделать это общество без революционной власти и насилий, без величайших потрясений, — так говорить нельзя. Тот, кто говорит и думает так, теряет всякое значение.

Коммунистический Интернационал силен тем, что опирается на уроки всемирной империалистической бойни. В каждой стране из опыта миллионов людей подтверждается правильность его позиций все больше и больше, и движение к Коммунистическому Интернационалу теперь в сто раз шире и глубже, чем было до сих пор. Оно дало в срок одного года полный крах II-го Интернационала.

Нет ни одной страны в мире — даже самой неразвитой, где бы все мыслящие рабочие не присоединялись к Коммунистическому Интернационалу, не примыкали к нему идейно. В этом полная гарантия того, что победа Коммунистического Интернационала во всем мире в срок не чрезмерно далекий — эта победа обеспечена.

Н. ЛЕНИН.

Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, слвдовательно, создание нового общества. Возможность этого освобождения является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы и существующие общественные учреждения не могут дольше уживаться рядом. Из всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах общества.

Значит ли это, что с падением старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет.

Условие освобождения трудящегося класса есть уничтожение всяких классов, так же точно, как условием освобождения третьего, буржуазного сословия было уничтожение всех сословий.

К. Маркс. Нищета философии.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

(Глава из готовящейся к печати новой книги тт. Л. Троцкого).

Короткий эпизод первой революции, совершенной пролетариатом для пролетариата, кончился торжеством его противников. Этот эпизод с 18 марта по 28 мая продолжался 72 дня.

«Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» П. Л. Лавров. Петроград. Изд. т-во «Колос», 1919 г., стр. 160.

Неподготовленность социалистических партий Коммуны.

Парижская Коммуна 1871 года была первым, еще слабым историческим опытом господства рабочего класса. Мы дорожим памятью Коммуны, несмотря на крайнюю ограниченность ее опыта, неподготовленность участников, смутность программы, отсутствие единства в среде руководителей, нерешительность замыслов, безнадежную растерянность исполнения и фатально обусловленный всем этим ужасающий разгром. Мы ценим в Коммуне «первую, хоть весьма бледную зарю республики пролетариата», по выражению Лаврова. Совсем иное дело—Каутский. Посвятив значительную часть своей книжки («Терроризм и Коммунизм») грубо-тенденциозному противопоставлению Коммуны Советской власти, он главные преимущества Коммуны видит в том, в чем мы видим ее беду и ее вину.

Каутский усердно доказывает, что Парижская Коммуна 1871 г. не была «искусственно» подготовлена, а явилась неожиданно, застигнув революционеров врасплох,—в противоположность ноябрьской революции, которую наша партия тщательно подготовляла. Это бесспорно. Не решаясь ясно формулировать свои глубоко-реакционные мысли, Каутский не говорит прямо, заслуживают ли одобрения парижские революционеры 1871 г. за то, что не предвидели пролетарского восстания и не успели к нему подготовиться, и нужно ли нас порицать за то, что мы предвидели неизбежное и сознательно шли ему навстречу. Однакоже, все изложенное Каутским построено таким образом, чтобы вызвать у читателя именно это представление: на коммунаров просто свалилось несчастье (баварский филистер Фольмар когда-то выражал сожаление, что коммунары не пошли спать вместо того, чтобы брать в руки власть) — и потому они заслуживают снисхождения; большевики сознательно шли навстречу несчастью (завоеванию власти), и поэтому им не будет прощения ни на этом, ни на том свете. Такая постановка вопроса может показаться невероятной по своей внутренней несообразности. Тем не менее, она совершенно неизбежно вытекает из позиции «независимых»-каутскианцев, которые втягивают голову в плечи, чтобы ничего не видеть и не предвидеть, и если делают шаг вперед, то лишь получив предварительно доброго тумака в спину.

«Унизить Париж,—пишет Каутский,—не дать ему самоуправления, лишить его положения столицы, разоружить его, чтобы затем с полной уверенностью отважиться на монархический государственный переворот,—такова была важнейшая задача Национального Собрания и избранного им главы исполнительной власти, Тьера. Из этого положения возник конфликт, который привел к парижскому восстанию.

«Ясно, насколько отличался от этого характер государственного переворота, произведенного большевизмом, который свою силу извлекал из стремления к миру; который имел за собою крестьян; который в Национальном Собрании не имел против себя монархистов, но эс-эров и меньшевистских социал-демократов.

«Большевики пришли к власти путем хорошо подготовленного государственного переворота, одним ударом передавшего им всю государственную машину, которую они сейчас же, самым энергичным и беспощадным образом использовали для подавления своих противников, в том числе и пролетарских.

«Восстанию Коммуны, наоборот, никто не был удивлен больше, чем сами революционеры, и для значительного числа среди них конфликт был в высшей степени нежелателен» (стр. 44).

Чтобы лучше уяснить себе действительный смысл того, что говорится здесь Каутским о коммунарах, приведем следующие интересные свидетельства:

«... 1 марта 1871 г.,—пишет Лавров в своей очень поучительной книжке о Коммуне,—через полгода после падения империи, за несколько дней до взрыва Коммуны, руководящие личности Парижского Интернационала все-таки не имели определенной политической программы... [1]).

[1]) «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» П. Л. Лавров. Изд. Т-ва Колос, Петроград 1919 г., стр. 64—65

«После 18 марта—пишет тот же автор—Париж был в руках пролетариата, но его предводители, растерянные пред своим неожиданным могуществом, не принимали самых элементарных мер» [1]).

«Ваша роль вам не по росту и ваша единственная забота—избавиться от ответственности, высказал один член Центрального комитета национальной гвардии». «В этом было много правды,—пишет участник и историк Коммуны Лиссагарэ,—но в минуту самого действия отсутствие предварительной организации и подготовки очень часто отзывается тем, что роль выпадает людям не по их росту» [2]).

Уже отсюда видно (дальше это станет еще яснее), что отсутствие со стороны парижских социалистов прямой борьбы за власть об'яснялось их теоретической бесформенностью и политической растерянностью, а никак не более высокими тактическими соображениями.

Можно не сомневаться, что верность самого Каутского традициям Коммуны выразится, главным образом, в том чрезвычайном удивлении, с каким он встретит пролетарский переворот в Германии, как конфликт, в высшей степени нежелательный. Мы сомневаемся, однако, чтобы это было записано потомками ему в заслугу. По существу же его исторической аналогии должно сказать, что она представляет собою сочетание путаницы, недомолвок и подтасовок.

Те намерения, какие имел Тьер в отношении Парижа,—Милюков, который открыто поддерживался Церетели и Черновым, имел в отношении Петербурга. Все они—от Корнилова до Потресова — изо дня в день твердили, что Петербург оторвался от страны, не имеет с ней ничего общего, развращен в конец и стремится навязать ей свою волю. Низложить и унизить Петербург было первой задачей Милюкова и его помощников. И это происходило в тот период, когда Петербург был подлинным средоточием революции, еще не успевшей укрепиться в остальных частях страны. Бывший председатель Думы Родзянко открыто говорил о сдаче Петербурга на выучку немцам, подобно тому, как сдана была Рига. Родзянко лишь называл по имени то, что составляло задачу Милюкова и чему всей своей политикой содействовал Керенский.

Милюков хотел разоружить пролетариат, как и Тьер. Более того, при посредстве Керенского, Чернова и Церетели, петроградский пролетариат был в значительной мере разоружен в июле 1917 г. Он частично снова вооружился во время корниловского наступления на Петербург, в августе. И это новое вооружение было серьезным элементом подготовки ноябрьского (октябрьского) восстания. Таким образом, как раз те пункты, где Каутский противопоставляет нашей ноябрьской революции мартовское восстание парижских рабочих, в значительнейшей мере совпадают.

В чем, однако, между ними разница? Прежде всего в том, что Тьеру его подлые замыслы удались, Париж был им задушен, десятки тысяч рабочих истреблены. Милюков же позорно расшибся, Петербург остался неприступной крепостью пролетариата, и лидер буржуазии ездил на Украину ходатайствовать об оккупации России войсками кайзера. В этой разнице есть значительная доля нашей вины, и мы готовы за нее нести ответственность. Капитальная разница состояла также в том,—и это не раз сказывалось в дальнейшем развитии событий,—что в то время, как коммунары исходили преимущественно из патриотических соображений, мы неизменно руководствовались точкой зрения международной революции. Разгром Коммуны привел к фактическому крушению Первого Интернационала. Победа Советской власти привела к созданию Третьего Интернационала.

Но Маркс—накануне переворота—советовал коммунарам не восстание, а создание организации! Можно было бы еще понять, если бы Каутский приводил это свидетельство для того, чтобы доказать, что Маркс недостаточно оценивал остроту положения в Париже. Но Каутский пытается эксплуатировать совет Маркса в доказательство предосудительности восстаний вообще. Подобно всем мандаринам германской социал-демократии, Каутский видит в организации прежде всего средство помешать революционному действию.

Но даже ограничиваясь вопросом организации, как таковой, не следует забывать, что ноябрьской революции предшествовало 9 месяцев существования правительства Керенского, втечение которых наша партия не без успеха занималась не только агитацией, но и организацией. Ноябрьский переворот произошел после того, как мы в рабочих и солдатских Советах Петербурга, Москвы и всех вообще промышленных центров страны завоевали подавляющее большинство и превратили Советы в могущественные организации, руководимые нашей партией. Ничего подобного не было у коммунаров. Наконец, у нас за спиной была героическая Парижская Коммуна, из крушения которой мы для себя сделали тот вывод, что революционеры должны предвидеть события и готовиться к ним. Это тоже наша вина.

Парижская Коммуна и терроризм.

Пространное сравнение между Коммуной и Советской Россией Каутскому нужно только для того, чтобы оклеветать и унизить живую и победоносную диктатуру пролетариата в пользу попытки диктатуры, относящейся к уже довольно отдаленному прошлому.

Каутский с чрезвычайным удовлетворением цитирует заявление Центрального Ко-

[1]) Там же, стр. 71.

[2]) «Histoire de la Commune de 1871» par Lissagarey. Bruxelles 1876, стр. 106.

митета национальной гвардии от 19 марта по поводу убийства солдатами двух генералов: «Мы говорим с негодованием: кровавая грязь, при помощи которой хотят запачкать нашу честь, является жалкой клеветой. Никогда нами не постановлялось убийство, никогда национальная гвардия не принимала участия в исполнении преступления».

Разумеется, у Центрального Комитета не могло быть никакого основания брать на себя ответственность за убийства, к которым он не имел отношения. Но сантиментально-патетический тон заявления очень ярко характеризует политическую робость этих людей перед буржуазным общественным мнением. И не мудрено. Представителями национальной гвардии являлись люди в большинстве своем с очень скромным революционным стажем. «Ни одного известного имени,—пишет Лиссагарэ.—Это мелкие буржуа, лавочники, чуждые замкнутым кружкам, большею частью до тех пор чуждые и политике» (стр. 70).

«Скромное, несколько боязливое чувство грозной исторической ответственности и желание как можно скорее избавиться от нее,—пишет о них же Лавров—проглядывают во всех прокламациях этого Центрального Комитета, в руки которого попали судьбы Парижа» (стр. 77).

Приведя для нашего посрамления декламацию относительно крови, Каутский дальше вслед за Марксом и Энгельсом критикует нерешительность Коммуны: «Если бы парижане (то-есть коммунары) настойчиво преследовали Тьера по пятам, им, может быть, удалось бы завладеть правительством. Отступавшие из Парижа войска не оказали бы им ни малейшего сопротивления... Но Тьер без помехи отступил. Ему позволили увезти с собой свои войска, реорганизовать их в Версале, наполнить новым духом и укрепить» (стр. 49).

Каутский не умеет понять, что те же самые люди и по тем же самым причинам издали цитированное выше заявление 19-го марта и позволили Тьеру безнаказанно отступить и собрать войска. Если бы коммунары п о б е д и л и при помощи одних лишь средств духовного воздействия, тогда их заявление получило бы большой вес. Но этого не случилось. На деле их сантиментальная гуманность была лишь оборотной стороной их революционной пассивности. Люди, которые волей судьбы получили власть в Париже и не понимали необходимости немедленно использовать эту власть до конца, броситься вслед Тьеру и, прежде чем он успел опомниться, разбить его на-голову, сосредоточить в своих руках войска, произвести необходимую чистку командного состава, овладеть провинцией,—такие люди, конечно, не были склонны к мерам суровой расправы над контрреволюционными элементами. Одно тесно связано с другим. Нельзя преследовать Тьера, не арестуя тьеровских агентов в Париже и не расстреливая заговорщиков и шпионов. Считая убийство контр-революционных генералов недопустимым «преступлением», нельзя развить энергию в преследовании войск, руководимых контр-революционными генералами.

В революции высшая энергия есть высшая гуманность. «Именно те люди,—справедливо говорит Лавров,—которые дорожат человеческой жизнью, человеческой кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергически для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови» (стр. 225).

Заявление 19-го марта может, однако, получить более правильную оценку, если его рассматривать не как безусловное исповедание веры, а как выражение преходящих настроений на другой день после неожиданной и бескровной победы. Совершенно чуждый понимания динамики революции, внутренней обусловленности ее быстро нарастающих настроений, Каутский мыслит безжизненными схемами и искажает перспективу событий произвольно подобранными аналогиями. Он не понимает того, что мягкосердечная нерешительность вообще свойственна массам в первую эпоху революции. Рабочие переходят в наступление лишь под давлением железной необходимости, как они переходят к красному террору лишь под угрозой белогвардейского истребления. То, что Каутский изображает, как результат особо высокой морали парижского пролетариата в 1871 г., на самом деле характеризует собою лишь первоначальный этап гражданской войны. Такие же явления наблюдались и у нас.

В Петербурге власть была завоевана нами в ноябре 1917 г. почти без пролития крови и даже без арестов. Министры правительства Керенского были отпущены на свободу очень скоро после переворота. Более того, казачий генерал Краснов, наступавший на Петербург вместе с Керенским уже после того, как власть перешла к Совету, и захваченный нами в плен в Гатчине, был отпущен на свободу на другой же день под честное слово. Это было «великодушие», совершенно в духе первых шагов Коммуны. Но это было ошибкой. Недавно генерал Краснов, провоевавши против нас около года на юге и истребивши многие тысячи коммунистов, снова наступал на Петербург, на этот раз в рядах армии Юденича. Более жестокий характер пролетарская революция получила лишь после восстания юнкеров в Петербурге и особенно после подготовленного кадетами, эсэрами, меньшевиками восстания чехо-словаков на Волге, массового истребления ими коммунистов, покушения на Ленина, убийства Урицкого и пр. и пр.

Те же самые тенденции, только в первичной стадии, мы видим и в истории Коммуны.

Толкаемая логикой борьбы она принципиально встала на путь устрашения. Созда-

ние Комитета Общественного Спасения было продиктовано для многих его сторонников идеей красного террора. Комитет назначался для того, чтобы «рубить головы изменникам» («Journal Officiel» № 123), чтобы «поражать измену» (там же, № 124). К «устрашительным» декретам следует отнести распоряжение (3 апреля) об аресте имущества Тьера и его министров, о разрушении дома Тьера, о разрушении Вандомской колонны, в особенности же декрет о заложниках. За всякого расстрелянного версальцами пленного или сторонника Коммуны должно было быть расстреляно тройное число заложников. Мероприятия полицейской префектуры, руководимой Раулем Риго, имели чисто террористический, хотя и не всегда целесообразный характер.

Действительность всех этих мер устрашения парализовалась бесформенным соглашательством руководящих элементов Коммуны, их стремлением примирить буржуазию с совершившимся фактом при помощи жалких фраз, их метаниями между фикцией демократии и реальностью диктатуры. Последнюю мысль прекрасно формулирует покойный Лавров в своей книжке о Коммуне.

«Париж богатых буржуа и нищих пролетариев, как разносословная, политическая община, требовал во имя либеральных начал полной свободы слова, собраний, критики правительства и т. д. Париж, совершивший революцию в пользу пролетариата и поставивший своей задачей осуществить эту революцию в учреждениях; Париж, как община эмансипированного рабочего пролетариата, требовал революционных, т.-е. диктаторияльных, мер относительно врагов нового строя» (стр. 143—144).

Если бы Парижская Коммуна не пала, а продолжала держаться в непрерывной борьбе, не может быть никаких сомнений в том, что она оказалась бы вынуждена перейти ко все более и более острым мерам подавления контр-революции. Правда, Каутский не имел бы при этом возможности противопоставлять гуманных коммунаров бесчеловечным большевикам. Зато и Тьер, вероятно, не имел бы возможности учинить свое чудовищное кровопускание пролетариату Парижа. Пожалуй, история не осталась бы в накладе.

Самочинный Центральный Комитет и „демократическая" Коммуна.

«19 марта, — повествует Каутский, — в Центральном Комитете национальной гвардии одни требовали похода на Версаль, другие—апелляции к избирателям, третьи—принятия прежде всего революционных мер, как будто каждый из этих шагов,—глубокомысленно поучает нас автор,—не был одинаково необходим и как будто они исключали друг друга» (стр. 54). В дальнейших строках Каутский по поводу этих разногласий в Коммуне преподносит нам подогретые баналности о взаимоотношении реформы и революции. На самом деле вопрос стоял так: если наступать на Версаль и делать это, не теряя ни одного часа, то нужно было тут же реорганизовать национальную гвардию, поставить во главе ее наиболее боевые элементы парижского пролетариата и тем самым временно ослабить Париж в революционном отношении. Но устраивать выборы в Париже, одновременно выводя из его стен цвет рабочего класса, было бы бессмысленно с точки зрения революционной партии. Теоретически поход на Версаль и выборы в Коммуну никакого, разумеется, не противоречат друг другу, но практически они исключали друг друга: для успеха выборов нужно было отложить поход, для успеха похода—отсрочить выборы. Наконец, выводя в поле пролетариат и временно обессиливая тем Париж, необходимо было обеспечить себя от возможности контр-революционных покушений в столице, ибо Тьер не остановился бы ни перед какими мерами, чтобы поджечь у коммунаров тыл белым огнем. Нужно было установить более строгий, т.-е. более строгий, режим в столице. «Приходилось бороться,—пишет Лавров,—против многочисленных внутренних врагов, которые наполняли Париж и вчера еще бунтовали около Биржи и на Вандомской площади, имели своих представителей в управлении, в национальной гвардии, имели свою прессу, свои собрания, почти явно сносились с версальцами и становились решительнее и дерзче при всякой неосторожности, при всякой неудаче Коммуны» (стр. 87). Необходимо было наряду с этим провести революционные меры финансового и вообще экономического характера, прежде всего—для обеспечения революционной армии. Все эти необходимейшие меры революционной диктатуры с трудом могли мириться с широкой избирательной кампанией. Но Каутский понятия не имеет о том, что такое революция на деле. Он думает, что теоретически примирить—значит практически осуществить.

Центральный Комитет назначил выборы в Коммуну на 22 марта, но, неуверенный в себе, пугаясь своей нелегальности, стремясь действовать в согласии с более «законным» учреждением, вступил в нелепые и бесконечные переговоры с совершенно бессильным собранием мэров и депутатов Парижа, готовый разделить с ними власть, только бы достигнуть соглашения. Между тем, драгоценное время уходило.

Маркс, на которого Каутский по старой памяти пробует опереться, ни в каком случае не предлагал в одно и то же время избирать Коммуну и выводить рабочих в поле для войны. В письме к Кугельману, Маркс писал 12 апреля 1871 г., что Центральный Комитет национальной гвардии слишком рано сдал свою власть, чтоб очистить место Коммуне. Каутский, по его собственным словам, «не понимает» этого мнения Маркса. Очень просто. Маркс-то во всяком случае понимал, что задача состояла не в погоне за легальностью, а в нанесении смертельного удара

врагу. «Если бы Центральный Комитет состоял из действительных революционеров, — совершенно правильно говорит Лавров, — он должен был бы действовать иначе. Для него было бы непростительно дать врагам 10 дней до избрания и созыва Коммуны для того, чтобы оправиться, в то время как руководители пролетариата отказывались от обязанности и не признавали за собою права немедленно руководить пролетариатом. Теперь фатальная неподготовленность народных партий создала Комитет, который считал для себя обязательным эти 10 дней бездействия» (стр. 78).

Стремление Центрального Комитета как можно скорее передать власть «законному» правительству диктовалось не столько суевериями формального демократизма, в которых, впрочем, не было недостатка, сколько страхом перед ответственностью. Под тем предлогом, что он есть временное учреждение, Центральный Комитет уклонился от принятия самых необходимых и совершенно неотложных мер, несмотря на то, что весь материальный аппарат власти сосредоточивался в его руках. Но и Коммуна не переняла полностью политической власти от Центрального Комитета, который продолжал довольно бесцеремонно вмешиваться во все дела. Это создавало крайне опасное, особенно в военной обстановке, двоевластие.

3 мая Центральный Комитет отправил в Коммуну депутацию, требуя себе распоряжения военным министерством. Снова поднялся, как говорит Лиссагарэ, вопрос о том, «следует ли распустить Центральный Комитет или арестовать его, или поручить ему управление военным министерством».

Дело шло тут вовсе не о принципах демократии, а об отсутствии у обоих участников ясной программы действий и о готовности как самочинной революционной организации, в лице Центрального Комитета, так и «демократической» организации, Коммуны, переложить ответственность друг на друга, не отказываясь в то же время целиком от власти. Политические отношения, которые, казалось бы, никак не могут быть названы достойными подражания.

«Но Центральный Комитет, — утешает себя Каутский, — никогда не пытался посягать на принцип, в силу которого высшая власть должна принадлежать избранным всеобщим голосованием. В этом пункте Парижская Коммуна была прямой противоположностью советской республике» (стр. 55). Не было единства правительственной воли, не было революционной решимости, было двоевластие, и в результате — скорый и страшный разгром. Но зато — разве это не утешительно? — не было посягательств на «принцип» демократии.

Демократическая Коммуна и революционная диктатура.

Тов. Ленин уже указывал Каутскому, что попытки изображать Коммуну, как выражение формальной демократии, являются прямым теоретическим шарлатанством. Коммуна, по традиции и по замыслу своей руководящей политической партии, бланкистов, была выражением диктатуры революционного города над страной. Так было в Великой Французской революции; так было бы и в революции 1871 г., если бы Коммуна не пала на первых порах. Тот факт, что в самом Париже власть была выбрана на основе всеобщего голосования, не устраняет другого, гораздо более значительного факта: военных действий Коммуны, одного города, против крестьянской Франции, то-есть всей страны. Чтоб удовлетворить великого демократа Каутского, революционеры Коммуны должны были предварительно опросить, путем всеобщего голосования, все население Франции, разрешает ли оно им воевать с бандами Тьера.

Наконец, и в самом Париже выборы произошли после бегства оттуда тьеровской буржуазии, по крайней мере, наиболее активных ее элементов, и после увода оттуда тьеровских войск. Оставшаяся в Париже буржуазия, при всей своей наглости, боялась все же революционных батальонов, и выборы прошли под знаком этого страха, который был предчувствием неизбежного в дальнейшем красного террора. Утешать себя тем, что Центральный Комитет национальной гвардии, при диктатуре которого, — к несчастью, весьма вялой и бесформенной, — прошли выборы в Коммуну, не покушался на принцип всеобщего голосования, значит поистине тенью щетки чистить тень кареты.

Занимаясь бесплодными сопоставлениями, Каутский пользуется тем, что его читатель не знает фактов. В Петербурге мы в декабре 1917 г. также избрали коммуну (городскую думу) на основе самого «демократического» голосования, без ограничений для буржуазии. Эти выборы, при бойкоте со стороны буржуазных партий, дали нам подавляющее большинство [1]). «Демократически» избранная дума добровольно подчинилась Петербургскому Совету, т.-е. поставила факт диктатуры пролетариата выше «принципа» всеобщего голосования, а спустя некоторое время и вовсе распустила себя собственным своим постановлением в пользу одного из отделов Петербургского Совета. Таким образом, Совет Петербурга — этот подлинный отец Советской власти — имеет на себе благодать формального «демократического» освящения, ничуть не хуже Парижской Коммуны.

[1]) Небезынтересно отметить, что в коммунальных выборах 1871 г. в Париже принимало участие 230.000 избирателей. На городских выборах в декабре 1917 г. в Петербурге, несмотря на бойкот выборов со стороны всех партий, кроме наших и левых эс-эров, — не имевших в столице почти никакого влияния, — участвовало 400.000 избирателей. В Париже в 1871 г. было 2.000.000 душ населения, и в Петербурге в 1917 г. 2.000.000 душ населения. Нужно принять во внимание, что наша избирательная система была несравненно демократичнее. Центральный Комитет национальной гвардии производил выборы на основании избирательного закона империи.

«На выборах 26-го марта было избрано 90 членов в Коммуну. Из них—15 членов правительственной партии (Тьера) и буржуазных радикалов, которые стояли в оппозиции к правительству, но осуждали восстание (парижских рабочих).

«Советская Республика,—поучает Каутский,—никогда не позволила бы, чтобы подобные контр-революционные элементы были допущены хотя бы в кандидаты, не говоря уже о выборах. Коммуна же из уважения к демократии не ставила выборам своих буржуазных противников ни малейшего препятствия» (стр. 55—56). Мы уже видели выше, что Каутский здесь во всех смыслах попадает пальцем в небо. Во-первых, на аналогичной стадии развития русской революции происходили демократические выборы в петербургскую Коммуну, причем Советская власть не ставила буржуазным партиям никаких препятствий, и если кадеты, эс-эры и меньшевики, имевшие свою прессу, которая открыто призывала к ниспровержению Советской власти, бойкотировали выборы, то только потому, что еще надеялись в то время скоро справиться с нами при помощи военной силы. Во-вторых, никакой об'емлющей все классы демократии не получилось и в Парижской Коммуне. Буржуазным депутатам — консерваторам, либералам, гамбеттистам—не оказалось в ней места.

«Почти все эти личности, — говорит Лавров,—или сейчас, или очень скоро вышли из советов Коммуны; они могли бы быть представителями Парижа—свободного города под управлением буржуазии, но были совершенно неуместны в общине, которая волею или неволею, сознательно или бессознательно, полно или неполно, но все-таки представляла революцию пролетариата и хотя бы слабую попытку создать формы общества, соответствующие этой революции» (стр. 111—112). Если бы петербургская буржуазия не бойкотировала коммунальных выборов, ее представители вошли бы в петербургскую думу. Они там оставались бы до первого эс-эро-кадетского восстания, после чего — с разрешения или без разрешения Каутского — были бы вероятно арестованы, если бы не покинули думу заблаговременно, как это сделали в известный момент буржуазные члены Парижской Коммуны. Ход событий остался бы тем же, — лишь на поверхности его некоторые эпизоды сложились бы иначе.

Славословя демократию Коммуны и в то же время обвиняя ее в недостаточной решительности по отношению к Версалю, Каутский не понимает, что коммунальные выборы, проводившиеся при двусмысленном участии «законных» мэров и депутатов, отражали надежду на мирное соглашение с Версалем. В этом суть дела. Руководители хотели соглашения, а не борьбы. Массы еще не изжили иллюзий. Фальшивые революционные авторитеты еще не успели осканда-литься. Все это вместе называлось демократией.

«Мы должны господствовать над нашими врагами нравственной силой... — проповедывал Верморель.—Не следует прикасаться к свободе и к жизни личностей...» Стремясь предотвратить «междоусобную войну», Верморель призывал либеральную буржуазию, которую он раньше так беспощадно клеймил, создать «правильную власть, признанную и уважаемую всем населением Парижа». «Journal Officiel», выходивший под руководством интернационалиста Лонгэ, писал: «Печальное недоразумение, которое в июньские дни (1848 г.) вооружило друг против друга два общественные класса, не может уже возобновиться... Классовый антагонизм перестал существовать...» (30 марта). И далее: «Теперь всякий раздор сгладится, потому что все солидарны, потому что никогда не было так мало социальной ненависти, социального антагонизма» (3-го апреля). В заседании Коммуны 25 апреля Журд мог не без основания хвалиться тем, что Коммуна «еще никогда не нарушала прав собственности». Надеялись завоевать этим буржуазное общественное мнение и найти путь к соглашению.

«Подобная проповедь, — совершенно правильно говорит Лавров,—нисколько не обезоруживала врагов пролетариата, отлично понимавших, чем грозит им его торжество, отнимала у пролетариата энергию борьбы и ослепляла его, как бы нарочно, в виду непримиримых врагов» (стр. 137). Но подобная расслабляющая проповедь была неразрывно связана с фикцией демократии. Форма мнимой легальности позволяла думать, что вопрос разрешится без борьбы. «Что касается массы населения, — пишет член Коммуны Артур Арну, — то она с некоторым правом верила в существование, по меньшей мере, скрытого соглашения с правительством». Бессильные привлечь буржуазию соглашатели, как всегда, вводили в заблуждение пролетариат.

Что в условиях неизбежной и уже начавшейся гражданской войны демократический парламентаризм выражал лишь соглашательскую беспомощность руководящих групп, об этом ярче всего свидетельствовала бессмысленная процедура дополнительных выборов в Коммуну 16 апреля. В это время «было уже не до голосования,—пишет Артур Арну.—Положение стало настолько трагическим, что не было ни необходимого досуга, ни необходимого хладнокровия для того, чтобы вообще голосование могло делать свое дело... Все люди, преданные Коммуне, были на укреплениях, в фортах, в передовых отрядах... Народ не придавал никакого значения этим дополнительным выборам. Выборы были, в сущности, лишь парламентаризмом. Надо было не считать избирателей, а иметь солдат; не узнавать, потеряли ли мы или выиграли во мнении Парижа, но защищать Париж от версальцев». Из этих слов Каутский мог бы усмотреть, почему на практике не так просто сочетать классовую войну с междуклассовой демократией.

«Коммуна не есть Учредительное Собрание,—писал в своем издании Мильер, одна из лучших голов Коммуны,—она—военный совет. У нее должна быть одна цель: победа; одно орудие: сила; один закон: закон общественного спасения».

«Они никогда не могли понять, — обвиняет вождей Лиссагарэ, — что Коммуна была баррикада, а не правление...»

Они начали это понимать под конец, когда было уже поздно. Каутский не понял этого до сего дня. Нет основания ожидать, чтоб он понял это когда-нибудь.

* * *

Коммуна была живым отрицанием формальной демократии, ибо в развитии своем означала диктатуру рабочего Парижа над крестьянской страной. Этот факт господствует над всеми остальными. Сколько бы политические рутинеры в среде самой Коммуны ни цеплялись за видимость демократической легальности, каждое действие Коммуны, недостаточное для победы, было достаточно для обличения ее нелегальной природы.

Коммуна, то-есть парижская городская дума, отменяла общегосударственный закон о конскрипции. Она называла свой официальный орган «Официальным Журналом Французской Республики». Она, хотя и робко, но прикасалась к Государственному Банку. Она провозгласила отделение церкви от государства и отменила бюджет вероисповеданий. Она входила в сношения с иностранными посольствами, и т. д., и т. д. Она все это делала по праву революционной диктатуры. Но этого права не хотел признать тогда еще зеленый демократ Клемансо.

На совещании с Центральным Комитетом Клемансо говорил: «Восстание имело незаконный повод... Скоро комитет станет смешон, и его декреты станут презираемы. Кроме того, Париж не имеет права восставать противу Франции и должен безусловно принять авторитет Собрания».

Задачей Коммуны было разогнать Национальное Собрание. К сожалению, ей это не удалось. Ныне Каутский ищет для ее «преступного» намерения смягчающих обстоятельств.

Он указывает на то, что коммунары имели своими противниками в Национальном Собрании монархистов, тогда как мы в Учредительном Собрании имели против себя... социалистов, в лице эс-эров и меньшевиков. Полное умственное затмение! Каутский говорит о меньшевиках и эс-эрах, но забывает об единственном серьезном враге—о кадетах. Именно они являлись нашей русской партией Тьера, то-есть блоком собственников во имя собственности, и профессор Милюков изо всех сил пытался подражать маленькому великому человеку. Уже очень скоро — задолго до ноябрьского переворота — Милюков стал искать своего Галлифэ, поочередно, в лице генерала Корнилова, Алексеева, затем Каледина, Краснова и, после того, как Колчак оттеснил в угол все политические партии, разогнав Учредительное Собрание, партия кадетов, единственная серьезная буржуазная партия, по существу насквозь монархическая, не только не отказала ему в поддержке, а, наоборот, окружила его еще большими симпатиями.

Меньшевики и эс-эры не играли у нас никакой самостоятельной роли, совершенно так же, как партия Каутского в революционных событиях Германии. Свою политику они целиком строили на коалиции с кадетами и тем самым предоставляли кадетам решающее положение, совершенно независимо от соотношения политических сил. Партии эс-эров и меньшевиков были только передаточным аппаратом для того, чтобы, собрав на митингах и на выборах политическое доверие пробужденных революцией масс, передать его затем в распоряжение контр-революционной империалистической партии кадетов, независимо от исхода выборов. Чисто вассальная зависимость эс-эровски-меньшевистского б о л ь ш и н с т в а́ от кадетского м е н ь ш и н с т в а являлась сама по себе худо прикрытым издевательством над идеей «демократии». Но этого мало. Во всех тех областях страны, где режим «демократии» задерживался слишком долго, он неизбежно кончался открытым государственным переворотом контр-революции. Так было на Украине, где демократическая Рада, предавшая германскому империализму Советскую власть, оказалась сама сброшенной монархистом Скоропадским. Так было на Кубани, где демократическая Рада оказалась под пятой у Деникина. Так было— и это важнейший эксперимент нашей «демократии» — в Сибири, где Учредительное Собрание, с формальным господством эс-эров и меньшевиков, при отсутствии большевиков, с фактическим руководством кадетов, привело к диктатуре царского адмирала Колчака. Так было, наконец, на нашем Севере, где учредиловцы, в лице правительства эс-эра Чайковского, превратились в нерящливую декорацию для господства контр-революционных генералов, русских и английских. Так произошло или происходит во всех мелких окраинных государствах: в Финляндии, в Эстонии, в Латвии, в Литве, в Польше, в Грузии, в Армении, где под формальным знаменем демократии совершается упрочение господства помещиков, капиталистов и чужестранного милитаризма.

Парижский рабочий 1871 г.—Петербургский пролетарий 1917 г.

Одно из самых грубых, немотивированных и политически постыдных противопоставлений, какие делает Каутский между Коммуной и Советской Россией, касается характера парижского рабочего в 1871 г. и русского пролетария в 1917—1919 гг. Первого Каутский изображает революционным энту-

зиастом, способным на высокое самоотвержение, второго — эгоистом, шкурником, стихийным анархистом.

Парижский рабочий имеет за собой слишком определенное прошлое, чтоб нуждаться в революционной рекомендации — или в защите от похвал нынешнего Каутского. Тем не менее, у петербургского пролетария нет и не может быть никаких мотивов уклоняться от сопоставления со своим героическим старшим братом. Непрерывная трехлетняя борьба петербургских рабочих—сперва за завоевание власти, затем за ее сохранение и упрочение—представляет собою исключительную летопись коллективного героизма и самоотвержения, среди небывалых мук голода, холода и вечных опасностей. Каутский, как это раз'ясняется нами в другой связи, для сопоставления с цветом коммунаров берет наиболее темные элементы русского пролетариата. Он и в этом отношении не отличается от буржуазных сикофантов, которым мертвые коммунары всегда представляются несравненно привлекательнее живых.

Петербургский пролетариат взял власть на четыре с половиною десятилетия позже парижского. Этот срок дал нам в руки огромные преимущества. Ремесленный мелкобуржуазный характер старого, отчасти и нового Парижа совершенно чужд Петербургу, средоточию самой концентрированной промышленности в мире. Последнее обстоятельство чрезвычайно облегчало нам задачи агитации и организации, как и установление советской системы.

Наш пролетариат не имеет и в отдаленной мере богатейших революционных традиций пролетариата Франции. Но зато в памяти старшего поколения наших рабочих были к началу нынешней революции еще слишком свежи великий опыт 1905 г., его неудача и завещанный им долг мести.

Русские рабочие не проделали, подобно французским, долгой школы демократии и парламентаризма, которая в известную эпоху являлась важным фактором политической культуры пролетариата. Но с другой стороны, у русского рабочего класса не успели отложиться в душе горечь разочарования и отрава скептицизма, которые до известного, надеемся — уже недалекого, момента связывают революционную волю французского пролетариата.

Парижская Коммуна потерпела военное крушение, прежде чем перед нею во весь рост встали экономические вопросы. Несмотря на прекрасные боевые качества парижских рабочих, военная судьба Коммуны сразу определилась, как безнадежная: нерешительность и соглашательство наверху породили распад в низах.

Жалованье национальной гвардии выплачивалось по расчету на 162.000 рядовых и 6.500 офицеров; но число тех, которые действительно шли в бой, особенно после неудачной вылазки 3 апреля, колебалось между 20-ю и 30-ю тысячами.

Эти данные нисколько не компрометируют парижских рабочих и не дают права считать их трусами и дезертирами, хотя, конечно, и в дезертирстве недостатка не было. Для боеспособной армии необходим прежде всего централизованный и точный аппарат управления. Этого у Коммуны не было и в помине.

Военное ведомство Коммуны было, по выражению одного автора, как бы темной комнатой, где все сталкивались. Канцелярия министерства была наполнена офицерами, простыми гвардейцами, которые требовали военных припасов, продовольствия, жаловались, что их не сменяют. Их отсылали в комендантство...

«Одни батальоны оставались в траншеях по 20 и по 30 дней, тогда как другие были постоянно в резерве... Эта беззаботность убила скоро всякую дисциплину. Люди храбрые скоро захотели зависеть лишь от самих себя; другие уклонялись от службы. Так же поступали и офицеры; одни бросали свой пост, чтобы идти на помощь к соседу, выдерживавшему огонь; другие уходили в город...» («Парижская Коммуна 1871 г.», П. Л. Лавров, 1919 г., стр. 100).

Такой режим не мог оставаться безнаказанным: Коммуна была утоплена в крови. Но на этот счет у Каутского имеется бесподобное утешение:

«Ведение войны, — говорит он, покачивая головой, — вообще, ведь, не сильная сторона пролетариата» (стр. 76).

Этот достойный Панглоса афоризм стоит вполне на уровне другого великого изречения Каутского, — именно, что Интернационал не является пригодным орудием во время войны, будучи по существу своему «инструментом мира».

В этих двух афоризмах, в сущности, нынешний Каутский — весь, целиком, т.-е. немногим больше круглого нуля. Ведение войны, видите ли, вообще не сильная сторона пролетариата, тем более, что и Интернационал создавался не для эпохи войны. Корабль Каутского строился для прудов и спокойных бухт, а вовсе не для открытого моря и не для бурной эпохи. Если этот корабль дал брешь, стал протекать и ныне благополучно идет на дно, то виной в этом буря, излишняя масса воды, чрезмерность волны и ряд других непредусмотренных обстоятельств, для которых Каутский не предназначал свой великолепный инструмент.

Международный пролетариат ставит своей задачей завоевание власти. Независимо от того, принадлежит ли гражданская война «вообще» к необходимым атрибутам революции «вообще», остается несомненным тот факт, что движение пролетариата вперед, по крайней мере в России, в Германии, в частях бывшей Австро-Венгрии, приняло форму напряженной гражданской войны, притом не только на внутренних, но и на внешних фронтах. Если ведение войны не есть сильная сторона пролетариата, а рабочий Интерна-

ционал пригоден **только для мирной эпохи**, тогда нужно поставить крест на революции и на социализме, ибо ведение войны составляет довольно **сильную** сторону капиталистического государства, которое **без войны** не подпустит рабочих к управлению. Тогда остается так называемую «социалистическую» демократию просто об'явить прижившейся капиталистического общества и буржуазного **парламентаризма**, т.-е. открыто санкционировать то, что делают в политике Эберты, Шейдеманы, Ренодели и против чего на словах как будто все еще возражает Каутский.

Ведение войны не было сильной стороной Коммуны. Именно, поэтому она оказалась разгромленой. И как беспощадно разгромленой!

«Надо обратиться, — писал в свое время довольно умеренный либерал Фио, — к проскрипциям Суллы, Антония и Октавия, чтобы встретить такие убийства в истории цивилизованных наций; религиозные войны при последних Валуа, Варфоломеевская ночь, эпоха террора были в сравнении с ними детскими играми. В одну последнюю неделю мая в Париже поднято 17.000 трупов федерированных инсургентов... Убивали еще около 15 июня».

«Ведение войны вообще, ведь, не сильная сторона пролетариата».

Неправда! Русские рабочие показали, что способны овладеть также и «инструментом войны». Мы видим здесь гигантский шаг вперед по сравнению с Коммуной. Это не отречение от Коммуны, — ибо традиции Коммуны вовсе не в ее беспомощности, — а продолжение ее дела. Коммуна была слаба. Чтоб довершить ее дело, мы стали сильны. Коммуну разбили. Мы наносим удар за ударом палачам Коммуны. **Мы мстим за Коммуну, и мы отомстим за нее.**

* * *

Из 167.000 тысяч национальных гвардейцев, получавших жалование, в бой шли два-три **десятка тысяч**. Эти цифры служат интересным **материалом** для выводов о роли формальной **демократии в революционную** эпоху. Судьба Парижской Коммуны решалась не в голосованиях, а в боях с войсками Тьера. 167.000 национальных гвардейцев представляли **главную** массу избирателей. Но фактически, в боях, определяли судьбу коммуны 20 — 30 тысяч человек, наиболее самоотверженное боевое меньшинство. Это меньшинство стояло не особняком, — оно лишь более мужественно и самоотверженно выражало волю большинства. Но это все же было меньшинство. Остальные, прятавшиеся в критические моменты, не были враждебны Коммуне; наоборот, они активно или пассивно поддерживали ее, но они были менее сознательны, менее решительны. На арене политической демократии их низшая сознательность открывала возможность обмана их авантюристами, проходимцами, мещанскими шарлатанами и честными тупицами, которые обманывали **самих себя**. Но в момент открытой классовой войны они в большей или меньшей мере шли за самоотверженным меньшинством. Это и нашло свое выражение в организации национальной гвардии. Если бы существование Коммуны продлилось, это взаимоотношение между авангардом и толщей пролетариата закреплялось бы все больше и больше. Та организация, которая сложилась и упрочилась бы в процессе открытой борьбы, как организация трудящихся масс, стала бы организацией их диктатуры, Советом депутатов **вооруженного пролетариата**.

Л. ТРОЦКИЙ.

СТРАСБУРГ И МОСКВА.

I.

С'езд Французской Социалистической Партии, происходивший 25—29 января с. г. в Страсбурге, представляет собою выдающееся событие в истории международного революционного движения. Никогда еще, ни перед одним с'ездом не велось столько страстных дебатов. И все эти дебаты, дискуссии и споры вращались, главным образом, около вопроса о Втором Интернационале. В социалистической печати и перед с'ездом и во время его велась ожесточенная борьба между последовательными и решительными интернационалистами группы Лорио и социал-оппортунистами—или, как они теперь называют себя «восстановителями», Жаном Лонгэ, Майерасом, Прессманном, Даниелем Рену, Полем Фором, Фроссаром, которых поддерживали также правые элементы партии, в настоящее время превратившиеся в простых

Ко времени	Парижского	с'езда	в декабре	1915 года	партия насчитывала	. . . . .	24.638	членов
»	Парижского	»	в ноябре	1916 »	»	»	24.854	»
»	Бордосского	»	в	1917 году	»	»	28.069	»
	Парижского	»	в	1918 »	»	»	34.063	»
»	Страсбургского	»	в	1920	»	»	133.327	»

Мы видим, таким образом, что втечение одного года—от конца 1918 до начала 1920—число членов партии возросло на 90.264 чел. Заметим, что накануне войны, в июле 1914 г. число членов равнялось 93.218 чел.

Доказательством того, что бо́льшая часть новых членов принадлежит к крайним левым, может служить тот факт, что наибольший приток новых членов наблюдался за последний год как раз в тех федерациях, которые высказались за присоединение к Третьему Интернационалу. Главный редактор «Populaire'a», Поль Фор, которого обыкновенно считают левее Жана Лонгэ, сам признает это в своей статье, озаглавленной: «Кто вступает в нашу партию?» «Наши новые товарищи—пишет он—отличаются горячим энтузиазмом, боевым духом, сильным нетерпением и живым чувством». В конце своей статьи Поль Фор, забывая, что он сам принадлежит к наиболее безнадежным, вечно колеблющимся путанникам, упрашивает «товарищей из крайней левой, направляющих свой курс по несколько колеблющейся магнитной стрелке» сделать над собой усилие и не разрушать партии! Другими словами,—он просит интернационалистов перестать быть последовательными.

Особенно типичен в указанном смысле пример Федерации Сены, насчитывающей более 18.000 членов. На с'езде федерации в апреле 1919 г. безусловных сторонников Второго Интернационала, голосовавших за резолюцию Реноделя) Страсбургский с'езд постановил, подобно германским «независимым», выйти из Второго Интернационала. Партия еще не решилась вступить в Коммунистический Интернационал, но товарищ Лорио, которому в первый раз, год тому назад, за резолюцию о присоединении к Третьему Интернационалу удалось собрать всего 256 голосов, на этот раз получил 1621 голос.

Несмотря на вечные колебания, на свою неясную и двусмысленную тактику, Французская Социалистическая Партия приобрела за последние месяцы весьма значительное число новых членов,—и число это было бы еще значительнее, если бы партия вела вполне определенную левую политику. В отчете Генерального Секретаря партии Фроссара мы находим следующие цифровые данные:

их подголосков. Значительным большинством (4.330 голосов против 337, поданных за резолюцию Реноделя) Страсбургский с'езд постановил, подобно германским «независимым», выйти из Второго Интернационала. Партия еще не решилась вступить в Коммунистический Интернационал, но товарищ Лорио, которому в первый раз, год тому назад, за резолюцию о присоединении к Третьему Интернационалу удалось собрать всего 256 голосов, на этот раз получил 1621 голос.

Несмотря на вечные колебания, на свою неясную и двусмысленную тактику, Французская Социалистическая Партия приобрела за последние месяцы весьма значительное число новых членов,—и число это было бы еще значительнее, если бы партия вела вполне определенную левую политику. В отчете Генерального Секретаря партии Фроссара мы находим следующие цифровые данные:

Ко времени	Парижского	с'езда	в декабре	1915 года	партия насчитывала	. . . . .	24.638	членов
»	Парижского	»	в ноябре	1916 »	»	»	24.854	»
»	Бордосского	»	в	1917 году	»	»	28.069	»
	Парижского	»	в	1918 »	»	»	34.063	»
»	Страсбургского	»	в	1920	»	»	133.327	»

Мы видим, таким образом, что втечение одного года—от конца 1918 до начала 1920—число членов партии возросло на 90.264 чел. Заметим, что накануне войны, в июле 1914 г. число членов равнялось 93.218 чел.

Доказательством того, что бо́льшая часть новых членов принадлежит к крайним левым, может служить тот факт, что наибольший приток новых членов наблюдался за последний год как раз в тех федерациях, которые высказались за присоединение к Третьему Интернационалу. Главный редактор «Populaire'a», Поль Фор, которого обыкновенно считают левее Жана Лонгэ, сам признает это в своей статье, озаглавленной: «Кто вступает в нашу партию?» «Наши новые товарищи—пишет он—отличаются горячим энтузиазмом, боевым духом, сильным нетерпением и живым чувством». В конце своей статьи Поль Фор, забывая, что он сам принадлежит к наиболее безнадежным, вечно колеблющимся путанникам, упрашивает «товарищей из крайней левой, направляющих свой курс по несколько колеблющейся магнитной стрелке» сделать над собой усилие и не разрушать партии! Другими словами,—он просит интернационалистов перестать быть последовательными.

Особенно типичен в указанном смысле пример Федерации Сены, насчитывающей более 18.000 членов. На с'езде федерации в апреле 1919 г. безусловных сторонников Второго Интернационала, голосовавших за резолюцию центровика Леона Блюма, было 1305; оппортунистов, стоявших за вхождение партии во Второй Интернационал на известных условиях (резолюция Верфейля), оказалось 3.999; наконец, сторонников безоговорочного присоединения к Третьему Интернационалу было только 2.214. В феврале 1920 г. на с'езде той же федерации за резолюцию Реноделя, поддерживавшего Второй Интернационал, было подано 615 голосов; за резолюцию «восстановителей», предлагающую выйти из Второго Интернационала и вступить в переговоры с Третьим,—5.988 голосов, и за резолюцию т. Лорио (требующую безоговорочного присоединения к Московскому Третьему Интернационалу) было подано 9.930 голосов.

Характерен также пример Федерации Па-де-Кале, в которой в 1914 г. было 3275 членов, в 1918 г. только 1950 членов, а сейчас—11.950 чл. Все 8 депутатов, избираемых этой федерацией в палату, настроены враждебно к Третьему Интернационалу. Тем не менее, на последнем с'езде федерации, после продолжительных дебатов, 236 делегатов высказались за Третий Интернационал, 136—за резолюцию оппортунистов-«восстановителей» и 123 за резолюцию, рекомендующую вхождение партии в Желтый Интернационал.

Приведем, наконец, еще один—самый яркий—пример. Из всех областей Франции шовинизм сильнее всего развился во время войны

в Эльзас-Лотарингии. И что же? На с'езде Федерации Верхнего Рейна, насчитывающей 4300 членов, из 70 делегатов 42 голосовало за резолюцию Лорио. На этом с'езде поборник интернационалистского течения, секретарь союза шахтеров т. Кюн резко критиковал и французских и немецких социал-патриотов, решительно отвергая принцип «защиты отечества». На Страсбургском с'езде Кюн, речь которого—он говорил по-немецки—была переведена т. Генриеттой Роланд Хольст, указывал на то, что шовинистское настроение весьма усилилось в Эльзасе, не только благодаря политике и личной агитации ренегата Мильерана, который, как известно, был назначен туда Главным Комиссаром, но также и вследствие ошибочной тактики некоторых социалистов; он утверждал, что Грумбах и Вейль отнюдь не являются представителями масс, и сравнивал Тома с Носке. Из всех речей, произнесенных на с'езде, его речь была, безусловно, самой революционной. «Вы отвергаете—говорил он—диктатуру пролетариата, но примиряетесь с диктатурой капитализма. Об'единение всех социалистов осуществится, несмотря на противодействие вождей. Волна русской революции очистит нас от предрассудков национализма, заставляющих нас защищать буржуазное отечество и толкающих рабочих к взаимному истреблению».[1]

II.

Если, с одной стороны, мы можем с радостью констатировать значительное усиление интернационалистских и революционных элементов, то, с другой, мы принуждены, к крайнему нашему сожалению, указать на нерешительность, слабость и непоследовательность, проявляемые целым рядом товарищей. Так например, т. Томмази, принадлежащий к одному из синдикатов меньшинства (он член Союза Работников Авиации) и еще недавно отстаивавший позицию крайней левой, теперь примкнул к «восстановителям», подписавшись под их резолюцией, и на Страсбургском с'езде он горячо упрекал сторонников Лорио в их крайней непримиримости. Редактор Гренобльского «Droit du Peuple» («Право Народа»), Ж. Л. Шастанэ сначала вел в своей газете решительную кампанию за Третий Интернационал. В первых числах февраля он писал следующее: «Доводы товарищей, не желающих, чтобы Москва господствовала над всем Интернационалом, напоминают мне тех, кто во время войны пугали нас призраком Интернационала, управляемого из Берлина. Доводы эти не выдерживают критики. В самом деле, ведь когда Интернационал будет восстановлен, Москва, или Советская Республика, будет лишь одной из секций Интернационала, и ей придется считаться с мнением двадцати или двадцати пяти других секций».

«Но я повторяю: время не терпит! Постараемся же, дорогие товарищи, отрешиться от мелочных соображений самолюбия и от личных антипатий, и примкнем, без колебаний и без проволочек, к единственному, заслуживающему этого названия и достойному знамени социализма,—Третьему Интернационалу».

А несколько дней спустя автор приведенных строк, сделав совершенно неожиданный волт, отстаивал уже резолюцию «восстановителей». Вот какие казусы случаются иногда с неустойчивыми людьми, попадающими в вихрь «конфузионизма»!

Необходимо поэтому соблюдать большую осторожность и не очень-то предаваться иллюзиям по поводу слишком быстрой эволюции некоторых оппортунистов. Ибо, если Франция и богата талантами, то зато она чрезвычайно бедна людьми с сильным характером, особенно среди интеллигенции. Мы не раз видели примеры того, как интеллигенты решительно и убежденно—на словах, конечно—примыкали к Третьему Интернацивналу, а затем, если и не проделывали такого сальтомортале как Шастанэ, то, во всяком случае, оказывались в высшей степени непоследовательными, увеличивая путаницу, царящую в массах, которых лишь безошибочный инстинкт ведет к революции и к диктатуре пролетариата. В Париже, на rue de Bretagne есть марксистская школа. Там читаются превосходные лекции, там разбирается Коммунистический Манифест и комментируются произведения Маркса. Партия должна была бы заставить всех партийных интеллигентов посещать эту школу: раз у них хватает времени на то, чшобы редактировать статьи, писать книги и выступать на собраниях, то должно найтись время и для систематического изучения марксизма... Возьмем, например, тов. Жоржа Пиоша. Это человек на редкость талантливый и живой. Он написал уже целый ряд блестящих статей, часто выступает с большим успехом на собраниях. Вместе с товарищами Лорио, Сувариным, Коном, Оскаром Блохом и др. он выпустил воззвание к отдельным революционерам и к партийным секциям и организациям, предлагая им признать программу и примкнуть к организации Коммунистического Интернационала. И вот, 6-го января 1920 г. этот Жорж Пиош в газете «Populaire» поместил статью под заглавием: «Франция и г. Кайо». В этой статье он защищает бывшего министра-президента и, вспоминая о «славном, вполне социалистическом» поступке Жореса, выступившего на защиту капитана Дрейфуса, пишет: «Я в политическом смысле не сторонник г. Кайо, но националистам, кричащим: «все, что — национально, наше», мы, по моему мнению, теперь же — именно теперь—с большей силой, чем когда бы то ни было, должны заявить: «а все, что — международно, — наше». Если признать этот принцип, провозглашенный Пиошем, то придется сказать, что капитализм международен, следовательно он—наш. Далее, Пиош продолжает: «Долг социалистической партии стать на сторону Кайо, не для того,

чтобы следовать за ним, а чтобы спасти и сохранить в нем то, что достойно жизни и сохранения». Извольте понять, что это значит!

Эту спутанность, этот «конфузионизм», составляющий отличительную черту французских интеллигентов, мы находим и в группе «Clarté» («Ясность»), основанной ярким, талантливым писателем Анри Барбюссом. Путанный, противоречивый характер выступлений этой группы отнюдь не соответствует ее названию. Группа эта, устроившая в честь Третьего Интернационала собрание, на котором выступали Лорио, Сомоно, Пьер Монат и Раймон Лефевр, издает журнал, в котором, между прочим, сотрудничает... Грумбах!

III.

Этим же конфузионизмом в сильной степени заражены называющие себя теперь «восстановителями» оппортунисты, которые под давлением масс и партийной крайней левой отошли от Второго Интернационала, но не решаются переступить порог Третьего. И т. Лорио вполне прав, говоря в своей статье, помещенной в «Journal du Peuple» от 8-го февраля с. г., что «восстановители и в вопросе об Интернационале оказываются такими же безнадежными путаниками, какими они все время были втечение последних пяти лет».

На парижском с'езде 1918 г. Майерас, нападая на Третий Интернационал и на большевиков, заявлял: «Я стоял за защиту отечества и до войны, и во время войны, и я не стыжусь этого...» На последнем с'езде федерации Сены он повторял то же самое, и оказался еще большим путаником и оппортунистом. Прибегая к любимому доводу меньшевиков, он обвинял большевиков в том, что они дезорганизаторы, что они сеют раздор, и снова смешивал последовательный революционный марксизм, отвергающий защиту буржуазного отечества, с узким и крикливым антимилитаризмом Эрве. «В пропагандистских выступлениях некоторых товарищей — говорил он — снова чувствуется противный привкус гнилого эрвеизма, и это внушает нам те же опасения, которые внушали нам до войны речи некоторых провокаторов». Майерас, неисправимый, обладающий повышенной чувствительностью индивидуалист, считающий себя одним из самых непогрешимых марксистов, отказался было от участия в Страсбургском с'езде на том основании, что мэр Страсбурга, гражданин Пейротес, которым так умилялся во время войны Жан Лонгэ, незадолго до с'езда произнес хвалебную речь в честь Мильерана. Но, по размышлении зрелом, Майерас все же поехал в Страсбург. «Я не пойду в Москву» — так он озаглавил свою статью, помещенную в «Journal du Peuple». В этой статье он глубокомысленно заявляет: «Хотя обе русские революции и дали великие результаты, хотя октябрьская революция и является выдающимся историческим событием, — все же Третий Коммунистический Интернационал пока еще — только блеф». Будучи вечным путанником, он высказывает пожелание о созыве конференции, на которой должны быть представлены все те, «кто остались социалистами в самом глубоком и ясном смысле этого слова» (должно быть, он имеет при этом в виду господ, подобных Майерасу и Реноделю!), и продолжает: «Из этой конференции родится обновленный, очищенный, работоспособный Интернационал, — участвуя в котором большевики скомпрометируют себя, во всяком случае, гораздо меньше, чем на Принцевых Островах, куда они так стремились, или в Копенгагене, где они в лице Литвинова окончательно осрамили себя, связавшись с социал-предателем О'Грэди!»

IV.

Почти в одних и тех же словах Прессманн и Лонгэ защищали в Страсбурге свою неустойчивую и двусмысленную точку зрения, причем в этой, с позволения сказать, «творческой» работе их поддерживали Реноделъ и Грумбах. Письма Ленина и Троцкого оказали на дебаты с'езда весьма благотворное влияние, и много ясности, благодаря своему таланту и обширным историческим познаниям, внесла блестящая марксистка тов. Генриетта Роланд Холст, присутствовавшая на с'езде в качестве представительницы от Голландской Коммунистической Партии и от Западно-Европейского Бюро Третьего Интернационала. Тов. Роланд Холст заявила, что ни одна из старых партий не созрела еще для вступления в Коммунистический Интернационал, и она перечислила всех социал-предателей, которых, по ее мнению, необходимо исключить из Интернационала. «Humanité» в своем обстоятельном отчете о работах с'езда пропускает это перечисление и лаконически замечает: «Она (тов. Роланд Холст) называет по имени всех подозрительных граждан, подлежащих исключению из Интернационала, и их имена, пользующиеся всеобщим уважением, вызывают бурю протестов среди участников с'езда».

Самыми яркими представителями оппортунизма были на с'езде Генеральный Секретарь партии Фроссар и главный редактор «Populaire»'а Поль Фор. Еще до с'езда Фроссар написал целый ряд статей и прочел ряд рефератов на собраниях, организованных различными федерациями, о своей поездке в Швейцарию. Официально поездка эта имела целью информацию, но в действительности Фроссар поехал в Швейцарию для того, чтобы совместно с оппортунистами, составляющими Центральный Комитет Швейцарской Социалистической Партии, и в частности с Робертом Гриммом, Паулем Грабером и Хуглером, обсудить вопрос о том, как бы вырвать у Коммунистического Интернационала наиболее крупные уступки центровикам. Был задуман целый план об'единения западно-евро-

пейских партий центра: Швейцарской Социалистической Партии, Германской Независимой Социал-Демократической Партии, английской Независимой Рабочей Партии (I. L. P.) и—на это надеялись, по крайней мере, некоторые чудаки из французских оппортунистов — Итальянской Социалистической Партии.

В Швейцарии Фроссар встретился также с Криспином. Криспин и Хуглер всячески старались ему доказать, что единственную организованную революционную силу в Германии представляет Независимая Социал-Демократическая Партия и что Германская Коммунистическая Партия состоит из бесчисленных фракций и подфракций, враждующих между собой и раздирающих друг друга. «Всюду—заявляет Гримм—москвичи сеют раскол... Невозможно ведь допустить, чтобы называли изменниками делу социализма таких людей, как Каутский, Ледебур и Лонгэ... Вечная ошибка русских заключается в том, что они строют свою политику на предположениях, которым никогда не суждено сбыться. Так, например, они были уверены в том, что произойдет всемирная революция». Центровики не перестают угрожать этим призраком большевистских расколов. Жан Лонгэ недавно с явным злорадством опубликовал в «Populaire»'е разглагольствования члена Американской Социалистической Партии Голломба, утверждающего, что единственной партией, представляющей американские массы, является Американская Социалистическая Партия, а обе коммунистические партии «почти не насчитывают в своих рядах рабочих» и «вынуждены принимать формы нелегальных организаций, совершенно не соответствующие духу американского народа».

Что касается ярого противника большевиков и горячего поклонника Франции, социал-конфузиониста Пауля Грабера, то, по словам Фроссара, он заявил, что ему «так и не удалось добиться от кого нибудь ясной и определенной формулировки того, что такое диктатура пролетариата». Говоря о своих швейцарских и немецких «друзьях», Фроссар прибавляет: «Они согласны присоединиться к Третьему Интернационалу лишь на таких условиях, которые будут совместимы с достоинством их партий и дадут им достаточные гарантии относительно будущего».

Поль Фор, которого некоторые товарищи-коммунисты считали гораздо левее Лонгэ и который якобы собирался порвать с центром, теперь дал задний ход. В нескольких статьях, пышащих злобой и полных самых несправедливых нападок, он обрушился на Бориса Суварина, автора брошюры о Третьем Интернационале, написавшего целый ряд прекрасно обоснованных, в высшей степени ясных и логичных статей. В Страсбурге Фор заявил, что никакого Интернационала сейчас нет, так как есть два Интернационала. Надо мол из этих двух создать один, и тогда это будет Интернационал. Итак, по мнению общепризнанного вождя «восстановителей», прочное здание, возведенное в Москве, совсем не существует! В своей речи Поль Фор протестовал против проектов об исключении социал-предателей из Интернационала, против политики «проскрипционных списков» и высказался против отказа от защиты отечества. Согласно помещенному в «Humanité» отчету, «он привел все традиционные доводы социалистов в пользу защиты отечества, защиты той собственности, которая перейдет в руки пролетариев после их освобождения». В заключение он поклялся, что никогда не покинет своих дорогих друзей из Верхней Вьенны — этого оплота оппортунизма и реформизма.

V.

Таков блок центровиков, первоначальный проект которого был выработан в Швейцарии и который оппортунисты в Страсбурге решили противопоставить Третьему Интернационалу: реформизм, мелко-буржуазной социализм, все еще продолжающий жить «социализм военного времени» — словом, оппортунизм во всей своей спутанности и во всем своем безобразии. Но несмотря на все красноречие представителей этого оппортунизма, стойкие революционеры все же голосовали за резолюцию Лорио, которую со всей силой логики и убежденности обосновывали сначала сам Лорио, а затем Кюн.

И все же нельзя сказать, чтобы платформа крайней левой была совершенно безупречна. Так, в сжатой и точной резолюции Комитета Третьего Интернационала ничего не сказано по вопросу о защите буржуазного отечества. И об исключении предателей и ренегатов из Интернационала т. т. Лорио и Сомоно высказались несколько разноречиво.

Прошло три года с тех пор, как Лорио в первом номере журнала «Nouvelle Internationale», вышедшем в Женеве, опубликовал свой призыв к расколу. Но в разговоре с автором настоящих строк он тогда же сам сознавался, что из всех товарищей крайней левой лишь он один стоит на этой точке зрения. Неужели же за три года мысль о расколе не стала более популярной в этой фракции, которая за несколько месяцев так разрослась и сделала такие большие успехи? Если, как мы видели, бо́льшая часть новых членов партии с самого же начала вступает в ряды крайней левой, то с другой стороны, не может быть сомнения и в том, что значительное число рабочих, искренних революционеров, коммунистов и интернационалистов, не желает вступать в партию, которая покрыла себя таким позором при крахе Второго Интернационала; в официальном органе которой сотрудничают такие господа, как Браке, Ренодель и Грумбах; которая поручила редактирование своего нового органа «La voix paysanne» («Крестьянский Голос»), предназначенного для ведения пропаганды среди сельских рабочих, заведомому предателю Компер-Морелю; наконец,—в партию, парламентская фракция которой, руководимая оппортунистами и мелкобуржуазными академиками По-

лем Бонкуром и Леоном Блюмом (которого Ромэн Роллан вывел в своем романе под именем Леви-Кер), ведет реформистскую политику, основанную на сотрудничестве классов.

Получит ли на следующем с'езде Французской Социалистической Партии крайняя левая большинство голосов? И если даже получит, то стоит ли тратить еще несколько месяцев на борьбу внутри старой организации, когда можно теперь же организовать новую, истинно-революционную коммунистическую партию, которая будет отстаивать целиком всю программу Третьего Интернационала и даст возможность пролетариату, когда обстоятельства позволят это, провозгласить свою диктатуру? По нашему мнению,—не стоит.

А. ГИЛЬБО.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ.

*(Окончание *).*

III. Коммунистические партии.

В «Коммунистическом Интернационале» не мало писалось уже об американских коммунистах. Поэтому я ограничусь лишь изложением наиболее выдающихся фактов из истории движения и общим обзором теперешнего положения.

Оппортунистическая, мелкобуржуазная Американская Социалистическая Партия достигла максимального влияния и успеха в 1912 году, когда ей удалось собрать миллион голосов за Евгения Дебса, выставленного кандидатом в президенты, и провести в конгресс своего первого представителя, Виктора Бергера. В том же году партия окончательно откололась от революционных рабочих элементов, отозвав из Национального Исполнительного Комитета Вильяма Гейвуда и включив в свою программу знаменитый «раздел 6-ой 2-ой статьи» **), известный под названием «противосаботажного» параграфа; параграф этот на деле изгонял из партии всех боевых рабочих, признававших необходимость «непосредственного действия».

С этого времени начинается парламентская деятельность социалистической партии,—деятельность, впечение очень короткого времени укрепившая в партии мелкобуржуазные реформистские тенденции. Эти тенденции получили яркое выражение в Законодательной Программе 1918 года, представлявшей собою план усовершенствования современного государственного механизма и **нигде ни единым словом не упоминавшей ни о рабочем классе, ни о классовой борьбе.**

Таким образом, в 1912—13 годы, годы крупных стачек и серьезных волнений в рабочей среде, социалистическая партия отделилась от передовых отрядов американских рабочих. Мне вспоминается один характерный случай: Адольф Джермер, Национальный Секретарь партии, занимал также официальный пост и в Союзе Горнорабочих во время известной забастовки углекопов в Колорадо. В качестве официального представителя Союза он воспротивился тому, чтобы социалистическая партия посылала забастовщикам социалистическую литературу, на том основании, что стачка якобы была «чисто экономической» и не имела ничего общего с политикой. Это решение повело к выходу из партии нескольких тысяч боевых рабочих и к окончательному расколу между партией и Союзом Индустриальных Рабочих Мира.

Как и во всех других странах, война и крушение Второго Интернационала произвели в Америке ошеломляющее впечатление на рядовых социалистов. Партийные интеллигенты, как напр., Хилквит, Уоллинг и Спарго, принялись «об'яснять» уступчивое отношение европейских социалистов к войне. По словам этих господ, французские и германские социалисты сделали все, что было в их силах, для предотвращения войны, и поэтому они-де не заслуживают никакого упрека. Однако, простой здравый смысл рядовых членов партии отказывался признать «вполне естественными» голосование за военные кредиты и поднятый социалистами вскоре затем вопль о «защите отечества».

Недвусмысленный урок войны имел для Америки большее значение, чем для какой-либо другой крупной страны. Америка до поры до времени оставалась нейтральной. Американский народ вначале был беспристрастен и осуждал обе стороны. Впечение двух с лишним лет американские рабочие могли спокойно, наблюдая со стороны, изучать разразившееся столкновение народов.

И что еще важнее, — они могли наблюдать также открытую кампанию американской буржуазии, стремившейся втянуть страну в войну путем создания огромной армии и флота. Оргия военных займов и военных поставок, охватившая всю страну, была слишком бесшабашна для того, чтоб оставаться скрытой. Все шаги практической под-

---

*) См. «Ком. Интерн.» № 9.

**) «Раздел 6-ой статьи 2-ой» был отменен в 1917 году тем же Партийным С'ездом в С.-Луи, который принял декларацию против войны.

готовки к войне и агитации за войну делались у всех на виду.

Вся страна отлично понимала, что выборы президента в 1916 году были решающим в этом смысле событием. Избрание Вильсона считалось порукой в том, что «мы убережемся от войны». Но тут-то и обнаружился мелко-буржуазный характер главарей социалистической партии. Оппозиция американских социалистов против войны основывалась преимущественно на пацифистских и гуманитарных соображениях. Многие социалисты — и в их числе, признаюсь об этом с прискорбием, был и автор этой статьи — употребили все свое влияние для поддержки кандидатуры Вильсона.

И даже в 1917 г. после вступления Америки в войну, хотя к этому времени партия на деле уже раскололась на два лагеря, официальные вожди мелко-буржуазной господствующей группы интересовались лишь вопросами о реформах, вроде «обложения крупных капиталов для оплаты военных расходов». Моррис Хилквит, которого социалисты выставили кандидатом на пост мэра города Нью-Йорка, осенью 1917 года вел энергичную избирательную кампанию при поддержке либералов, христианских социалистов и ирландских националистов, и при этом всюду открыто заявлял, что он не сторонник выхода Америки из войны, но что, наоборот, Соединенные Штаты, по его мнению, должны принимать дальнейшее участие в войне для того, чтобы потом иметь возможность продиктовать «справедливые условия мира».

Тем не менее, на всех местных и секционных партийных собраниях рядовые члены партии продолжали обсуждать вопрос о войне, и здесь совершалась огромная просветительная работа. В этом отношении особенно видную роль сыграли чужестранцы-эмигранты, благодаря их более тесной связи с Европой и более высокой социалистической подготовке. С уходом из партии членов Союза Индустриальных Рабочих Мира, товарищи-иностранцы образовали ядро радикального крыла американского социалистического движения. Приблизительно около этого же времени была основана и Лига Социалистической Пропаганды — организация интернационалистов, поддерживаемая иностранными федерациями.

В феврале 1917 года произошла первая русская революция, встреченная с почти единодушной радостью милитаристами, либералами и социалистами. Участие в кабинете министров Керенского в качестве министра юстиции, а затем образование коалиции из социалистов-революционеров и меньшевиков было в представлении американских социал-оппортунистов чуть ли не социальной революцией. Когда к концу весны в газетах стало появляться имя Ленина и все чаще стало упоминаться слово «большевик», многие из социалистических вождей в Америке стали резко отрицательно отзываться об «анархистах» и «крайних элементах»; они же возмущались позже по поводу июльского восстания в Петрограде и без конца восторгались Керенским после поражения Корнилова.

Но в то же время русские, латышские, литовские и украинские товарищи в Америке раз'ясняли членам американской партии смысл русской революции. Под руководством Троцкого, Володарского, Бухарина и некоторых других товарищей, в русской колонии создался мощный центр революционной интернационалистской пропаганды.

Для русских октябрьская революция не явилась неожиданностью, для них в ней не было ничего непонятного. Среди американских же социалистов она вызвала полную растерянность. Когда подробные известия о большевистском перевороте начали проникать в Америку, социал-оппортунисты замалчивали их или же восхваляли новую революцию в крайне туманных выражениях. Затем они заняли «беспристрастную» позицию: может быть, правы большевики, а может быть, прав и Керенский. Во всяком случае, они выражали глубокое сожаление по поводу того, что социалисты применяют силу против социалистов же, и энергично протестовали против закрытия буржуазных газет.

Однако, для рядовых членов партии октябрьская революция явилась огромным толчком. Она не только доказывала, что пролетариат может захватить власть в свои руки, но проливала также новый свет на многие поступки главарей Американской Социалистической Партии, для критики деятельности которых раньше не было у массы прочного опорного пункта. С этого времени социал-оппортунисты были об'явлены «меньшевиками», и название это совершенно инстинктивно стало применяться как выражение порицания.

Германская революция, которую американские социал-патриоты приветствовали, как наконец наступившую **настоящую** революцию, привела к восстанию спартаковцев, к учреждению советского правительства в Баварии, к свержению его «социалистическим» правительством Шейдемана, Носке и Эберта, сопровождавшимся величайшим преступлением,—убийством Либкнехта и Розы Люксембург. Все эти события довершили воспитание той части рядовых социалистов, которая была готова порвать с официальной партией. События эти выставили также в истинном свете тактику и принципы вождей старой социалистической партии.

Принятая в Сан-Луи декларация против войны, навязанная социал-патриотам под давлением революционных рядовых членов партии, требовавших «борьбы с войной всеми и всяческими средствами», была совершенно саботирована главарями партии. Они не только не организовали этой борьбы с войной, но втечение двух последовавших затем лет, когда не было ни одного партийного с'езда, партийные бюрократы несколько раз намеревались постановлением Исполнительного Комитета аннулировать эту декларацию.

Представители партии в Конгрессе, в законодательных собраниях отдельных штатов и в муниципальных советах также игнорировали Сан-луисскую декларацию. Хотя Мейер Лондон, член конгресса-социалист и не голосовал за военные кредиты, но он не голосовал и против них, и в своих выступлениях постепенно все более и более поддерживал Антанту. На одном из бурных собраний, устроенных его избирателями, он гордо заявил: «Я прежде всего—американец». Посылал ли этот человек приветственные телеграммы Керенскому и Шейдеману, поздравлял ли он итальянского короля с днем рождения—он всюду и всегда выступал как истый социал-предатель. Тем не менее, несмотря на недовольство избравших его рабочих, нью-йоркские вожаки партии посредством ловкого политического маневра добились того, что его кандидатура снова была выставлена; но на этот раз он потерпел поражение, так как члены партии отказались голосовать за него. Социалисты—члены законодательного собрания штата Нью-Йорк—стали теперь проявлять открытую враждебность к большевизму. Социалист-альдерман города Нью-Йорка голосовал за содействие правительству по размещению военных займов. И для всего этого пускался в ход партийный «аппарат»!

В других частях страны происходило то же самое. Мэр Миннеаполиса—социалист—воздержался от голосования при обсуждении закона, воспрещающего употребление красного флага, потому что, по его словам, закон ведь все равно был бы принят. Окружный прокурор в Мильвоки—тоже социалист—привлек к суду одиннадцать итальянских рабочих, устроивших анти-католическую демонстрацию во время одного уличного митинга; он добился того, что они были приговорены к долголетнему тюремному заключению за то, что «умышленно вызвали насильственные действия»; одной из улик их преступной деятельности послужил портрет Карла Маркса, обнаруженный на стене в их клубе.

Начавшийся затем период свирепых преследований еще ярче выявил истинные стремления партийных бюрократов. Даже против членов Национального Исполнительного Комитета было возбуждено теперь дело за то, что они обнародовали Сан-луисскую декларацию. Виктору Бергеру, избранному в Конгресс от штата Висконсин, не было разрешено занять место в палате представителей. Он выпустил обращение к членам Конгресса, в котором он уверял, что мотивы его оппозиции против войны те же, что и у других либералов. Что касается до его программы, то он заявил, что стоит за государственный капитализм, за переход в правительственную и муниципальную собственность всех общественно-полезных предприятий, и наотрез отрекся от всякого сочувствия к большевикам и какой бы то ни было связи с ними.

Другим фактором, приведшим к партийному кризису, было отношение официальных руководителей партии к Интернационалу. Между тем как рядовые члены партии вполне понимали неизбежность краха Второго Интернационала и обращали свои взоры к Москве, к Третьему Интернационалу,—социал-патриоты продолжали цепляться за старую организацию. После заключения перемирия Национальный Исполнительный Комитет сделал было попытку послать делегата на Бернскую конференцию. Шаг этот был, однако, встречен таким ожесточенным протестом, что главарям партии пришлось отрицать, что у них когда бы то ни было были такие намерения. Даже после убийства вождей германских спартаковцев, Американская Социалистическая Партия все еще не решалась открыто высказать отрицательное мнение о Втором Интернационале.

Между тем, в массе рядовых членов окончательно сложилось вполне определенное отношение к этому вопросу. К тому времени новые революционные идеи проповедывались уже не в одних только издаваемых на иностранных языках органах американской прессы,—появился целый ряд революционных изданий на английском языке. Так, стал выходить ежемесячный журнал «The Class Struggle» («Классовая Борьба»), орган Лиги Социалистической Пропаганды, затем «New International» («Новый Интернационал»), за которым последовал «The revolutionary Age» («Революционный Век»)—еженедельник, издаваемый Луисом Фрайна в Бостоне и финансируемый латышской организацией, и, наконец, «New York Communist» («Нью-Йоркский Коммунист») — еженедельник, основанный автором этих строк.

В газетах этих ощущалась особенно острая нужда потому, что партийная пресса отказывалась печатать статьи товарищей, принадлежавших к коммунистической фракции. Эта пресса находилась в руках не партийной организации, а маленькой клики. Далее, коммунисты скоро убедились в том, что политический аппарат партии устроен так, что добиться чего-либо без собственной сильной организации совершенно невозможно.

И поэтому весной 1918 года во всей Америке внутри партии стали возникать группы, называвшие себя Левым Крылом; они организовались в одно целое для совместных действий с целью овладения партийным аппаратом. Прочной основой, на которую опиралось это движение, были, разумеется, иностранные федерации. Манифест Левого Крыла, составленный Нью-Йоркской фракцией и разосланный по всей стране, требовал пересмотра программы и тактики партии; требовал, чтобы партия заняла ту же позицию, что и русская коммунистическая партия и группа германских спартаковцев, т. е. чтобы партия отказалась от парламентского реформизма, признала революционную борьбу за власть и диктатуру пролетариата. В то же время местные партийные ячейки требовали созыва Национального Партийного С'езда для обсуждения этих вопросов. Пожелание это встре-

шило вначале сильную оппозицию со стороны вожаков партии, но оно пользовалось такой популярностью в партийных массах, что главарям пришлось уступить.

Между тем, движение Левого Крыла продолжало быстро расти. Чтобы об'единить свои силы в общенациональном масштабе, Левое Крыло назначило на 21 июня общеамериканскую конференцию в Нью-Йорке.

Главари партии встревожились. Как раз тогда предстояли выборы партийных учреждений, и главари боялись, что их забаллотируют. Чтобы избежать этого, а также чтобы обеспечить социал-патриотам большинство на партийном с'езде, Национальный Исполнительный Комитет начал вдруг исключать и временно удалять из партии приверженцев Левого Крыла. Сначала были исключены семь иностранных федераций, насчитывавших около двадцати пяти тысяч членов. Затем последовало исключение организаций штатов Мичиган, Массачузетс и Огайо. Организации остальных штатов, находившиеся в руках партийных реакционеров, со своей стороны принялись за «чистку». При содействии городской полиции эти «товарищи» в целом ряде городов разгромили помещения ячеек Левого Крыла, забрали всю мебель и «реорганизовали» по-своему эти ячейки.

На происходивших в то же время по всей стране всеобщих выборах в партийные учреждения, подавляющее большинство членов партии голосовало за кандидатов Левого Крыла, провалив даже самых видных социал-патриотов. Национальный Исполнительный Комитет тотчас же об'явил выборы неправильными и аннулировал их. Вместе с тем, готовясь к предстоящей на чрезвычайном партийном с'езде бурной схватке, Национальный Исполнительный Комитет **образовал какой-то частный комитет из прежних официальных представителей партии и передал этому комитету все партийное имущество.**

21-го июня в Нью-Йорке открылась конференция Левого Крыла, на которую явилось девяносто два делегата, представлявших сорок с лишним тысяч членов. На конференции обнаружилось, что в Левом Крыле существуют две фракции—одна, главным образом, состоящая из иностранных федераций, с русскими товарищами во главе, другая—об'единяющая английские и американские элементы.

Главное разногласие между этими двумя группами заключалось в следующем:

Русские требовали прекращения всякой борьбы за обратное принятие в партию, отказа от участия в партийном с'езде и немедленного основания коммунистической партии. «Американцы» желали продолжать борьбу внутри партии вплоть до с'езда и перенести ее на самый с'езд.

«Американцы» исходили при этом из следующих соображений:

До сих пор вся пропаганда среди англо-американских элементов основывалась на доказательствах необходимости «завладения партией». Англо-американские элементы, менее сознательные и не имеющие такой теоретической подготовки, как иностранные товарищи, могли убедиться в предательстве социал-патриотов лишь на их поступках; изгнание ячеек Левого Крыла и требование обратного приема их в партию являлись великолепным поводом для пропаганды, для разоблачения социал-патриотов и привлечения к Левому Крылу все более и более широких кругов рабочих, которые с жаром воспринимали коммунистические идеи.

Продолжая до последней возможности эту борьбу внутри партии, удастся втянуть в движение тысячи мало-сознательных, но революционно-настроенных рабочих, к которым невозможно было бы подойти, находясь **вне** партии. Самый партийный с'езд мог быть использован для того, чтобы показать рабочим истинную природу социал-патриотов, и, вместе с тем, он мог послужить трибуной для пропаганды коммунистических идей в противовес теориям Шейдемана и Каутского.

На конференции было постановлено, что если Левому Крылу удастся завладеть партийным с'ездом — фактически это было совершенно невозможно—то будет организована коммунистическая партия. Если же Левому Крылу **не удастся** завладеть с'ездом, то оно удалится и само оснует коммунистическую партию.

Иностранные федерации возражали, что это чистейший компромисс. Их члены отличались высокой степенью сознательности, но, будучи сосредоточены в немногих крупных промышленных центрах, они совершенно не знали настроения всей остальной страны; точно так же, оставаясь изолированными в своих организациях, говоря на иностранных языках и читая лишь иностранные газеты, они не могли вполне правильно судить о психологии американских и англо-американских рабочих *).

Товарищи из иностранных федераций были склонны думать, что только они одни в состоянии руководить коммунистическим движением в Америке. Поэтому они требовали представительства на конференции не только для своих рядовых членов, но, кроме того, и для делегатов, избранных их Исполнительными Комитетами. Конференция согласилась на это. Затем они потребовали, чтобы в Национальный Совет, кроме девяти членов, избранных конференцией, вошли еще семь человек по выбору Исполнительных Комитетов иностранных федераций. Это требование было отвергнуто.

Конференция подавляющим большинством голосов высказалась за «американское» предложение—то есть за то, чтобы Левое Крыло продолжало работать внутри партии

*) Делаемую в этой статье оценку иностранных федераций мы оставляем на ответственности автора.

Ред.

и приняло участие в партийном с'езде, назначенном на 1-е сентября в Чикаго.

Тогда иностранные федерации—вместе с «Мичиганской группой» анти-индустриалистов (чистых меньшевиков)—удалились с конференции и основали временную коммунистическую партию; они выпустили воззвание ко всем приверженцам Левого Крыла, призывая их к бойкоту с'езда социалистической партии и приглашая их на созываемый ими 1-го сентября в Чикаго учредительный с'езд коммунистической партии.

Новый Национальный Совет Левого Крыла немедленно принялся за организацию пропагандистской работы. Но все его усилия в значительной мере тормозились той позицией, которую заняли иностранные федерации. Хотя они все еще считали себя составной частью общей организации Левого Крыла, но они перестали оказывать Левому Крылу какую бы то ни было поддержку, прекратили подписку на газеты Левого Крыла и основали свои собственные газеты, в которых они не только критиковали принципиальные взгляды вождей Левого Крыла, но и нападали на них лично. Прекращение финансовой поддержки со стороны иностранных секций совершенно разорило несколько организаций Левого Крыла и дезорганизовало и парализовало их работу среди англо-американских элементов страны.

Все это произвело удручающее впечатление на некоторых членов Национального Совета Левого Крыла, главным образом англо-американских интеллигентов, которые, вследствие отсталости англо-американских масс, привыкли рассчитывать на поддержку иностранных товарищей и до сих пор работали в партии совместно с русскими товарищами. Люди эти—вроде Фрайна, Фергусона, Когена и т. п.—оказались теперь лишенными своей аудитории. Англо-американским рабочим—народу прежде всего практическому—надоели теоретические рассуждения о коммунизме, они хотели знать, что им **делать.** А этого-то интеллигенты не могли им сказать, потому что они никогда не были в тесном контакте с массами. Понятно, поэтому, что часть Национального Совета стала искать сближения с русскими федерациями.

Теперь создалось чрезвычайно интересное положение. С одной стороны—иностранные группы, составляющие большинство приверженцев Левого Крыла, но изолированные в своей особой организации и совершенно лишенные возможности добиться чего-либо в Америке без поддержки американских рабочих масс. С другой стороны — группа англо-американских интеллигентов, оторванных от американских масс, очень плохо знакомых с психологией американского рабочего, совершенно не умеющих говорить с американскими рабочими — и получивших теперь от своих прежних сторонников название «меньшевиков».

Весь вопрос теперь был в том, которая из сторон уступит первая. Уступили, разумеется, интеллигенты. В августе в Чикаго состоялось собрание членов Национального Исполнительного Комитета новой партии, избранных всеобщим голосованием,—т.-е. кандидатов Левого Крыла. Фрайна и Рутенберг, оба члены Национального Совета Левого Крыла, присутствовали на этой конференции, которая обратилась с воззванием ко всем организациям Левого Крыла, приглашая их прислать делегатов на партийный с'езд. Два дня спустя, по возвращении своем в Нью-Йорк, Фрайна и Рутенберг, в качестве членов Национального Совета, подписали **новое** воззвание, **в котором они заявляли, что не признают Национальный Исполнительный Комитет, и призывали все организации Левого Крыла не посылать делегатов на партийный с'езд.** Соглашение с иностранными федерациями состоялось, воззвание было выпущено, также как и совместное приглашение на коммунистический с'езд—все это было сделано без ведома Бена Гитлова и Джима Ларкина, членов меньшинства Национального Совета.

Затем было об'явлено, что никакого раскола в Левом Крыле более нет. Национальный Совет заявил, что он в своих действиях исходил из того обстоятельства, что якобы все организации Левого Крыла относятся отрицательно к партийному с'езду. Две группы Левого Крыла в Нью-Йорке, отказавшиеся голосовать за упомянутое общее воззвание, были исключены из организации городским исполнительным комитетом Левого Крыла. Так как вся пресса и весь партийный аппарат находились в руках сторонников общего воззвания, то меньшинству было крайне трудно оказать какое-либо влияние на всю массу членов Левого Крыла, тем более, что оставалось всего три недели до с'езда.

Тогда, хорошо зная, что вся масса членов Левого Крыла вовсе не отвергает партийного с'езда, но что, наоборот, делегаты от огромного большинства англо-американских организаций явятся на с'езд, Джим Ларкин, Гитлов и автор этих строк решили созвать делегатское собрание, представлявшее около двух тысяч нью-йоркских членов; собрание это избрало Гитлова и меня делегатами для проведения первоначально принятой программы Левого Крыла на Партийном С'езде.

Здесь необходимо отметить еще одно разногласие, внесшее еще больший разлад в ряды Левого Крыла, а именно, различное отношение к профессиональному движению.

В первой части этой статьи я указывал уже на пропасть, отделявшую социалистическое движение от профессионального движения, носившего чисто **экономический характер.** Причин этого разделения рабочего движения на две ветви было много: более раннее возникновение трэд'юнионистского движения, по сравнению с политическим движением рабочего класса; измена «политиков» делу пролетариата; имевший место в 1912 году отказ социалистической партии от принятия в свою среду революционных пролетарских элементов.

За исключением интеллигентов, большинство англо-американских делегатов национальной конференции Левого Крыла были **революционные рабочие**—среди них немало членов Союза Индустриальных Рабочих Мира; весь интерес этих рабочих сосредоточивался на вопросе о вовлечении американских рабочих масс в поток революционного движения.

Вопрос этот отличался особенной остротой потому, что конференция Левого Крыла происходила как раз во время великого рабочего под'ема, описанного мною в моей последней статье: широкие массы рабочих, оторванные от своих прежних профессиональных организаций, были вовлечены в ожесточенную борьбу с силами капитализма. Рабочие искали новых революционных средств борьбы, новых революционных приемов и организационных форм. Во всей истории нашего движения не было момента более благоприятного для экономического и политического об'единения американских рабочих масс, для направления всего рабочего движения к одной общей революционной цели.

Поэтому англо-американские делегаты, и среди них Ларкин, Гитлов и автор этой статьи, считали делом исключительной важности выработку «Рабочей программы» и плана систематической революционно-пропагандистской кампании среди американских рабочих масс. Интеллигенты были очень плохо осведомлены о том, что происходило на заводах; для них теоретическая просветительная работа и чисто политическая сторона движения представлялись гораздо более важными. Что касается до иностранных рабочих, то они за некоторыми исключениями—здесь мы должны особенно упомянуть латышей—не только ничего не знали о наблюдавшемся в рабочих массах под'еме, но на деле, повидимому, и не интересовались вопросами экономического, профессионального движения. Правда, они выставляли принцип «революционно-индустриальных союзов»—но вместе с тем они как будто и не подозревали о существовании «Единого Великого Союза», о борьбе за институт фабричных старост и о других подобных же явлениях. Они не принимали даже участия в обсуждении этих вопросов.

Эта анти-индустриалистская тенденция особенно ярко проявилась после опубликования Национальным Советом общего воззвания о бойкоте с'езда. Конференция Левого Крыла разрешила создание Рабочего Комитета, который должен был издавать пропагандистскую газету, специально предназначенную для американских заводских рабочих. Первый номер этой газеты, вышедший в июле и имевший громадный успех среди рабочих, был немедленно же из'ят из обращения Национальным Советом и подвергся бойкоту со стороны иностранных федераций, на том основании, что он будто бы был «синдикалистским».

Программа коммунистической партии тоже свидетельствует об «анти-индустриализме». По отношению к профессиональным организациям, все ее постановления крайне туманны; вся сила выразительности сосредоточена на создании политических партийных комитетов на заводах.

Как и предсказывало меньшинство Национального Совета, огромное большинство организаций Левого Крыла послало своих делегатов на партийный с'езд в Чикаго.

Первым шагом официальных руководителей партии, напуганных многочисленностью делегатов Левого Крыла, было обращение к городской полиции, которая явилась и выгнала всех левых делегатов из зала заседаний с'езда. Это изгнание дало нам прекрасный повод для агитации.

Изгнанные делегаты, вместе с товарищами, удаленными со с'езда вследствие непризнания избравших их организаций, собрались в другом помещении, в нижнем этаже того же здания. К нам явились туда делегаты от коммунистической партии и стали просить нас не устраивать собственного с'езда, а перейти в помещение коммунистической партии и вступить в переговоры о допущении нас — каждого в отдельности — на их с'езд, который должен был начаться на следующий день. Мы отказались сделать это, как отдельные лица. Затем мы об'явили себя полноправным с'ездом Социалистической Партии, произвели выборы центральных учреждений, избрали, кроме того, комиссию, которая должна была отправиться в бюро коммунистической партии и сговориться с ним об устройстве об'единенного с'езда обеих организаций.

Открывшийся на следующий день коммунистический с'езд сначала отказался избрать комиссию для переговоров с нашей комиссией. Однако, на следующее утро он изменил свое решение; но коммунистическая комиссия сообщила нам, что мы должны явиться каждый в отдельности в их мандатную комиссию, причем только товарищи, специально избранные на **коммунистический** с'езд, будут допущены к участию в с'езде.

Мы отвергли это предложение. Тогда перед нами возник вопрос о том, что делать дальше. Подавляющим большинством голосов было решено проводить первоначально принятую программу Левого Крыла и основать коммунистическую партию. Так создалась Рабочая Коммунистическая Партия.

Мы еще пять раз посылали приглашение Коммунистической Партии собраться вместе с нами на об'единенный с'езд—и все пять раз получали отказ. Тогда было постановлено предложить Коммунистической Партии об'единиться с нашей партией.

В настоящее время соглашение об основах об'единения, выработанное Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала в Москве, подписано делегатами обеих партий. Поэтому не может быть сомнения в том, что втечение ближайших же месяцев мы будем свидетелями нарождения Об'единенной Американской Коммунистической Партии.

В данный момент обе партии насчитывают вместе около сорока пяти тысяч членов; из этого числа в Коммунистической Партии — около двадцати пяти тысяч, и в Коммунистической Рабочей Партии — около двадцати тысяч. Хотя Коммунистическая Рабочая Партия настаивает на том, что центр тяжести всего революционного движения в Америке должен быть перенесен в англо-американские рабочие массы, это отнюдь не означает, что она, по своему составу, является специфически «американской». Так, в нее входят германская федерация, скандинавская федерация, итальянская федерация и более девятнадцати русских секций.

Главное различие между программами обеих партий заключается в том, что программа Коммунистической Партии носит по преимуществу теоретический и общий характер, тогда как программа Коммунистической Рабочей Партии, строго следуя принципам, установленным первым с'ездом Третьего Интернационала в Москве, старается толковать коммунизм применительно к социальным и экономическим условиям Америки. Кроме того, Коммунистическая Рабочая Партия выработала практическую, тщательно обдуманную «Рабочую программу», в которой указаны способы проведения в жизнь тех принципов, которыми должна руководиться революционная экономическая организация рабочего класса; в то же время программа эта определяет роль партийных организаций в повседневной экономической борьбе рабочих.

Таким образом, обе программы, так же как и элементы, входящие в состав обеих партий, великолепно дополняют друг друга, и совместная дружная работа их вполне возможна.

Социалистическая партия, окончательно извергнув из своей среды последние остававшиеся в ней революционные элементы, тоже принялась за составление своей программы. Программа эта—типичный оппортунистский документ, блещущий лишь некоторыми словесными «украшениями». Партия установила за правило, что все члены ее должны стать американскими гражданами. Она вышла из Второго Интернационала и вместе с тем решила не присоединяться к Третьему; в своих резолюциях она превозносит русских большевиков и осуждает коммунизм в Америке, порицает Шейдемана и Носке, прославляет Либкнехта и Люксембург, и, в конце концов, заявляет, что намерена вести борьбу за социализм легальными конституционными средствами.

Результат «генеральной чистки» и возврата к благоразумию оказался именно таким, какого следовало ожидать: Национальный Исполнительный Комитет Социалистической Партии был приговорен к тюремному заключению за «мятеж». Виктор Бергер, которого не допустили в Конгресс, был переизбран — и вновь не допущен. По последним известиям все социалисты-члены законодательного собрания штата Нью-Йорк исключены из собрания на том основании, что партия их «относится враждебно к правительству».

Обе коммунистические партии, разумеется, об'явлены вне закона. Но интересно отметить, что американская буржуазия об'явила незаконной также и Американскую Социалистическую Партию — партию законности, порядка и парламентского образа действий.

Классовая борьба в Америке все обостряется, становится все грознее и развивается с каждым днем быстрее и быстрее. Класс капиталистов сам срывает последние покровы идеализма с своей «демократии». Буржуазия сама ускоряет неизбежное наступление революции.

Дж. РИД.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОРВЕГИИ.

Рабочее движение в Норвегии — как по взглядам своих вождей, так и по настроению большинства рядовых его участников — было до революции в России движением радикально-социалистическим. Под влиянием русской революции оно получило **революционный характер.**

Правда, среди организованных рабочих и ранее существовала революционная оппозиция, но представителям ее не удалось бы так скоро приобрести руководящее значение в партии и в профессиональных союзах, если-бы русская революция не поставила так властно перед рабочим классом основные вопросы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Благодаря революционному примеру русского рабочего класса и могучей революционной мысли вождей его, норвежское рабочее движение прониклось пролетарским классовым самосознанием и превратилось в революционную силу.

В предлагаемой статье мы попытаемся в общих чертах указать главные этапы этого развития. Не имея под рукой необходимых исторических материалов, мы лишены возможности подробно останавливаться на отдельных событиях, но иностранные товарищи так мало знают о ходе движения в таких маленьких странах, как Норвегия, что и очерк самого общего характера, думается нам, будет не лишен некоторого значения.

Профессиональное движение в Норвегии возникло раньше социалистического. Еще в шестидесятых годах прошлого столетия существовали цеховые «гильдии» ремесленников, а в семидесятых годах было положено основание первым профессиональным союзам. Само собою разумеется, что старый цеховый дух долго еще жил в новых профессиональных союзах.

В 1850 году, под влиянием февральской революции во Франции, среди сельско-хозяйственных рабочих Норвегии стали, было, основываться революционно - социалистические кружки под руководством студента Маркуса Гране, горячего поклонника Прудона и Кабэ. Гране, вместе с большею частью своих товарищей, был на пять лет заключен в тюрьму, и движение снова замерло. Но многое из того, что писал до своего ареста Гране,—он вышел из тюрьмы совершенным инвалидом и прожил остаток своей жизни тихо и незаметно в Америке—глубоко запало в сердца норвежских рабочих, и когда в 1887 г. основалась Рабочая Партия, она была проникнута вполне определенным революционным духом. Главный руководитель новой партии, типограф Хр. Х. Кнудсен был человек революционного темперамента; он особенно подчеркивал необходимость того, чтобы и профессиональные союзы стали революционными организациями.

Между тем, в действительности профессиональные союзы с течением времени усваивали себе все более и более реформистскую тактику, своим влиянием ослабляя и искажая социалистическое движение.

За несколько лет до войны среди организованных в профессиональные союзы рабочих возникло движение против реформистских тенденций; во главе этого оппозиционного движения стал Мартин Транмель, проживший несколько лет в Америке, где он был членом Союза Индустриальных Рабочих Мира. Транмель, родившийся в окрестностях Трондьема, работал в трондьемских рабочих организациях и мало-по-малу завоевал сочувствие большинства рабочих в этом городе; он был избран редактором газеты местного партийного органа, и выступления его на партийных и профессионально-союзных с'ездах и конференциях стали привлекать к себе все больше и больше внимания в широких рабочих кругах. К Транмелю примкнула и часть партийных интеллигентов: редактор Кюрре Грепп, адвокат Эмиль Станг, профессор Эдв. Булль и др.

Открытое столкновение между старыми вождями партии и вождями оппозиции произошло после октябрьской революции в России. Редактором центрального органа партии был Якоб Виднес, всю свою журналистскую карьеру в партии проделавший под влиянием старых вождей профессионального движения. Он принимал участие в Стокгольмской мирной конференции и вернулся оттуда окончательно плененный чарами шведского

оппортуниста Брантинга. Так же, как Брантинг, он стал фанатическим сторонником Антанты. Партийный орган он редактировал в явно антантофильском духе. Когда в России произошла октябрьская революция, он немедленно же занял враждебную позицию по отношению к ней. О том, что такое «большевизм», Виднес имел самое туманное представление, но вожди большевиков приехали в Россию через Германию, следовательно — по его мнению — они были германскими агентами. Он ратовал за Керенского, за Учредительное Собрание и резко осуждал революционный террор.

Между тем, большая часть остальных партийных газет высказывалась за революцию. Редакции провинциальных газет находились в более тесном контакте с массами, а в массах «большевизм» очень скоро стал лозунгом, с которым связывались все надежды пролетарских масс на осуществление социализма, надежды на то, что социализм во всех странах мира из слова превратится в дело.

Оппозиция против Виднеса и поддерживавшего его большинства Центрального Комитета Партии все усиливалась по мере того, как укреплялась русская революция, доказывавшая на деле свою жизненность и свое величайшее историческое значение. Самым выдающимся вождем этой оппозиции в партийной прессе был редактор Бергенской газеты «Arbejdet» («Труд»), Олаф Шефло. В своих статьях он отстаивал право эксплуатируемых рабочих масс на революцию, не считающуюся с принципами формальной «демократии»; он всячески поддерживал также возникшие в рабочей среде стремления к непосредственному действию, органами которого должны были служить рабочие и солдатские Советы.

Главари профессиональных союзов чувствовали, что это новое движение, хотя оно и не было направлено против профессиональных союзов вообще, угрожало их собственному существованию. Так оно, конечно, отчасти и было.

На партийном с'езде, который был назначен на пасху 1918 г., должно было произойти решительное столкновение между двумя течениями внутри партии. Несмотря на все старания старых вождей партии, кричавших о том, что мы слепые поклонники русских большевиков, что мы, не считаясь ни с чем, хотим путем насилия искоренить всю буржуазию,—мы получили большинство на с'езде.

С'ездом была принята резолюция, признающая за рабочим классом право на революцию и заявлявшая, что революция эта не может быть осуществлена одними лишь парламентскими средствами. В резолюции говорилось далее, что партия, не отказываясь от парламентской работы, горячо приветствует непосредственные выступления рабочих масс, направленные к созданию новых революционных органов. Партия выражала готовность, если разразится революция, отдать все свои материальные средства и духовные силы для поддержки революционного движения. Вместе с тем, резолюция подчеркивала, что революция не может быть «сделана», что она должна явиться зрелым плодом противоречия между старыми и новыми экономическими и производственными отношениями. Приняв эту резолюцию, партия постановила присоединиться к Циммервальдскому Интернационалу.

Все прежние члены Ц. К. партии сложили свои полномочия. Председателем нового Центрального Комитета был избран Кюрре Грепп, вице-председателем Эмиль Станг, секретарем Мартин Транмель и редактором центрального органа Олаф Шефло.

Руководимая этими товарищами партия с тех пор все более и более проникалась революционной сознательностью, и все попытки прежних вождей возвратить себе утраченное в партии влияние оставались—да и в будущем останутся—тщетными.

Наиболее значительные профессиональные союзы—союз металлистов и союз чернорабочих—стали на сторону новых партийных вождей, и председатель Центрального Комитета профессиональных союзов, Оле О. Лиан, примыкавший раньше к старым вождям, заявил теперь о своей солидарности с новыми, революционными принципами.

На последнем с'езде партии, имевшем место в мае 1919 г., произошло окончательное сплочение всех революционных элементов партии. С'езд огромным большинством постановил присоединиться к III-ьему Интернационалу и принял его политическую платформу. К предстоящему с'езду, назначенному на май этого года, нами выработана конституционная программа, в основу всего управления страной кладущая власть рабочих Советов. Программа эта, в главнейших чертах своих тождественная с Российской Советской Конституцией и с тезисами итальянских социалистов, будет, по всей вероят-

ности, принята подавляющим большинством голосов на с'езде.

Считаю нелишним сказать несколько слов о нашей международной работе. Здесь, прежде всего, укажу на то, что мы всячески защищали Советскую Россию от направленных против нее ожесточенных и лживых нападок. Мы старались всеми доступными нам путями получать сведения о том, что происходит в России, и наши газеты—числом около 40—распространяли эти сведения по всей Норвегии. Кроме того, сообщения, получаемые нами непосредственно из России, мы, пользуясь всевозможными легальными и нелегальными средствами, пересылали в другие страны. Сколько норвежских моряков, рискуя своей свободой или даже жизнью, разносили по всему миру правду о Советской России, не получая за это никакого другого вознаграждения, кроме сознания того, что и они принимают участие в великом освободительном движении всемирного пролетариата!

Лозунг всеобщей забастовки 21-го июля, в знак сочувствия к Советской России, был встречен рабочими массами Норвегии с энтузиазмом. Я должен констатировать тот печальный факт, что Норвегия оказалась единственной страной, в которой всеобщая стачка действительно удалась. В Христиании трамвайное и всякое другое сообщение в этот день прекратилось совершенно. Все магазины были заперты. Вся экономическая жизнь в городе замерла. Железнодорожное движение расстроилось. Вожди железнодорожников были затем расчитаны за попытку совсем остановить движение.

Как только началась революция в Германии, мы с первого же дня стали на сторону спартаковцев. Революции в Финляндии мы также старались оказывать всемерную поддержку. Когда было об'явлено, что белый палач Маннергейм собирается посетить норвежского короля, весь рабочий класс Норвегии выразил свой громкий протест против этого. Рабочие-электрики заявили, что, в случае приезда Маннергейма, они прекратят освещение во всем городе, не исключая и королевского дворца. В результате этого протеста храбрый генерал захворал «политической болезнью» и отказался от поездки в Норвегию.

На Общескандинавской Конференции, в которой мы участвовали вместе со шведскими и датскими левыми социалистами в декабре прошлого года, наша норвежская делегация оказалась самой значительной и по своей численности и по своему влиянию, ибо она представляла собой все рабочее движение страны.

На этой конференции проявилось два течения, с которыми норвежская делегация в целом считала необходимым вести посильную борьбу: во первых, революционный «романтизм» молодых социалистов и, во вторых—экономический «ревизионизм» синдикалистов. В борьбе с обеими этими тенденциями мы старались стать на истинно-марксистскую точку зрения. Из тактических соображений мы отказывались от категорического заявления о том, что революция в каждой стране безусловно должна носить характер кровавого боя, вместе с тем указывая на необходимость для рабочих готовиться ко всем случайностям и к применению всех средств борьбы.

В Норвегии мы рекомендуем всем рабочим вступать в старые национальные стрелковые общества и, прежде всего, создавать солдатские Советы в воинских частях. Эти Советы работают совершенно легально, стремясь к демократизации армии и к превращению ее в истинно-народную армию. Либералам, которые во время конфликта с Швецией, закончившегося политической революцией 1905 г., сами прибегали к подобным же средствам воздействия на армию, теперь слишком неудобно лишать рабочий класс права пользоваться таким же оружием. Им приходится волей-неволей — итти навстречу некоторым требованиям рабочих о «демократизации» армии. Среди офицеров есть также немало людей, вышедших из бедных слоев населения и сочувствующих рабочим. Хотя солдатские Советы существуют, таким образом, вполне легально, но генеральный штаб и правительство стараются, конечно, всячески тормозить их работу.

Два месяца тому назад в Христиании состоялась конференция представителей солдатских Советов. Резолюции конференции, по вполне понятным, впрочем, соображениям, не были опубликованы.

Как быстро будет совершаться дальнейший ход революционного движения в Норвегии, — с точностью сказать, конечно, невозможно. Крупных же столкновений на экономической почве можно с полной уверенностью ожидать в ближайшем будущем.

Во время войны заводчики, заваленные заказами, охотно удовлетворяли почти все требования рабочих. Но теперь кривая барышей начинает идти к низу, и они намерены

на все дальнейшие требования отвечать отказом.

Первый конфликт произошел между предпринимателями и рабочими трамвая в Христиании. Рабочие потребовали повышения ставок и, наткнувшись на отказ, в середине января забастовали. К концу февраля стачка все еще продолжалась. Настроение среди стачечников было боевое, и в широких рабочих массах Норвегии ясно чувствовалось сознание того, что эта забастовка лишь первая форпостная стычка между трудом и капиталом. За ней — рано или поздно — неизбежно последует бой по всему фронту и не только из-за повышения ставок, а из-за гораздо более важного вопроса о том, кому руководить всей промышленностью.

Либеральное правительство выработало закон о новых «демократических» учреждениях в промышленности. Закон этот несколько более радикален, чем подобные же законы других стран, но все же на деле он не приведет ни к чему. Рабочая Партия и профессиональные союзы выработали свой собственный проект решения этого вопроса и настойчиво советуют рабочим не доверять буржуазно-реформистским планам «демократизации» промышленности, нисколько не затрагивающим самых основ капиталистического строя.

Рабочие приступают к организации своих собственных заводских комитетов, имеющих целью взять в свои руки заведывание всей промышленностью, захватить все средства производства и упразднить частную собственность.

Вообще, мы можем смело сказать, что рабочие Норвегии подготовлены к тому, чтобы во всеоружии встретить наступление революции. Необходимо также иметь в виду, что уроки победоносной революции в России и необычайно кровавой революции в Германии очень многому научили норвежскую буржуазию, особенно ее интеллигентную часть: они увидели, что ставящая себе совершенно ясные, «окончательные» задачи революция во всяком случае предпочтительнее революции половинчатой, колеблющейся.

Поэтому доктора и инженеры, учителя и профессора во все большем количестве переходят в лагерь «большевиков». С одной стороны, их привлекает к нам возвышенный и чистый идеализм, которым отмечено наше движение, а с другой стороны, в нашей работе их убеждает также полное неумение буржуазных правителей Европы найти выход из созданного войной критического положения.

Победа русской революции, ставшая теперь совершившимся фактом, дала нам могучее оружие для борьбы с буржуазным строем. Русские товарищи не только одержали победу у себя, в России, — они в величайшей степени облегчили победу и коммунистам всех других стран. Благодаря им, буржуазия теперь всюду сомневается, колеблется, мечется из стороны в сторону. В особенности в небольших странах, остававшихся нейтральными во время войны, рабочий класс вырос и окреп гораздо больше, чем буржуазия, благодаря опыту российской и германской революции.

Я. ФРИИС.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

I. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Я. М. СВЕРДЛОВА В МОСКВЕ.

(Высшая Партийная Школа при Ц. К. Р. К. П.).

I.

Возникновение Университета.

Коммунистический Университет имени т. Я. Свердлова, или, как его еще называют, Высшая Партийная Школа в Москве, является одним из завоеваний пролетариата, получившего возможность после октябрьской революции строить свою новую, чисто пролетарскую школу.

Несмотря на кратковременное существование свое и на величайшие затруднения периода небывалой острой гражданской войны и экономической разрухи, пролетариат на примере этой школы показал, что могут сделать трудящиеся, как только будут созданы мало-мальски благоприятные условия существования.

Коммунистический университет возник из агитационно-пропагандистских курсов при В. Ц. И. К. Советов в июне 1918 году по мысли председателя В. Ц. И. К., тов. Я. М. Свердлова.

Этот замечательный организатор прекрасно понимал, что пролетариат, взяв в свои руки власть, должен немедленно использовать все возможности, открывшиеся пред ним, и в первую голову—школу, если он хочет укрепить и расширить свои завоевания.

И понимая это, тов. Свердлов не менее прекрасно понимал, что старая школа, буржуазная, служить пролетариату не может.

Вместе с тем он ясно отдавал себе отчет и в том, что ждать, пока Народный Комиссариат Просвещения сломит саботаж буржуазных профессоров, выработает новые планы и программы, тоже нельзя, ибо время не терпит: с мест, из провинции несутся требования новых работников, проводников коммунистической революции и строителей новой, Советской жизни.

Агитационно-пропагандистские курсы имели целью быстро инструктировать товарищей-рабочих по жгучим практическим вопросам момента и бросить их на места в качестве всякого рода комиссаров, эмиссаров и уполномоченных Центральной Советской власти.

Поэтому, контингент слушателей составлялся, главным образом, из рабочих центра, срок обучения был весьма краткий — две недели, программа занятий и состав лекторов весьма случайны.

Невозможность втечение такого короткого срока дать слушателям что-нибудь цельное и основательное заставила тогда же руководителей курсов продлить пребывание курсантов в школе: первый выпуск в 200 чел. был в июне 1918 года, а поступившие в июле новые 200 чел. уже должны были пробыть на курсах 3 недели.

И с каждым новым приемом слушателей руководители курсов вынуждены были удлинять курс обучения.

Втечение пяти месяцев пришлось увеличить как продолжительность курса, так и число самых слушателей, при чем если в начале не было никаких определенных программ и планов занятий, то уже очень скоро жизнь заставила выработать хотя и несовершенные, но вполне определенные планы и программы.

Первый заведующий курсами, член В. Ц. И. К. тов. Г. И. Теодорович, должен был привлекать для чтения лекций случайных лекторов, а для инструктирования—практиков-организаторов, народных комиссаров, старых партийных работников. Второй заведующий курсами, член В. Ц. И. К. тов. С. И. Канатчиков, вступивший в управление школой 1-го декабря 1918 года, немедленно приступил к выработке планов и программ занятий.

А так как самая острая нужда в опытных советских и партийных работниках ощущалась, главным образом, в уездных городах и особенно в деревне — в волостях, то план занятий и программы были построены так, чтобы в кратчайший срок подготовить волостных и уездных Советских работников.

Поэтому-то программа была расчитана на 2 цикла лекций—уездный и волостной.

С января 1919 года курсы носят название Школы Советской Работы, и с этого же времени при шестинедельном курсе обучения проходится волостной цикл, дающий выпуск в 341 чел., а в марте 1919 года начинается

прохождение и уездного цикла, и в мае происходит выпуск 450 тов. рабочих и 300 тов., взятых в школу из союза коммунистической молодежи.

Но в марте 1919 г. на 8-ом С'езде Р. К. П. товарищами с мест был поставлен вопрос об организации партийной школы при Ц. К. партии; с'ездом было поручено вновь избранному Ц. К. организовать такую школу, почему организационное бюро Ц. К. и постановило, в виду огромного недостатка лекторских сил, (все лучшие товарищи находились на фронте) преобразовать Школу Советской Работы в Центральную Школу Советской и Партийной Работы.

Был выработан новый план, сводившийся к следующему: школа делится на два отделения—Советское и партийное. Первое находится при В. Ц. И. К., второе при Ц. К. Р. К. П. Для студентов обоих отделений читается общий теоретический курс, с тем однако, что слушатели Советского отделения группируются по секциям, по числу существующих народных комиссариатов (секция военная, народного комиссариата земледелия, юстиции и т. д.).

Получая общую теоретическую подготовку вместе с партийными товарищами, слушатели Советского отделения должны были в секциях особенно тщательно изучать вопросы той или другой отрасли Советского строительства, чтобы явиться на местах инструкторами и проводниками идей центра.

В мае 1919 года в заведывание школой вступил член В. Ц. И. К. тов. В. И. Невский, и снова учебный отдел школы переработал программу.

Слушатели нового состава, тысяча слишком человек, начиная с июня по октябрь, уже по новой программе прослушали полный трехмесячный курс. Кроме основных кадров слушателей, школа организовала ряд краткосрочных курсов для казаков, взятых в плен красной армией (248 чел.), для красноармейцев, командируемых Политическим Управлением Революционного Военного Совета Республики (200 чел.), для кооператоров (166 чел.), для башкиров и т. п. Большинство всех этих слушателей бросалось все на тот же красный фронт, где решалась судьба Советской власти.

Можно смело сказать, что за период с июня 1918 года по январь 1920 год, т.-е. за $1^1/_2$ года существования школы, из $4^1/_2$ тысяч слишком слушателей, пропущенных через нее, свыше трех тысяч было отдано фронту, влито в ряды красной армии.

Без преувеличения можно утверждать, что слушатели Коммунистического Университета имени Я. М. Свердлова наравне с курсантами других курсов (напр., Петроградских) и вообще вместе с коммунистами, вливаясь в ряды красной армии, спаяли ее, своим примером, мужеством, беззаветной преданностью рабоче-крестьянскому делу, своими подвигами и смертью дали те победы, какими сделала себя бессмертной наша красная армия на полях битв под Петроградом, за Волгой и на Юге.

Втечение выпуска июнь—октябрь 1919 г. «Центральная Школа Партийной и Советской работы» была переименована в Коммунистический Университет имени тов. Свердлова, и вновь были переработаны программы и планы занятий.

Прежде чем перейти к об'яснению причин переименования школы в Коммунистический Университет, необходимо остановиться на том опыте, который проделала Советская власть со школой втечение года слишком, с июня 1918 года по октябрь 1919 года.

II.

Опыт Коммунистического Университета, как новой формы пролетарской школы.

Мысль о создании настоящей пролетарской высшей школы без сомнения лежала в основе всех планов и преобразований Народного Комиссариата Просвещения.

И программы единой трудовой школы, и программы школ второй ступени построены так, что из них естественно вытекают или должны вытекать совершенно новые программы высшей пролетарской школы.

И мы знаем, что такая высшая пролетарская школа уже строится: рабочие факультеты при государственных университетах, социалистическая академия, все это — практическое воплощение новой социалистической мысли в области просвещения.

Но помимо этих шагов в общегосударственном масштабе, были еще попытки создать нечто особенное, новое—«Пролетарский Университет», главным вдохновителем которого является т. Богданов.

Не входя в подробности и не вступая в полемику по этому вопросу (такая полемика могла бы завести нас очень далеко, так как пришлось бы коснуться некоторых весьма любопытных взглядов т. Богданова, автора «Всеобщей организационной науки»), укажем здесь на то, что попытки создать новый пролетарский университет, помимо тех коммунистических сил, коими располагает Советская власть, потерпели крах.

Причины этой неудачи очень хорошо об'яснены самими инициаторами «Пролетарского Университета».

Важнейшими причинами неудачи автор статьи «Пролетарский Университет» тов. А. Богданов считает (журн. «Пролетарская культура», № 5, стр. 15 и 16): 1) то, что дело не из коллектива исходило и не коллективно велось с самого начала, 2) что «состав слушателей в большинстве получился не пролетарский» и 3) «страшно неблагоприятные внешние условия»,—гражданская война, голод и т. п.

Несомненно из этого признания одно, а именно, что первые две причины играли главную роль, ибо при создании Коммунистического Университета точно так же были и

есть на лицо «страшно неблагоприятные внешние условия» т. е. и голод, и холод, и преждевременный выпуск студентов, поглощаемых фронтом.

И однако, несмотря на это, Коммунистический Университет живет и развивается и, что интереснее всего, развивается как раз в направлении от временных агитационных инструкторских курсов к типу новой высшей пролетарской школы.

Происходит же это потому, что те две причины—отсутствие коллективности и непролетарский состав слушателей — явления неизвестные Коммунистическому Университету.

Что это действительно так, видно из тех статистических данных, которые имеются в распоряжении университета за год (с января 1919 г. по январь 1920 г.), т. е. как раз с того дня, когда «Школа Советской Работы» стала превращаться из временных агитационно-инструкторских курсов в учебное учреждение более или менее постоянное, с длительным курсом.

Из 2.500 слишком человек, прошедших за этот 1919-ый год через университет (за половину 1918 года агитационно-пропагандистские курсы выпустили около 2.000 чел., не успевших пройти предположенной программы в виду призыва на фронт), о 2.217 товарищах имеется подробнейшая анкета.

Вот что говорит эта анкета о социальном составе слушателей.

Из числа окончивших волостной цикл в январе 1919 года (всего 341) дали сведения о своей профессии 325 чел. (95,3%).

Из этого числа было рабочих.	141	43,38%
Крестьян, заним. землед.	96	29,54%
Свободн. профессий	88	24,08%
	325	100,0 %

Еще яснее состав слушателей виден из цифр, указывающих отношение курсантов к собственности.

Из всего числа 341 слушателей было:

Мелких собственников	98 —	28,7%
Неимеющих никакой собственности	243 —	71,2%
	341 —	100,0%

Из числа 464 слушателей уездного цикла, окончивших в марте 1919 года, дали сведения 344 человека:

Из них рабочих	44%
Свободных профессий.	20%
Крестьян землевладельцев	25%

По отношению к собственности все 464 слушателя распределялись так:

Чистых пролетариев	308 —	64,44 %
Мелких собственников	156 —	33,629%
	464 —	100,0 %

998 слушателей, окончивших в ноябре, распределялись так:

Рабочих	529 —	52,9%
Земледельцев	158 —	15,8%
Свободных проф.	311 —	31,1%
	998 —	100,0%

Из них было:

Не имеющих собственности	883 —	88,5%
Мелких собственников	115 —	11,5%

Из 166 человек, прослушавших специально курс кооперации и выпущенных в феврале 1920 г.:

Рабочих было	50,6 %
Крестьян »	3,6 %
Свободн. профессий	45,8 %
Не имеющих собственности	90,40%
Мелких собственников	9,6 %

Все эти данные, сгруппированные вместе, дают такую картину:

Распределение студентов, окончивших школу по категориям:

Сроки выпусков.	Из всего числа выпущенных школою было (в % %): Рабочих.	Крестьян.	Свободных проф.	Неимеющих собствен.	Мелких собствен.	Мужчин.	Женщин.	Великорос.	Количество выпущ. студентов.
Янв. 1919 г.	43,38	29,54	27,08	71,2	28,7	94,1	5,8	—	341
Март 1919 г.	44,0	25,0	20,0	64,44	33,62	95,0	5,0	—	464
Окт. 1919 г.	52,9	15,8	31,1	88,5	11,5	85,7	14,1	72,5	998
Февр. 1920 г.	50,6	3,6	45,8	90,4	9,6	81,6	18,7	88,4	166

Из этой таблицы видно, как с каждым новым притоком увеличивалось число рабочих: в начале года их было меньше половины, в марте повышение небольшое, а в большом октябрьском курсе их почти 53% и даже в небольшом кооперативном выпуске их больше половины. Рабочие — преобладающий элемент Коммунистического Университета, притом—рабочие-пролетарии, лишенные собственности, что прекрасно видно из четвертого столбца таблицы, показывающего, кто вообще обращается к школе: рабочие, городской слой из бывшей средней и мелкой буржуазии или вообще пролетарий, человек лишенный собственности и добывающий себе кусок хлеба личным трудом; число лиц, не имеющих собственности, росло с каждым новым выпуском, и к январю 1920 года слушателей, имевших собственность, было только около 10%.

Соответственно с этим уменьшалось и число крестьян-земледельцев, учившихся в школе: составляя почти треть в начале 1919 года, с каждым новым набором слушателей число мелких собственников крестьян уменьшалось, что несомненно об'ясняется, как отливом крестьян в деревню вообще, так и целым рядом других причин (напр. мобилизациями).

Интересны цифры, указывающие увеличивающееся тяготение к школе городского слоя, близкого к пролетариату, конторщиков, приказчиков и т. п., — тех, что названы в анкете лицами свободных профессий.

Но еще более интересны цифры, показывающие рост числа женщин-слушательниц школы: в то время, как в начале года из всего числа слушателей женщин было только около 6%, к концу года и в начале 1920 года, в четвертом наборе слушателей, их было уже 18,7%, т. е. % женщин очень значительно увеличился — с одной стороны за счет уменьшения крестьянской группы, а с другой, и это главная причина, вследствие вообще повышения участия женщины в общественной жизни Советской России.

Данные о социальном и профессиональном составе слушателей с несомненностью показывают: 1) что состав Коммунистического Университета **чисто пролетарский**, 2) что наряду с ростом в числе слушателей высоко-квалифицированных рабочих, как например металлистов, **школа втягивает и самые отсталые слои пролетариата**, как текстильщиков, приказчиков, конторщиков, портних и 3) что число женщин с каждым новым приемом также увеличивается в школе.

Какова политическая физиономия слушателей Коммунистического Университета, — видно из следующей таблицы.

Выпуск.	Беспарт.	Членов другой партии.	Коммунистов. Сочув.	Членов партии.	Всего.
Январь — 1919 г. . .	5,5	9,0	16,4	68,9	85,3
Март — 1919 г. . . .	8,14	—	5,3	82,6	87,9
Октябрь — 1919 г.	34,4	1,2	16,2	48	65,0
Февраль — 1920 г.	9,1	—	31,9	59,0	90,9

Таким образом, подавляющее большинство слушателей — коммунисты, члены партии и сочувствующие, причем цифры с несомненностью показывают, что с каждым новым приемом слушателей % коммунистов увеличивается, % беспартийных уменьшается, а представители других партий кроме коммунистической, совершенно исчезают.

В последней таблице интересны цифры строчки третьей, констатирующие уменьшение % коммунистов и увеличение % беспартийных за период октябрь 1919 г. — февраль 1920 г.: это об'ясняется очень просто, если вспомнить, что третий набор (выпуск октября) как раз происходил в августе и июне, когда обозначалось усиленное наступление белых и когда организации вынуждены были мобилизовать почти всех мало-мальски ответственных товарищей на фронт.

Как это видно из имеющихся в нашем распоряжении статистических данных, подавляющее большинство слушателей так или иначе втянуты в работу строительства новой жизни: более половины слушателей работники Советских учреждений, а участие слушателей в работе профессиональных организаций растет с каждым новым приемом.

Собранные сведения о возрасте и семейном положении слушателей показывают, что в университет стремятся не только молодые люди, но и положительные, семейные товарищи, не имевшие при царе и буржуазии возможности получить никаких знаний и желающие теперь наверстать потерянное время.

Более ¾ всех студентов до поступления в университет получили ничтожное образование, пройдя курс старой царской низшей школы, т. е. они умеют только читать и писать.

Около 5% слушателей совсем не проходили никакой школы и самостоятельно выучились грамоте.

Лиц со средним образованием все еще довольно много (более 16%), и расчет число лиц с высшим образованием.

Это последнее обстоятельство кажется странным, так как в университет лица с высшим образованием не принимаются.

Приходилось, однако, делать исключения, ибо за последнее время в партию вступало немало товарищей, имеющих ту или другую техническую специальность, на деле доказавшие свою преданность Советскому строю, но, к стыду своему, полнейшие невежды в вопросах социализма и в общественных науках.

Отказать таким товарищам послушать лекции об основах Советской конституции из уст тов. Ленина, изложение экономической науки из уст тов. Бухарина и вообще пройти хотя бы кратко историю нашей партии, прослушать комментарии программы, — Учебный Совет не считал себя вправе.

Между прочим, университет принял в свои стены на специальные краткосрочные курсы четыре группы казаков, главным образом, с восточного фронта.

Курсанты-казаки, в большинстве перебежчики-белогвардейцы, как характеризует их тов. Кон, руководитель занятий на этих казачьих курсах, «стремились к об'яснению событий, участниками которых они были, и настроены были крайне революционно, что не мешало, впрочем (особенно в первое время) процветанию среди них антисемитизма».

Из всех имеющихся данных о личном составе слушателей можно вывести следующие заключения: 1) состав слушателей в Коммунистическом Университете имени Я. М. Свердлова — пролетарский; 2) с каждым новым приемом в университет вливается новая свежая волна пролетариев из самых широких низов трудящихся; 3) увеличивается приток женщин; 4) подавляющее большинство слушателей — члены коммунистической партии или сочувствующие; 5) по возрасту слушатели составляют самую здоровую часть пролетариата в расцвете сил и здоровья, и 7) наконец, по образованию — это масса, в подавляющем большинстве обладающая только грамотностью или же в редких случаях получившая кой-какое систематическое образование в средней школе.

III.

Программа и методы преподавания в Коммунистическом Университете.

Как уже сказано выше, в 1918 г. при основании агитационно-пропагандистских курсов, из которых вырос Коммунистический Университет, твердо установленных программ и планов преподавания не было, как не было и штата постоянных, приписанных к курсам лекторов.

Курсы создались под давлением жгучих потребностей момента: нужны были люди, которых требовала провинция — деревня, фронт, союзы, кооперативы; нужны были боевые проводники боевых лозунгов, надежные люди, комиссары, эмиссары, уполномоченные, которые проводили бы на местах веления центра, его декреты и инструкции.

Познакомить с этими декретами, инструкциями, со всей сутью политики центра; дать в руки товарищей, хотя бы временное, но хорошо отточенное оружие — вот задача этих первоначальных агитационно-пропагандистских курсов.

Естественно поэтому, что ни хорошо обдуманной программы, ни плана преподавания, ни постоянных лекторов при курсах не имелось.

Правда, в конце 1918 г. покойный Председатель В. Ц. И. К. тов. Свердлов разослал всем Народным Комиссарам предписание в срочном порядке выработать программу лекций по каждому Комиссариату и приступить к чтению лекций; но понятно, что из этого ничего не вышло: чтение лекций все-таки носило несистематический, случайный характер *).

Только через полгода после основания курсов, когда заведующим Курсами стал член В. Ц. И. К., тов. С. И. Канатчиков, было приступлено к выработке программ.

Сама жизнь заставила сначала увеличить срок пребывания слушателей на курсах, а затем и выработать программу занятий.

А так как самая острая нужда в работниках ощущалась в деревне, то и была выработана программа так называемых уездного и волостного циклов.

Как видно отсюда, ни о каком учебном плане и здесь речи не было.

Жизнь сейчас же показала, что оставаться при старых методах и навыках буржуазной школы невозможно.

Начать с того, что старая лекционная система ярко обнаружила свою негодность здесь, среди этой массы трудящихся, которые требовали методов и приемов понятных и близких к практике и к их пониманию.

Программа с этим не считалась: приходил лектор, читал положенный ему час или два, читал очень хорошо, курсанты слушали, а понимали они или нет то, что слушали, ни проверить, ни вообще узнать было нельзя.

В лучшем случае, лектор, если это был старый партийный работник, вспоминая свою практику в нелегальных рабочих кружках пропаганды, устраивал после лекции дискуссию и дальше этого не шел.

Курсы, конечно, пользу приносили, ибо все же лектор самими слушателями вовлекался в разговоры, а так как большинство предметов имело то или другое отношение к Советской практике, то сама жизнь заставляла руководителей школы призадуматься над методами преподавания.

Уже работа со слушателями, принятыми в марте, показала, что преподавание нужно в корне изменить, тем более, что постановление Ц. К. об образовании партийной школы требовало разработки плана занятий в этой области.

Учебный Совет школы, выпустив из школы мартовский прием курсантов, принялся за разработку программ и планов.

Было решено разделить всю школу на два отделения: советское и партийное.

Для того и другого отделения должен читаться общий теоретический курс: история экономических отношений, курс экономической науки (то, что прежде называлось курсом политической экономии), научный социализм, история рабочего движения на Западе, история рабочего движения в России, история революций на Западе, история Российской Коммунистической Партии, программа Коммунистической Партии, Советская Конституция, аграрный вопрос и аграрное движение в России.

А затем, примерно начиная с половины теоретического курса, начиналось фактическое разделение всех курсантов на две части: одни отдавались изучению вопросов Советской практики, а другая часть продолжала углублять свои познания в области партийного строительства.

Поэтому Советское Отделение в свою очередь делилось на столько секций, сколько было в Советской России комиссариатов.

Чтобы убедиться в том, как сильно жизнь заставила изменить первоначальные задачи школы, достаточно сравнить первоначальные программы с теми, которые были выработаны спустя пять или шесть месяцев после открытия школы.

Вот, например, первоначальная программа двухнедельных курсов:

1) Классовая борьба, 2) Развитие капитализма, империализм, война, революция, 3) Диктатура буржуазии, диктатура пролетариата и партии, 4) Аграрный вопрос, 5) Продовольствие, 6) Национализация производства, торговли и банков, 7) Красная Армия и 8) Организация Советской Власти.

Но уже в самом начале устроители курсов ясно отдавали себе отчет в том, что ограничиваться только такой узкой задачей, как втечение 2-х недель наскоро, наспех инструктировать товарищей по вопросам те-

*) Пишущий эти строки тоже получил в числе прочих Народных Комиссаров предписание прочесть курс лекций и прочел несколько таких лекций, но не деятельности Комис. Путей Сообщения, а о религии.

кущего момента ни в каком случае нельзя, и что необходимо «дать провинциальным Советам опытных инструкторов, в виду чего только одна четвертая часть курса (трехмесячного) посвящается теоретическим вопросам, три же четверти курса — лекциям и практическим занятиям по вопросам строительства Социалистического Государства».

Программа этого 3-х-месячного курса была такова:

1) Труд и Капитал и История Классовой Борьбы, 2) Империализм и Война, 3) Парламентаризм и диктатура буржуазии, 4) Диктатура пролетариата и Советы, 5) Социализм, анархизм и коммунизм, 6) Оппортунизм в прошлом и настоящем, 7) Строительство Советов, 8) Социализация земли, 9) Продовольственное дело, 10) Национализация промышленности и банков, 11) Рабочий Контроль и Трудовая Повинность, 12) Финансы (казна) Советской Республики, 13) Красная Армия и вооружение рабочих, 14) Советы и Народное Просвещение, 15) Церковь и Государство, 16) Национальный вопрос, 17) Брестский мир и наши задачи, 18) Высший Совет Народного Хозяйства, 19) Кооперация, 20) Транспорт, 21) Вопросы страхования и 22) Интернационал.

Как видно из этих программ, в сущности говоря, ни о каком постоянном учебном плане нет и речи, и содержание лекций все дышет жгучими вопросами дня.

«Брестский мир и наши задачи», «Красная Армия и вооружение рабочих» — это такие вопросы, на которые нужно было ответить немедленно, безо всяких оговорок и увертюк, разрешить которые практически нужно было сейчас же, не откладывая дела в долгий ящик.

Попытка создания действительного учебного плана видна в том положении об уездном и волостном циклах, которое было выработано в феврале 1919 года.

По этому «Положению» все занятия делились на две части: 1) более продолжительный (3 мес.) уездный цикл и 2) краткий курс (волостной цикл).

3-х-месячный курс обнимал 226 лекционных часов общетеоретического характера и 400 часов специальных занятий по практическим вопросам Советского Строительства, возникающим в области, отведенной каждому из комиссариатов.

Здесь, в этой программе есть уже и курс «Научного Социализма» (18 час.), и «История Рабочего Движения» (24 час.), и «История Коммунистической Партии» (24 часа), на что в первых программах не было даже и намека.

Жизнь очень быстро показала, что и для практического работника не достаточно владеть винтовкой, но нужно знать и историю своей партии и «не быть невеждой по части философии».

В этом «Положении» о школе уже ясно указывалось, что «преподавание на общем курсе имеет целью дать рабочим и крестьянам элементарное коммунистическое образование, являющееся необходимой предпосылкой для сознательного участия в Советской работе», при чем участие это мыслилось так, что курсанты по выходе из школы будут председателями, членами и секретарями Исполкомов, Совдепов, Комитетов и Правлений, а также заведующими, инструкторами, агитаторами и пропагандистами.

Считалось при этом, что для того, чтобы подготовить курсантов для занятия таких ответственных должностей, им необходимо изучить общий курс и втечение двух месяцев поработать по тому или другому специальному практическому вопросу.

Жизнь и здесь заставила внести поправку и показала, что нужна более строгая специализация и, прежде всего, по двум главным отраслям работы — партийной и советской — с дальнейшей затем, более узкой, специализацией в пределах каждой из этих двух главных отраслей.

Вот почему в мае 1919 года была выработана новая программа занятий, суть которой заключалась в более детальной специализации и в более практическом характере занятий.

Вся школа, как уже сказано выше, делилась на два отделения: Партийное и Советское.

Студенты и того и другого отделения обязаны были прослушать общетеоретический курс лекций в 240 часов и, кроме того, должны были избрать себе какую либо отрасль партийной или советской работы.

Студенты советского отделения далее разбивались на 9 циклов, где они занимались теоретическим изучением того или другого вопроса Государственного Строительства так, что каждый такой цикл (Народного Хозяйства, труда, транспорта и т. д.) занимал 160 часов, а затем они входили в одну из 19 секций, в которых уже чисто практически знакомились с Советской работой.

На каждую секцию отводилось по 120 часов, и студент такой секции обязан был побывать в комиссариатах, изучить их делопроизводство, технику и механику, и на живом деле, своим участием в работе комиссариата, подготовить себя к будущей деятельности.

Студенты партийного отделения разбивались на 3 группы: секцию печати, секцию агитации и пропаганды и секцию организационную.

Задачи этих секций понятны: подготовить партийных журналистов, агитаторов и организаторов.

На каждую секцию отводилось 120 часов, и занятия в секциях должны были носить исключительно практический характер.

Для того, чтобы дать понятие о характере работы каждой из этих секций, остановимся на агитационной секции.

Для секции агитации учебным планом было предоставлено 12 часов, так сказать, теоретического курса и 120 часов исключительно практических занятий.

Втечение 12 часов руководителем агитационной секции был дан исторический очерк

развития ораторского искусства, главным образом, в новое время во Франции, Германии и России, разобраны образцы замечательных речей выдающихся ораторов-революционеров и, что составляло особенно интересную часть занятий, подвергнуты критической оценке речи выдающихся русских ораторов, выступавших перед слушателями, т. т. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Луначарского, Коллонтай и других.

Затем было показано построение ораторской речи, методы агитационной работы, условия, в которых приходится работать и выступать агитатору, в особенности та обстановка (фабрика, завод, деревня, рабочая и крестьянская масса, женщины, молодежь, красноармейцы), которая имеет такое большое значение для агитатора.

Уже в этой части занятий студенты были поставлены в такие условия, что они должны были проявлять свою самодеятельность и инициативу: они самостоятельно разбирали речи выдающихся ораторов прошлых времен, критически оценивали достоинства речей Ленина, Троцкого и других, раз'ясняли причины успехов и неудач выступлений этих вождей пролетариата и тем самым подготовляли себя к самостоятельным выступлениям.

Практические занятия в агитационной секции (разделенной на 3 кружка по 30 — 40 человек в каждом) заключались в следующем: прежде всего, студенты кружка выбирали себе определенные темы и, разрабатывая их, подготовлялись к выступлениям в кружке; какой-либо курсант брал, например, тему: «Антисемитизм и коммунистическая партия», готовился к этой теме и затем выступал в кружке.

При этом одному курсанту давалось задание произнести речь на заданную тему в предположении, что он выступает перед темной крестьянской массой, другому выпадала задача подготовить тему так, как будто бы ему предстояло говорить перед рабочими, а третьему, например, на женском собрании.

Остальные курсанты, выслушав ораторов, подвергали их работу критике, указывая во первых на то, соответствует ли речь аудитории, перед которой она должна быть произнесена, во вторых, — соответствует ли содержание заданной теме и наконец, указывая на недостатки и достоинства внешней формы речи.

Кроме того, критике подвергались и те внешние приемы, которые употреблялись оратором во время речи.

Второю ступенью занятий были митинги, организованные агитационной секцией для всей школы. Здесь выступали уже не только курсанты агитационной секции, но и все желающие. Здесь же, на митинге поднимались споры, возбужденные произнесенной речью.

Темы митингов об'являлись заранее.

Третьей ступенью работы были самостоятельные выступления курсантов агитационной секции на рабочих собраниях пролетарских районов г. Москвы и во время различных кампаний, организуемых Московским Комитетом Р. К. П.

Так, курсанты-агитаторы приняли большое участие в проведении «дня Советской пропаганды».

Разумеется, эти выступления курсантов сначала были не особенно удачны, но с каждым новым выступлением их успехи увеличивались, о чем свидетельствуют те отзывы, которые школа получала от различных организаций, пользовавшихся услугами школьных агитаторов.

Нужно при этом заметить, что как только агитаторы разбивались на кружки для практических занятий, они сейчас же все дело обучения брали в свои руки: собранием кружка руководил выбранный ими председатель, секретарь вел протоколы, и руководитель кружка из преподавателей был простым участником собрания, только в редких случаях обнаруживая свой авторитет тем или другим замечанием или суждением.

Такой способ ведения дела дал очень быстро блестящие результаты, и — чтобы не быть голословным — приведем отзыв корреспондента английской газеты «Manchester Guardian». Этот отзыв тем интереснее, что автор его, сам педагог, не коммунист, представитель буржуазии, своими собственными глазами наблюдал работу в школе.

Этот английский буржуазный педагог присутствовал на собрании секции по работе в деревне, когда студенты совершенно самостоятельно работали над темой по аграрному вопросу. Вот что сказал этот английский педагог (речь переводчика мы приводим по стенограмме): «Оратор прежде всего должен поблагодарить за любезный прием. Идя сюда, он не собирался произносить речи, но его так любезно приняли, что он хочет сказать несколько слов. Он преодолел большие трудности, чтобы приехать сюда, и все, что он здесь увидел, идет в разрез с тем, что думают и пишут о России в Англии и других странах. В частности, его поразила разветвленность и организованность нашей воспитательной системы, которая в этом отношении создала больше, чем создали капиталистические культурные страны. Он говорит, что это его мнение авторитетно, как мнение педагога. Во время своего пребывания в России, он проникся уважением к русской революции и в частности к коммунизму. Его поразило то, что у нас разрабатывается вопрос о работе в деревне, тогда как заграницей уверены, что в русской деревне к революции относятся совершенно пассивно. Обо всем, что он здесь увидел, он передаст английским трудовым массам через партийные органы и другие органы общественного мнения».

Этот отзыв интересен еще и потому, что он относится как раз к тому методу занятий, который применен впервые в Коммунистическом Университете Я. М. Свердлова.

Стенограмма, из которой взята цитируемая речь, сохраняет следы тех горячих дебатов, которые слышал английский корреспондент и которые велись курсантами по очень жгучему вопросу работы в деревне.

По такому же типу с некоторыми различиями велись занятия и в других партийных и Советских секциях.

Учебным планом последнего выпуска 1919 года намечалась также целая система кружковых и семинарских занятий.

Под кружками учебный план разумеет группы студентов в 30—40 человек, на которые делятся все слушатели.

Каждым кружком руководит опытный преподаватель.

Таким образом, каждый прочитанный всем 1.000 слушателям курс должен был снова изучаться и повторяться в кружке уже при полной самостоятельности и самодеятельности учащихся.

Участие курсантов в кружках обязательно.

Под семинариями разумеются необязательные занятия слушателей по вопросам, которые интересуют не всех курсантов, а ту или иную специальную их группу.

Занятия в семинариях совершенно самостоятельны: курсанты сами выбирают вопросы и темы, сами готовятся к рефератам, докладывают их и дискутируют. Преподаватели и руководители семинариев только старшие товарищи, помогающие курсантам своим опытом и знаниями. К величайшему сожалению, систему кружковых занятий не удалось провести в полной мере по независящим от университета причинам: не хватало руководителей кружков.

Вообще, учащий персонал университета был очень малочислен. Вся масса слушателей обслуживалась персоналом в 8 человек.

Постоянных лекторов, приписанных к университету, почти не было; лекторы, перегруженные работой, исполняли свои обязанности неаккуратно: пропускали лекции, будучи отзываемы Ц. К. Р. К. П. на фронт, прерывали свои курсы, дискуссий не проводили.

Не всегда лекторы были на высоте положения: анкета, произведенная по этому вопросу среди слушателей, дала поучительный материал, который, при выработке нового учебного плана, дал возможность избежать новых ошибок.

Вообще, опыт последнего выпуска дал много поучительных и важных выводов, к которым мы и переходим.

IV.

Опыт годовой работы в университете.

Первым выводом, как уже сказано, было безусловное осуждение лекционного способа преподавания.

Лекция, в особенности в такой аудитории, как Коммунистический Университет, оказалась, за редкими исключениями, непригодным приемом преподавания.

Не всегда лекторы читали достаточно популярно, не всегда они умели так интересно подобрать и скомбинировать материал, чтобы держать аудиторию в состоянии постоянного внимания и напряжения; не всегда, наконец, они устраивали после лекции дискуссии.

Лекция отжила свой век, и в занятиях общественными науками она должна быть заменена демонстрацией, дискуссией, кружком, семинарием.

Вторым выводом, к которому привел опыт 1919 года, была необходимость создать достаточно многочисленный и подготовленный кадр руководителей кружков для занятий со студентами.

Но где их достать, где получить такое количество руководителей, которые могли бы вести 50—60 кружков?

Сил у партии было немного, да и те все были брошены на фронт.

Естественным выходом отсюда было одно: создать из самих слушателей кадр таких руководителей.

Учебный Совет, поэтому, постановил выбрать 50 лучших студентов и оставить их при университете для дальнейшего усовершенствования в науках, чтобы затем, при новом приеме, они сразу же выполнили две работы: организацию всей массы приезжающих студентов и занятия с ними в кружках по различным курсам.

Это и было сделано, причем к 50 товарищам, оставленным из старого курса, были присоединены студенты военно-педагогической академии.

Эта сотня молодых людей и выполняет теперь огромную работу: они встречают вновь приезжающих студентов, помогают Учебному Совету разбивать их на группы по подготовке и знаниям и ведут занятия в кружках, на которые разделяются студенты по каждому из читаемых курсов.

Этот способ дает прекрасные результаты: во-первых, новые студенты попадаю шсразу в товарищескую среду к старым товарищам, знающим весь уклад университетской жизни, во-вторых, новые студенты не попадают сразу под обстрел десятка лекторов, от которого в голове получается хаос, в третьих—все знания, которые получают новые студенты на лекциях, усваиваются в кружках полнее и глубже, и в четвертых—сами оставленные при университете студенты приобретают огромный опыт и вырабатываются из себя будущих лекторов, пропагандистов и агитаторов (они и называются «лекторами»).

Третий вывод, которому научил 1919 год, это—убеждение, вынесенное всем Учебным Советом, что усиленные занятия серьезными вопросами должны перемежаться с занятиями—и отдохновением—эстетического характера.

Вечера, посвященные искусству—музыке, пению, драматическому искусству—должны быть увеличены в числе и расширены.

Поэтому Культурно-Просветительный Отдел, поставлен теперь значительно шире и содержательнее: кроме лучших артистов, певцов, музыкантов, теперь должен быть с'организован ряд кружков, посвященных искусству — драме, музыке, литературе.

Студенты должны издавать журнал, в котором будут помещаться лучшие студенческие рефераты, статьи и стихи. Этот журнал и должен быть той практикой, которая обязательна для изучающих печать в секции печати.

Четвертый вывод касается самого учебного плана.

При чтении лекций по таким сложным курсам, как научный социализм, история и теория народного хозяйства,—обнаружилось, что попадаются студенты с такой незначительной подготовкой, что приходится на лекциях по научному социализму много времени уделять раз'яснению вопросов, относящихся к области элементарных знаний по географии, математике, химии и вообще наук естественно-исторических.

Поэтому пришлось ввести: 1) краткий курс мироведения, т. е. введения в область естественно-исторических наук: введение в физику, введение в химию, введение в биологию, введение в геологию и астрономию и 2) краткие повторительные курсы (как необязательные занятия) математики (арифметики, алгебры, геометрии) и русского языка и литературы.

При этом занятия по русскому языку и по математике сводятся зачастую к тому, чтобы малограмотных выучить грамотно писать и дать понятия об элементах науки (например, научить считать).

Введение небольшого курса естественных наук имеет огромное значение; необходимость такого курса понималась всеми, но казалось сначала, будто достаточно дать студентам знания только из области общественных наук, а остальное студент усвоит сам, если ему это нужно.

Кроме того, и краткость курса не давала возможности допускать такую роскошь, как изучение хотя бы начатков естествознания.

Отсюда вытекал пятый вывод: необходимо удлинить курс с трех до шести месяцев.

А раз жизнь заставила притти к такому выводу, то естественно пришлось и учебному плану придать другой характер. Он приобрел стройность и смысл.

Если посмотреть на план распределения лекций и занятий настоящего семестра, то сразу бросается в глаза последовательность и естественный ход занятий.

Первыми курсами являются курсы т. Луначарского и естественников.

Тов. Луначарский читает интереснейший курс по истории культуры с музыкальными, драматическими и иными демонстрациями. Блестящее изложение лектора иллюстрируется как демонстрациями на экране, так и живыми демонстрациями, — декламацией лучших произведений мировой культуры, музыкой и танцами.

И все это исполняется лучшими артистами государственных театров.

Одновременно с курсом по истории культуры начинается введение в физику и химию, после чего читается курс физической географии и наконец, биологии, где особенное внимание обращается на теорию развития.

В первую же неделю начинается курс политической экономии, т. е. теории и истории экономических учений и народного хозяйства.

Курс всеобщей и русской истории является также тем первоначальным курсом, который служит введением в изучение более специальных вопросов.

С четвертой недели начинается курс, называемый «Борьба классов и партий на Западе» (истории революций), а с пятой недели такой же курс, относящийся к России.

С пятой же недели начинается курс статистики, и только с седьмой недели, после того, как заложен довольно прочный фундамент знаний из области естественных наук, истории и политической экономии, начинается курс научного социализма.

Получив солидную подготовку по теории и истории марксизма, студенты для завершения своих знаний в этой области приступают с 7-й недели к истории крестьянского движения, с 8-й недели к истории Р. К. П. и только с десятой недели к изучению программы нашей партии.

Уже в семнадцатую неделю дается небольшой курс по программам других политических партий.

Такой последовательностью курсов (читаемых лучшими коммунистическими силами России—т. Лениным, Бухариным, Покровским, Луначарским, Зиновьевым, Рязановым и др.), достигается то, что такие, напр., курсы, как программа партии и история партии, проходятся быстро и легко.

Основные курсы построены не только на лекциях, но и на кружковых занятиях и семинариях, для которых отведено 120 часов (для кружковых повторительных занятий отведено 184 ч.) по каждому курсу.

Начиная с 11-й недели происходит деление на партийный и Советский факультеты: до этого времени все студенты слушают один общий теоретический курс; с 11-й недели студенты, желающие посвятить себя работе в Советских учреждениях, выбирают секцию того или другого комиссариата, а студенты, желающие работать только в партии, избирают себе одну из партийных секций.

Работа в этих секциях чисто практическая, как это уже показано на примере агитационной секции; Советских секций столько, сколько комиссариатов и главных отраслей Советской работы, а партийные секции следующие: организационная, агитационная, работы в деревне, работы среди женщин, работы среди молодежи, в красной армии и печати.

При этом необходимо добавить, что с самого начала весь состав студентов по своим знаниям и способностям разбивается на две части,—основной курс, куда попадают более подготовленные товарищи, и параллельный, составленный из менее знающих и хуже подготовленных слушателей.

Прежде чем остановиться на тех выводах, к которым необходимо притти, всматриваясь в постановку дела в университете, нужно остановиться еще на двух явлениях, связанных с жизнью школы.

Первое — это использование студентов школы, и второе — материальные рессурсы, которыми располагает школа.

За 1½ года существования курсов и университета, через них прошло около пяти тысяч человек.

Из этих четырех слишком тысяч человек большая часть была брошена на фронт.

Все знают, какое огромное значение имело это обстоятельство для красной армии: только беззаветная храбрость и преданность делу социальной революции, преданность, внушенная и осмысленная школой, дали возможность курсантом идти в бой впереди красных полков и своей смертью пролагать путь к победе.

Везде—и под Красным Питером, и на полях Сибири, и на Украине, и на Дону, и на Западном фронте — энтузиазм коммунистов, и в том числе курсантов, был тем связующим ряды красной армии цементом, который превратил нашу армию в непобедимую легендарную армию героев.

Тов. Троцкий и другие наблюдатели все единодушно говорят, что успехи под Питером при наступлении Юденича были достигнуты исключительно благодаря героизму курсантов разных школ, в том числе и нашей.

Остальные студенты—более тысячи человек—отправились на внутренний фронт и очень быстро заняли разные ответственные должности как на Советской, так и на партийной работе.

Нет, пожалуй, ни одного сколько нибудь крупного города в Советской России, где бы вы не встретили курсанта Коммунистического Университета: многочисленные письма окончивших школу к руководителям школы свидетельствуют как о той связи, которая продолжает существовать между бывшими слушателями и школой, так и о той ответственности, которую чувствуют на себе бывшие питомцы университета.

Правда, не все они одинаково хорошо подготовлены, не все они способны выполнять самую ответственную работу, но безусловно все они принесли с собой в массу темных рабочих и крестьян сознание величия того дела, которое они делают, преданность коммунизму, героизм, самопожертвование и, что самое главное, честность и пролетарскую дисциплину.

В этом отношении влияние школы, даже неудовлетворительно поставленной, огромно.

Восьмой с'езд нашей партии, вынесший постановление об образовании партийной школы, сделал по истине великое дело.

Тем более печально то обстоятельство, что положение школы с материальной стороны в высшей степени плохо.

Мы не говорим о деньгах и кредитах, отпускаемых школе. С этой стороны жаловаться не приходится: В. Ц. И. К. не отказывает в своей помощи деньгами нашей школе; но есть другая сторона, которую обойти молчанием ни в коем случае нельзя: это—полуголодное существование студентов, отсутствие белья, обуви, учебных пособий вообще, книг в частности, плохие общежития, отсутствие транспортных средств, отсутствие лекторов.

Вот эта сторона жизни университета так тяжела, что иногда просто удивляешься, откуда брались силы у студентов, чтобы протянуть 3 или 4 месяца, не имея ничего, кроме фунтового пайка.

Многие не выдерживали сурового режима голода и бросали школу: оставались только самые стойкие, самые выдержанные, самые преданные делу коммунизма.

Небывалая эпидемия тифа, отсутствие топлива и ряд других причин делали подчас работу университета невыносимо тяжелой.

V.

Управление университетом.

Для управления всем университетом, его учебной и хозяйственной частью, по положению, утвержденному В. Ц. И. К., организуется Совет Университета (Учебный Совет) в составе: одного представителя от президиума В. Ц. И. К., одного представителя от Ц. К. Р. К. П, двух профессоров, избираемых всеми т.т. профессорами и лекторами, заведывающего хозяйственной частью, одного представителя от Нар. Ком. Просв. и выборных от товарищей студентов. Число последних, предусмотренное положением, равно двум, но на практике, по постановлению Учебного Совета, это число может быть увеличено до пяти, десяти и т. п. (два от Курсового Комитета студентов, один от Административной Комиссии студентов, один от коммунистической ячейки слушателей, по одному представителю от всех организаций студентов,—культурно-просветительной и т. п.).

На заседании Учебного Совета присутствуют с решающим голосом и заведывающие различными отраслями учебного дела — заведывающие партийным отделением, Советским, секциями, кружками, семинариями.

Учебный Совет вырабатывает при содействии профессоров учебные планы, программы, обсуждает характер и направление занятий, обсуждает кандидатуры новых профессоров и руководителей занятий, рассматривает пожелания и предложения студентов и профессоров, руководит всей учебной жизнью университета, выслушивает доклады

заведывающего хозяйственной частью и дает директивы заведывающему университетом, профессорам и руководителям.

Заведывающий университетом управляет университетом в административном отношении и проводит в жизнь постановления Совета по учебной части.

Студенты на общем собрании выбирают Курсовой Комитет—руководящий орган всех слушателей университета.

Курсовой Комитет вырабатывает подробнейшую инструкцию распорядков студенческой жизни и поведения и выдвигает ряд комиссий: хозяйственную, административную и т. п., т. е. органы, которые вместе с Учебным Советом, заведывающим университетом и заведывающим хозяйственной частью руководят всей жизнью университета.

Таким образом, студенты являются также хозяевами университета, младшими товарищами, которые вместе с более опытными и знающими товарищами живут одной дружной товарищеской семьей.

Очень ценными членами этой семьи являются помощники заведывающего университетом, необыкновенной преданности делу которых школа обязана своим успехом: они непосредственно помогают Заведующему Университетом в деле организации всей массы слушателей.

Чем же об'ясняется такая легкость, с какою Коммунистический Университет добился осуществления двух основных качеств новой школы — пролетарского его характера и самодеятельности студентов?

Тем, что над всем университетом веет действительно коммунистический дух; тем, что организатором университета является Коммунистическая Партия; тем, что она не задавалась целью создать какой-то особый пролетарский университет с какой-то особой «пролетарской» культурой, а ставила своей задачей организовать Коммунистический рабоче-крестьянский университет, весь пропитанный дыханием рабочих масс и обвеянный светом коммунистического учения.

В этом вся тайна и в этом залог будущего развития университета. А развиваться он должен и будет.

Уж из этого небольшого 1½-годичного опыта с несомненностью видно, в каком направлении должно идти дальнейшие развитие университета: 1) курс должен быть углублен и удлинен до одного года, 2) на ряду с продолжительным курсом должен быть организован ряд краткосрочных курсов (каковыми, напр., являлись курсы для казаков, калмыков, башкиров и татар), 3) необходимо безусловное сведение до минимума лекционной системы с заменой ее системой дискуссий, рефератов, докладов, практических кружковых и семинарских занятий, 4) роль профессоров должна быть ограничена функциями идейных руководителей, 5) необходимо увеличение самостоятельности и инициативы учащихся и 6) необходимо улучшение материального положения студентов.

Впрочем, что касается инициативы, то студенты, особенно оставленные при университете, проявили ее в большой мере: они организовали Курсовой Комитет и ряд комиссий, ячейку партии, принимают большое участие в Учебном Совете и особенно в организационной работе.

Заполнение вновь прибывающими студентами анкет, разборка этих анкет, изучение их, живое общение с вновь прибывающими — все это только и дает возможность, несмотря на величайшую разруху, иметь такую школу, как Коммунистический Университет.

Стоит только упомянуть, что студенты университета являются участниками субботников, и что они же работой втечение всей зимы в лесу по заготовке дров для университета спасли его от гибели. Студенты каждого приема шли в лес и рубили там дрова, твердо помня, что они их рубят для будущего нового кадра слушателей.

Если при этом прибавить, что за исключением мелких ничтожных недоразумений, как между самими студентами, так и между ними и учащим персоналом никогда еще не было (и, надеемся, не будет) ни одного серьезного столкновения, то станет ясной главная отличительная черта университета имени т. Свердлова — коммунистическая, революционная сущность новой организации.

В. НЕВСКИЙ.

II. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЗИНОВЬЕВА В ПЕТРОГРАДЕ.

(Инструкторская школа).

Это не обычный университет с многочисленными факультетами, богатыми лабораториями, пособиями, со старыми профессорами. В нем студенты не сидят годами.

Это—краткосрочная школа, где рабочие и крестьяне получают необходимые знания о Советском законодательстве и строительстве.

Начало наш университет получил еще в дни октябрьского переворота 1917 года.

Участники великой октябрьской революции знали, что опаснее всего ограничить ре-

волюцию каким-либо одним городом или районом, что необходимо распространить ее по всей стране.

Вся страна должна была быть правильно информирована о Питерских и Московских событиях. Везде должна была быть установлена Советская власть.

Этого нельзя было сделать иначе, как путем живой творческой работы. Нужны были люди, необходимо было подготовить их.

И работа закипела. Еще не успели закончиться уличные бои, как началась она. Из фабрик, заводов рабочие, желающие ехать в провинцию, стекались в Смольный, чтобы, прослушав две-три лекции, раз'ехаться по разным углам России и там вести новую невиданную еще работу; вся работа была сосредоточена в руках агитационных отделов Петербургского Комитета Коммунистической Партии и В. Ц. И. К. Первая такая группа насчитывала триста человек рабочих.

Программа этой первоначальной формы нашего университета была чрезвычайно проста и заключала в себе следующие темы: 1) Октябрьский переворот—Рабоче-Крестьянская диктатура, 2) Земельный вопрос в России—декрет о земле, 3) Декрет о мире.

Этот курс обычно заканчивался напутственным словом тов. Ленина, Зиновьева и др.

До конца октября и втечение ноября таким спешным порядком было подготовлено больше тысячи человек. Все они раз'ехались по России и с тех пор не переставали вести просветительную и организаторскую работу.

Дальнейшей ступенью Рабоче-Крестьянского Университета следует считать более длительный курс при том же агитационном отделе под названием школы агитаторов. Курс был двух-трехнедельный с более широкой программой и с постоянными лекторами из наших партийных товарищей. Слушателями были питерские рабочие из районов, имевшие желание поехать в провинцию.

Занятия велись по следующей программе:

1) Краткий очерк развития человеческого общества до капитализма и от последнего к коммунизму.

2) История революционного движения в России и на Западе.

3) История партий и их программы.

4) Что такое Советская Республика.—Советы 1905 и 1917 г.г. до октября. Советы и их значение после октябрьского переворота. Советы, как организация власти пролетариата и беднейшего крестьянства. Избирательная система Советов и организация советской власти на местах.

5) Экономические задачи Советской России.—Национализация промышленности и торговли, национализация банков, рабочий контроль.

6) Красная армия, ее задачи. Отличие ее от буржуазных армий.

7) Земельный вопрос.—Наша земельная политика. Организация сельско-хозяйственных коммун.

8) Церковь и государство.—Отделение церкви от государства и школы от церкви.

9) Что такое Интернационал?

10) Текущий момент.

В двух-трехнедельный срок проходился намеченный выше курс. Затем слушатели подвергались испытанию и направлялись в провинцию или оставлялись в распоряжении Иногороднего Отдела, созданного с 12-го июля 1918 г. при Исполнительном Комитете тогдашнего Союза Коммун Северной Области. Тут эти товарищи составляли кадр инструкторов, обслуживавших всю Северную Область. За первое полугодие 1918 года таким путем было подготовлено пять групп по 50 и больше человек.

Далее встал вопрос о необходимости новой формы помощи провинции. Нельзя было бесконечно продолжать посылку рабочих. Надо было начать из крестьянства вырабатывать кадры советских работников.

Иногороднему Отделу было поручено организовать Инструкторскую Школу с более длительным курсом.

С 1-го сентября 1918 г. такая школа и начала функционировать.

Слушатели делегировались уездными, губернскими исполкомами и партийными организациями. Втечение трех месяцев все ученики жили в общежитии в Смольном на всем готовом, получая небольшую сумму денег на карманные расходы. Сумма эта увеличивалась сообразно возрастанию цен на продукты. Начиная со 100 руб. она теперь дошла до 2 тысяч рублей в месяц и в ближайшем будущем должна быть увеличена, по крайней мере, до 3000 рублей. По окончании все прослушавшие обязаны вернуться на места, откуда они делегированы. Занятия I-го выпуска начались 27-го ноября 1918 г.

В школу делегировали:

Вологодская	губерния	30 чел.
Новгородская	»	32 »
Олонецкая	»	12 »
Петроградская	»	64 »
Северо-Двинская	»	40 »
Псковская	»	49 »
Череповецкая	»	23 »
Тамбовская	»	17 »
	Всего . . .	327 чел.

Из них выбыло:

Не удовлетворившись материальными условиями	15 чел.
По болезни	11 »
Осталось . .	301 чел.
Вольнослушателей было	168 »
Всего	469 чел.

Все это были крестьяне отдаленных волостей, в возрасте от 18 до 40 лет. Пре-

обладал в этом выпуске возраст 18—25 лет.

В виде исключения попадают в университет и глубокие старики.

Так, нашу школу кончил, и с большим успехом, 60-тилетний крестьянин-бедняк Новгородской губернии.

Слушатели 1-го выпуска школы на одном из общих собраний вынесли решение назвать школу Первым Рабоче-Крестьянским Университетом имени Зиновьева. Мотивы были таковы: школа эта вводит их в политическую жизнь; необходимо, стало быть, названием подчеркнуть огромное значение школы для крестьян и рабочих.

Так получил свое название Первый Рабоче-Крестьянский Университет имени Зиновьева в Петрограде.

Занятия этого выпуска велись по более обширному плану.

Занятия распадались на два разряда: предметов сельского хозяйства и предметов обще-образовательных и политических.

Втечение трехмесячного курса пройдено:

1)	по сельскохозяйственным предметам . . . . . Причем лекции сопровождались световыми картинами.	16 лекций.
2)	По ботанике	2 »
3)	По естествознанию	1 »
4)	По здравоохранению	1 »
5)	История французск. революции	10 »
6)	История революцион. движения в России	3 »
7)	Советская Республика	2 »
8)	О советском строительстве: а) Организация производства, б) Национализация производства и банков	8 »
9)	Земельный вопрос	2 »
10)	Красная Армия	2 »
11)	Церковь и Государство	2 »
12)	Империализм и война	2 »
13)	О Коммунизме	5 »
14)	Продовольствие и Советская власть	1 »
15)	Женское движение	2 »

Кроме того, давались краткие сведения об устройстве и работе всех Комиссариатов.

Кроме основных занятий, предпринимались экскурсии: 1) В Лесной Институт, 2) на Экспедицию Заготовления Государственных Бумаг, 3) в Петропавловскую Крепость, 4) на фабрику механической обуви «Скороход», 5) на Электрическую Станцию, 6) на Газовый Завод, 7) в Зоологический сад, 8) в Ботанический сад, 9) в сельско-хозяйственный музей, 10) осмотрены лучшие архитектурные постройки Петрограда: Исаакиевский Собор, Казанский, Эрмитаж и др.

Во время пребывания в университете курсанты посещали все заседания Петроградского Совета, присутствовали на происходивших за это время с'ездах, на открытии многих памятников, участвовали в праздновании Годовщины Октябрьской Революции со своими собственными знаменами.

В праздничные дни курсанты посещали лучшие театры, музеи.

29-го ноября 1-й выпуск университета был закончен, было устроено торжественное заседание Петроградского Совета, и с 30-го курсанты стали раз'езжаться на места.

Каждый окончивший университет получил небольшую библиотеку, состоящую из 50 книг известных социалистических писателей.

Как видно из изложенного плана и программы, занятия в университете не носили еще строго систематического характера. Главным образом, это об'ясняется отсутствием постоянного кадра лекторов. Нашими лекторами по всем политическим вопросам являются товарищи, занятые по горло своими повседневными делами.

Сейчас же по окончании 1-го выпуска началась подготовительная работа к следующему выпуску.

Университет был переведен в помещение Дворца Урицкого.

План занятий пришлось изменить, программу расширить.

Существовавшая тогда школа дружинников для подготовки милиционеров присоединена была к Рабоче-Крестьянскому Университету.

Намечен был план такой: университет на 600 или 1000 человек; курс трехмесячный; университет разбивается на отделы: 1) Сельскохозяйственный, 2) Отдел Милиции (городской, железнодорожной, речной), 3) Отдел Уголовного Розыска, и 4) Отдел Советского управления.

Программа общая, об'язательная для всех курсантов,—вышеупомянутого несколько расширенного об'ема, и специальные курсы для каждого отделения.

II-ой выпуск начался 1-го января 1919 г. и закончился 1-го мая того же года.

Слушателями были делегаты с мест:

Из	Петроградской губ. . . .	254 чел.
»	Череповецкой » . . .	131 »
»	Вологодской » . . .	118 »
»	Северо-Двинской » . . .	110 »
»	Новгородской » . . .	89 »
»	Олонецкой » . . .	43 »
	Всего . . .	745 чел.

Из этого числа выбыло по разным причинам: по болезни, по неспособности, не удовлетворившись содержанием—36 чел. Осталось 709 чел., из них 187 женщин.

Для бо́льшего удобства все слушатели были разбиты на группы по 100 чел., с «групповым» во главе. Этот «групповой» следит за порядком в своей сотне.

С этого времени университет переведен во дворец Урицкого, и залы бывшего Таврического Дворца превращены в общежитие Рабоче-Крестьянского Университета.

В виду тяжелого военного положения все слушатели проходили курс военного обучения.

Окончание II-го выпуска совпало с летними месяцами, когда трудно брать людей из уездов и волостей, и с крупными мобилизациями на восточный фронт, куда ушли почти все молодые силы.

Сам собой создался поэтому перерыв.

Университет, однако, не прекратил работы. Та-же мобилизация увела на восточный фронт из Питера большое количество людей призывного возраста. Заметно уменьшился приток новых сил в милицию. Возник вопрос о пополнении городской милиции работницами.

С июня 1919 года при университете создаются краткосрочные курсы для женской милиции. Группы в сто-двести человек в течение месяца подготовляются к несению милицейской службы.

Программа занятий такова:

1) Обучение строю, стрельбе и гимнастике.
2) Краткий очерк истории нашей революции.
3) Советская Республика.
4) Конституция Советской республики.
5) Теория охраны—(Инструкция милиционера).
6) Знакомство с главнейшими декретами.
7) Скорая помощь.
8) География города.

Такой курс за летние месяцы, а затем и втечение зимы, прошло 900 с лишним милиционерок.

III-й выпуск предположено было начать в средних числах октября. Наступление Юденича на Петроград помешало приезду слушателей с мест. Только к 24-му ноября набралось 640 чел., причем за первые четыре месяца по разным причинам выбыло 90 чел.

Оставшиеся 550 чел. разбиваются так:

Петроград	426	чел.
Петроградская губ.	11	»
Псковская »	17	»
Олонецкая »	13	»
Череповецкая »	30	»
Новгородская »	18	»
Вологодская »	45	»
Всего	550	чел.

Здесь мы имеем значительный перевес слушателей из рабочих Петрограда по причинам, указанным выше. Курс продлен до целого полугодия. Количество отделов увеличено.

Сейчас университет, в котором читается общеобразовательный курс, обязательный для всех слушателей, включает в себя следующие специальные отделы:

1) Советской милиции,
2) Уголовного розыска,
3) Сельско-хозяйственный,
4) Советского управления,
5) Городского благоустройства,
6) Партийной работы и Советско-партийной прессы.

Кроме того, с самого начала занятий создается кружок грамоты, в котором обучаются неграмотные.

Отдел обще-образовательный.

(Посещают все курсанты).

Программа и порядок занятий следующие:

История русской литературы	12	лекц.
История религии и церкви в России	4	»
История общественных движений в Западной Европе	20	»
История Французской революции	15	»
История материальной культуры	26	»
Социальное законодательство	25	»
Естествознание	26	»
Биология	18	»
Химия и физика	10	»
История искусства и театра	14	»

Кроме того, читали лекции тов. Рощин—об истории и психологии рабства, тов. Невский—по аграрному вопросу, тов. Милютин—о промышленной политике, тов. Радек—о политическом движении в Германии и М. Горький—о знании.

Отдел Уголовного розыска—60 чел.

Техника уголовного розыска	24	лекц.
Научная техника расследования уголовных преступлений	24	»
Уголовное право (до 1 февраля)	22	»
Уголовное право (с 1 февраля)	13	»
Судебная медицина	10	»
Применение собак-ищеек к уголовно-розыскной службе	10	»
Гимнастика и приемы самозащиты	40	»
География Петрограда	5	»

Курсанты Отдела Уголовного Розыска ежедневно, по установленной очереди, ходят на практические работы в Уголовный Розыск, практикуясь в регистрационном бюро и работая совместно с агентами в деле раскрытия и предупреждения преступлений.

Отдел Сельско-хозяйственный—163 чел.

Земельный вопрос и агрономия	20	лекц.
Огородничество	32	»
Крупный рогатый скот, молочное хозяйство, овцеводство	20	»
Козоводство	4	»
Полеводство	15	»
Осушка болот	14	»
Вредители и болезни растений	6	»
Рыболовство	4	»
Несгораемые сельские постройки	10	»
Общее земледелие	16	»
Кормовые травы	37	»

Сельско-хоз. машины и орудия	12	лекц.
Анатомия и физиология домашних животных	12	»
Организация сельского хозяйства	20	»
Ветеринария	2	»
Холодильное дело	2	»
Коневодство	2	»

Чтение лекций в сельско-хозяйственном отделе закончилось 1 апреля. С 15-го апреля курсанты приступают к практическим работам по сельскому хозяйству под руководством своих лекторов на Крестовском острове. Во время пребывания в университете курсантами отдела сельского хозяйства под руководством ученого специалиста осмотрены детально сельско-хозяйственный музей, ботанический сад и Царические оранжереи.

Отдел Советского управления—136 чел.

Советская Россия	6	лекц.
Комиссариат Финансов	20	»
Комиссариат Здравоохранения	8	»
Комиссариат Просвещения	6	»
Комиссариат Социального обеспечения	4	»
Кооперация	3	»
Профессиональное движение	1	»
Комиссариат Продовольствия	2	»
Совнархоз	2	»
Тюремный вопрос	2	»
Комиссариат Труда	3	»
Отдел Управления Петросовета	4	»
Совнархоз	2	»
Народный Суд	4	»
Комиссариат Юстиции	2	»
Рабочая инспекция	2	»

Курсанты отдела Советского управления разбиты по их личному желанию на группы, которые и специализируются на практических занятиях в отдельных Комиссариатах.

Отдел городского благоустройства—24 чел.

Общее городское благоустройство	17	лекц.
Искусство и обстановка жизни	5	»
Канализация и водоснабжение	4	»
Дезинфекция	4	»
Основные вопросы хозяйственной организации труда	3	»
Экономическая будущность Петербурга	4	»
Профессиональный состав населения города	1	»

Примечание: чтение лекций в Отделе Городского Благоустройства производится в Музее города.

Отдел партийной работы—72 чел.

Интернационал	3	лекц.
История Р. К. П.	5	»
Конституция	5	»
Политический газетный кружок	2	лекц.
Партийное строительство	5	»
Программа Р. К. П.	5	»
Нелегальная работа	2	»

Отдел Советской милиции.

Отдел Советской милиции функционирует с июня месяца 1919 г.

Всего окончило курс по этому отделу 982 человека: 183 мужчин и 799 женщин.

В отделе Советской милиции читаются следующие лекции:

Конституция.
Теория и практика охраны.
Уголовное Право.
Скорая помощь.
Применение собак-ищеек к уголовно-розыскной службе.

Ежедневно ведутся строевые занятия по три часа в день с инструкторами и проходится курс квартальной службы. По окончании курсов курсанты отдела Советской милиции получали обмундирование.

Экскурсии курсантов.

Под руководством инструкторов Экскурсионной Коллегии Компроса курсанты совершили целый ряд экскурсий.

Посещение театров.

В дни постановки спектаклей в театрах для Совета Профессиональных Союзов курсанты посещали театры: Академический театр оперы и балета, Академический драматический театр и Большой драматический.

Лекторами нашего университета являются по обще-образовательной программе—профессора наших государственных университетов, по политической и специальным програмам—партийные и советские работники. Близкое участие в работах университета принимают: Зиновьев, Радек, Невский, Бухарин, Рязанов и Максим Горький. Результаты первых двух выпусков, с подготовкой 800 милиционерок, надо считать весьма благоприятными.

За малыми исключениями, все окончившие университет на местах очень скоро выдвигаются, как люди понимающие смысл нового строительства, умеющие раз'яснять крестьянам трудные для них вопросы. При выборах в Советы они избираются в Исполнительные Комитеты.

И на уездных с'ездах, и на губернских, и на с'ездах партии эти товарищи встречаются все в большем и большем числе. Отзывы с мест об их работе также весьма благоприятны.

Также оправдали все надежды и милиционерки. Несение ими внутренней охраны города ведется весьма добросовестно. Некоторые уже успели выдвинуться в качестве помощниц начальников участковой милиции.

По храбрости и настойчивости при пресечении преступлений они ничем не уступают мужчинам.

Большое значение также имеет курс по уголовному розыску.

В борьбе с уголовной преступностью мы перешли к новым формам. Лагери труда, трудовые колонии, где люди приспособляются к труду, получая вместе с тем культурно-просветительную подготовку, заменяют старые тюрьмы.

Пресечение и розыск преступлений в связи с новыми условиями жизни требуют особенного к себе внимания. Это безусловно достигается специальной подготовкой самих рабочих и крестьян к разумной борьбе с преступностью. Так изживается тип кастового сыщика, со всеми неприглядными его чертами.

Таким образом, мы имеем дело с законченным типом инструкторской школы, имеющей возможность подготовлять до 2000 работников в год. Заметим, что университет никаких привилегий не дает. Его задачей является только подготовка. Чтобы занять то или другое служебное место, окончившие университет товарищи на местах должны развить агитационную и пропагандистскую работу. Они должны быть выбраны в то или иное учреждение.

Наряду с Университетом имени Я. М. Свердлова в Москве, о котором в этом же номере журнала дает очерк тов. Невский, наш университет представляет нечто совершенно новое и весьма типичное для нашего времени. Этот тип школы не укладывается в рамки учебных учреждений, предназначенных для систематического просвещения. Это школа для подготовки инструкторов, практических работников. Школы эти, по нашему глубокому убеждению, должны быть в ведении Народного Комиссариата Внутренних Дел, который должен будет постоянно видоизменять их в соответствии с общим духом нашего государственного строительства.

Поскольку наш Советский аппарат стремится вовлекать широкие массы рабочих и крестьян в строительство и управление страной,—такие школы имеют огромное будущее. Необходимо сейчас же наметить план целой сети таких Рабоче-Крестьянских Университетов, построенных по одному плану, работающих по одинаковым программам.

Подготовляя в нескольких пунктах Российской Республики работников, мы скорее всего добьемся того, что Советы везде будут работать по одному и тому же плану и провинция скоро сравняется с крупными центрами.

С. РАВИЧ.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной; что если этот класс не хочет потерять только-что завоеванное господство, он должен, во-первых, устранить весь старый, направлявшийся до тех пор против него самого, механизм угнетения, во-вторых—обезопасить себя со стороны своих собственных служащих и уполномоченных — обезопасить тем, чтобы их можно было в любое время и всех без исключения смещать.

Энгельс.

Предисловие к „Гражданской войне во Франции" К. Маркса.

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья!

Что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы ***правильно*** *указываем народу путь и средства для свержения господства буржуазии.*

Ленин.

„Удержат-ли большевики Государственную ***власть?"****.*

ПРОГРАММА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

I.

Два с'езда.

Гражданская война, которая в продолжение двух лет свирепствовала на нашей территории, подходит к концу. Несмотря на помощь, которую русские помещики и капиталисты получали от самых сильных капиталистических держав, она кончается победой рабочего класса. Попытки международного капитала задушить рабочую Россию руками французских, английских, американских и японских солдат окончилась уже весною 1919 года полной неудачей. Движение протеста против вмешательства иностранного капитала в русские дела, охватившее в первую очередь английских рабочих, до этого времени наименее интернационалистически настроенных, остановило главарей союзного капитала. Попытки задушить русскую революцию руками русских крестьян, мобилизованных на английские французские и американские деньги белыми генералами, окончилась разгромом армий Юденича, Деникина и Колчака, ибо контр-революция не в состоянии была вдохновить крестьянские массы, которым победа белогвардейцев угрожала восстановлением прежнего рабства. Русская контр-революция разбита. Быть может, заграничный капитал попробует еще когда нибудь мобилизовать темные силы против Советской России. Советская Россия не выпускает поэтому из рук оружия. Предпринять попытку нового нападения заграничный капитал не может в скором будущем, и русский рабочий класс может поэтому, не выпуская из рук оружия, взяться за дело хозяйственного строительства. Этого дела он не терял из виду с первого дня своей победы в октябре 1917 года. Рассказы заграничной капиталистической печати о том, что русская национализированная промышленность за последние два года ничего не производила, представляют собою нелепое преувеличение. Русская национализированная промышленность одевала двух-миллионную армию, снабжала ее оружием, ибо неправда, будто армия жила наследством, оставшимся после царизма. Но само собою разумеется, что производство во время грандиозной гражданской войны, которая требовала напряжения всех сил, не могло находиться на таком уровне, который бы отвечал потребностям народных масс, оно было производством, продукты которого истреблялись в бою, оно было производством за счет всей страны, и результаты двух лет работы на заводах видны только в том факте, что красная армия победила своих противников, несмотря на то, что на них работала самая развитая промышленность Англии и Америки. В экономическом смысле Россия представляет собою теперь страну, в которой не хватает машин, не хватает транспортных средств, не хватает квалифицированных рабочих, не хватает всего того, без чего невозможно какое-либо социалистическое строительство, без чего не возможно даже прокормить население городов, несмотря на наличность достаточного количества хлеба в России. И поэтому во все время гражданской войны, при всех победах и поражениях, мысль руководящих кругов рабочего класса неустанно работала над вопросом экономического возрождения страны, и только благодаря тому, что среди грохота пушек, среди поражений и побед коммунистическая партия думала об экономическом возрождении страны, стало возможным то, что в декабре месяце прошлого года, как только Деникин был отброшен на юг, как только миновала смертельная опасность, грозившая Советской России, Коммунистическая Партия могла поставить перед рабочим классом во всем об'еме вопросы хозяйственной войны, войны с голодом, холодом и разрухой. Оживленные споры о том, как справиться с экономической разрухой, которые с декабря месяца играли господствующую роль в жизни коммунистических организаций, выковали одну определенную линию экономической политики Советской России и создали одну общую волю к проведению этой политики. С'езд Коммунистической Партии ликвидировал все разногласия, существовавшие в ней по вопросам хозяйственного строительства. Он наметил пути, по которым будет развиваться экономическая политика русского пролетариата в ближайшее время. С'езд профессиональных союзов, который последовал за с'ездом партии, принял намеченную им линию и со своей стороны сделал все выводы, которые вытекали из принятого партией курса для действия массовых рабочих организаций.

Вопросы, которые теоретически решал с'езд Российской Коммунистической Партии, которые практически будет разрешать весь рабочий класс России, представляют громаднейший интерес для всего международного пролетариата. Вся капиталистическая пресса Европы много месяцев кряду пыталась убедить мировой пролетариат, что Советская Россия является на деле Россией без Советов, что управление промышленностью, которое в 1917 году взяли в руки русские рабочие, теперь у них отнято, что Советское правительство, убедившись в том, что рабочие не в состоянии управлять промышлен-

ностью, возвращается к управлению ею посредством буржуазных специалистов, что она отдала фабрики в руки военщины, об'явив их милитаризованными. Это мнимое решение Советской России толкуется далее, — в связи с намечающейся Советской международной политикой, политикой сделки с капиталистическим Западом, — как первый шаг к возврату капитализма вообще. Большевики должны, по рассказам буржуазной прессы, сыграть роль русских младо-турок, цепных собак победоносного англо-американского капитализма. Когда в 1918 году Советская Россия была принуждена заключить мир с германским империализмом, вся печать Антанты писала буквально то же самое, что теперь пишет германская печать по поводу попыток Советской власти заключить мир с союзниками, и так же как тогда, в доказательство нашего разочарования в возможности создания коммунистического строя руками рабочих, буржуазная печать ссылалась на речь Ленина о ближайших задачах Советской власти, произнесенную им в апреле 1918 года, — так же они будут теперь ссылаться на решения с'езда Коммунистической Партии. Международная буржуазия очень заинтересована в том, чтобы рабочие всего мира поверили в мнимый возврат Советской России к капитализму, ибо этим путем она надеется удержать рабочих Европы от борьбы за власть, она надеется убедить их в том, что не стоит брать власть, ибо через несколько времени все равно придется вернуться к разбитому корыту.

Ясное понимание того, что происходит в России, ясное понимание теперешней экономической политики Российской Коммунистической Партии и Советского правительства является, таким образом, одним из самых насущных интересов международного пролетариата. Только понимая истинное значение экономической политики Советского правительства, рабочие-коммунисты в Европе могут понять, идут ли они сами по верному пути, и одновременно с тем они научатся понимать, что этот путь будет путем временным, что пройдя его, рабочим в Европе придется вступить на тот путь, на который вышла уже Советская Россия. То, что буржуазные писаки изображают в глазах рабочих всего мира как измену коммунизму со стороны Советской Власти, в результате анализа окажется не чем иным, как переходом пролетарской власти от фазиса борьбы за власть, за ее удержание, к фазису социалистического строительства...

II.

Борьба за уничтожение капитализма.

В мирную эпоху рабочего движения многие представляли себе переход от капитализма к социализму, как результат постепенного усиления влияния государства на капиталистическое производство и влияния пролетариата на капиталистическое государство. Они представляли себе переход к социализму без глубоких потрясений для аппарата капиталистической власти. В действительности же, социальная революция означает развал, уничтожение государственного и хозяйственного аппарата капитализма. Чтобы взять в руки политическую власть, невозможно так разбить государственный аппарат принуждения, чтобы остался нетронутым хозяйственный аппарат. Это невозможно не только потому, что гражданская война, опустошая целые территории, оставляет после себя не меньше руин и пожарищ, чем обыкновенная война. Это невозможно еще и потому, что вообще невозможна гражданская война без того, чтобы рабочие массы на заводах не пытались уничтожить власть капитала. Рабочие не могут итти на баррикады и одновременно с этим оставаться на заводах покорными рабами, не нарушающими прав капиталистического собственника и прав капиталистической администрации. Процесс социальной революции состоит именно в том, что рабочие массы поставлены в такие условия, в которых они теряют всякое доверие к капиталу, и поэтому посягают на капиталистическую власть в самых основных ее ячейках, на заводах и фабриках. В чем источник революционного движения, которое охватывает теперь рабочих всех стран? В том, что капитализм не в состоянии им обеспечить человеческое существование, которого они добиваются втечение пятидесяти лет, он не в состоянии обеспечить им даже кусок хлеба. Поэтому рабочие массы теряют, наконец, веру в то, что капитализм в состоянии в дальнейшем обеспечить правильный ход производства. Они сначала ведут борьбу только за повышение заработной платы, ведут борьбу за сокращение рабочего дня. Но когда капиталистический организм отвечает на всякое повышение заработной платы повышением цен, когда растет бестоварье, растет транспортная разруха, перед рабочим встает вопрос о контроле над производством. Источником борьбы за контроль над производством является недоверие рабочих к капиталистическому классу, как к организатору производства. Даже там, где заводы останавливаются в силу общих и об'ективных причин, рабочие также видят злостный саботаж капиталиста, и приходят к мысли о необходимости устроить над ними контроль своих выборных. Но даже там, где они не винят капиталиста, как руководителя данной фабрики, где они признают общий развал причиной их бедствий, они все-таки не хотят, сложа руки, умирать с голоду и страдать от холода, и у них растет вера в то, что сами они могут лучше организовать производство, чем класс капиталистов. И по мере того, как растет у них эта вера, они все решительнее начинают созна-

тельную борьбу за захват промышленности. Эта борьба выражается не только в волне стачек, в саботаже на заводах, в попытках устранения фабричной администрации, в стремлении установить контроль над ней при помощи фабрично-заводских комитетов, которые в дальнейшей борьбе стремятся не только к контролю над производством, а к непосредственному управлению им. Эта борьба—сложный процесс, который является неиссякаемым источником политической революционной борьбы за власть в государстве, который является об'ективно процессом развала капиталистического хозяйства и на время разрушает основы экономической жизни страны, усиливает разруху, усиливает бедствия. Но как бы ни были тяжелы последствия этого процесса, избежать его невозможно, так же как невозможно победить в войне, не применяя пушек, пулеметов и винтовок. Русский рабочий класс, оглядываясь теперь на период керенщины, в который был выдвинут лозунг контроля над промышленностью, лозунг фабрично-заводских комитетов, может проверить закономерность этого процесса на развитии движения рабочего класса в Европе и Америке после окончания войны. То что переживает германская, английская, американская промышленность отличается только степенью от того, что переживала русская промышленность в 1917 году.

Основным элементом в процессе разложения капиталистического хозяйства является недоверие рабочего класса к капиталистическому классу, как к организатору. Но так как рабочий класс сам не имеет подготовленных организаторов, которые могли бы встать на смену капиталистических организаторов, то он вынужден в этот период выдвинуть лозунг осуществления контроля и управления выборными рабочими коллегиями. В начале революционной эпохи—он выдвигает реформистский лозунг демократии на фабрике, контроль производства, осуществляемый рабочим представительством. В этом фазисе находится теперь рабочий класс за пределами России.

Этот фазис продолжается и после захвата власти в государстве, он даже усиливается после захвата власти, ибо до захвата власти, до политической победы над капиталом рабочие могут устроить контроль над производством только в центрах, там где они наиболее сильны; в других же частях государства капиталисты не допускают их до этого. Теперь под защиту Советской власти становится каждый, даже наиболее угнетенный и слабый, слой рабочего класса, и рабочие этого слоя, которые, быть может, в период борьбы за рабочую власть не смели даже подумать о захвате власти на фабрике, теперь, чувствуя за собой силу, сознавая, что и они — часть завладевшего властью класса, поднимаются тоже. Везде рабочие создают фабрично-заводские комитеты, и затем пытаются перейти от контроля над фабриками к управлению ими, они стараются извлечь наибольшую пользу из устранения капиталистов от власти, пользу для себя как групп и даже как отдельных единиц. Поэтому первый период после захвата власти является периодом усиления хозяйственного распада. Формально и в этот период в умах рабочего класса царит идея коллегиального управления промышленностью через выборных представителей от каждого завода в отдельности. Это впечение короткого времени приводит к очень тяжелым последствиям. Каждая группа рабочего класса, завладев заводом за свой собственный риск и страх, организуя свое производство без всякой связи с другими, руководится только своими групповыми интересами. Она продает имеющиеся на складе изделия тому, кто за них больше платит, она производит — если вообще производит — не то, что нужно для общества, а то, что она надеется выгодно продать. Не нужно обладать особенно глубоким умом для того, чтобы понять, что это не социализм. Трудность заключается не в том, чтобы понять, что черный передел промышленности или ее продуктов между рабочими не имеет ничего общего с социализмом, а в том, чтобы понять неизбежность этого явления, как переходного явления революции. Как можно было бороться с этим явлением? На первом с'езде профессиональных союзов в январе 1918 года Зиновьев выдвинул лозунг управления промышленностью профессиональными союзами. Само собою понятно, что такому знатоку тенденций профессионального движения в Европе, как Григорий Зиновьев, не безызвестны были споры марксистов с синдикалистами, в которых марксисты доказывали синдикалистам, что передача разных отраслей производства в руки разрозненных профессиональных союзов означает организацию конкуренции, при которой рабочие, организованные в профессиональные союзы, будут играть ту же роль, что раньше играли группы капиталистов, организованных в тресты; передача же промышленности в руки об'единенных профессиональных союзов, союзов вообще означает создание очень опасного типа организации, ибо вызывает борьбу за власть, за выгоды между различными категориями рабочего класса и противопоставляет их в целом крестьянскому населению. Но в момент полной анархии, которую оставил после себя капитализм, в момент полного разгула групповых и личных интересов рабочих, которые, выйдя из периода капиталистического гнета, вполне естественно хотят немедленно же почувствовать улучшение своего положения, попытка отдать на некоторое время производство в руки профессиональных союзов означает попытку ввести вместо полной анархии известную организованность, на место мелких разрозненных групповых интересов поставить интересы больших единиц пролетариата, интересы которых легче согласовать между собой и контролировать. Надо быть

совершенно тупоумным человеком, чтобы видеть в этом синдикализм.

В период, последовавший за захватом власти, русские коммунисты создавали управление промышленностью из представителей профессиональных союзов, которым подчиняли руководителей промышленности, состоявших на службе у капитала,—инженеров и техников. Для согласования же работы разных отраслей промышленности, для создания общего плана хозяйства, для налажения обмена полуфабрикатами между разными отраслями промышленности, для установления товарообмена между городом и деревней, стали создаваться Советы Народного Хозяйства, которые по отношению к управлениям фабрик и заводов, находящихся под влиянием и давлением рабочих масс, должны были играть роль государственных органов, представляющих интересы целого. Советы Народного Хозяйства составлялись из представителей профессиональных союзов и из представителей Советов Рабочих Депутатов, как органов рабочего класса. Они включали в себя специалистов, они старались для каждой отрасли промышленности выработать общий план, новый тип управления, и создать хозяйственные центры, снабжающие эту промышленность сырьем и топливом, а также распределяющие ее продукты. И Советы Народного Хозяйства и заводские управления были составлены коллегиально. Коллегиальность эта — вполне законная в органах, разрабатывающих план, в органах, которые должны охватить в целом все народное хозяйство Советской Республики, или народное хозяйство одной территориальной области, или же, наконец, хозяйство одной отрасли промышленности,—являлась на отдельных фабриках результатом временной необходимости. Она была необходима во-первых потому, что у рабочего класса не было в достаточном числе ни собственных хозяйственных организаторов из рабочих коммунистов, ни инженеров и техников, к которым он мог бы иметь доверие. Интеллигенция, ожидая скорого падения рабочей власти, саботировала всю хозяйственную жизнь, и поэтому рабочие видели, что если они хотят сломить саботаж буржуазии, то им самим надо браться за дело. Но коллегиальность на фабриках и заводах означала вместе с тем, что не имея опытных организаторов, рабочие передавали управление неопытным, чтобы эти последние учились управлению хозяйством. Коллегиальность вовсе не означала, что лучше, если тройка или пятерка управляет фабрикой, чем если управляет ею один человек. Коллегиальность не являлась результатом какого-либо коммунистического принципа, она являлась результатом того простого факта, что рабочие, зная, что самые лучшие их выборные не в состоянии в одиночку справиться с делом, доверяли это управление одновременно нескольким лицам, которые должны были друг друга дополнять. Этот период, последовавший за захватом власти, был бы изжит раньше, если бы гражданская война не отодвинула на задний план вопросов хозяйственной политики. И Троцкий в речи своей в марте 1918 года о трудовой дисциплине, и Ленин в речи своей об очередных задачах Советской власти уже намечают необходимость энергичного ответственного управления и высказываются против коллегиальности, как принципа. Но будучи вынуждена при гражданской войне вести хозяйство, так сказать, в походном порядке, Советская власть не могла выдвинуть общего хозяйственного плана, ибо военные действия ежедневно изменяли ее границы; не могла она также, основываясь на опыте коллегиального управления промышленностью, систематически перейти к единоличному управлению, потребность в котором ощущалась с каждым днем все сильнее. Но вопрос о хозяйственном плане и вопрос о методах управления выдвигаются на первое место, когда гражданская война приходит к концу и является возможность приняться за экономическое строительство, подходя к нему планомерно и систематически.

III.

Организация труда.

Советская республика в постановке своего хозяйственного плана должна исходить из того факта, что растущий экономический развал в Европе с каждым днем уменьшает шансы на получение достаточного количества машин, необходимых для воссоздания хозяйства России. Советское правительство сделает, конечно, все возможное для того, чтобы получить все технические средства, которые может дать ему умирающий капиталистический мир, но оно должно считаться с тем, что в главном, в основном ей придется все создавать своими собственными силами. От этой необходимости не избавит ее мировая революция, ибо мировая революция уничтожит в свой первый период значительное количество средств производства капиталистического мира, она усилит в первое время экономический развал в Европе и она сможет в техническом отношении дать русской революции сначала только квалифицированную силу европейских рабочих. Каким же образом Советская Россия будет создавать необходимые ей средства производства?

Советская Россия испытывает громадный недостаток в машинах, ей придется заменить силу машин живой силой обученных промышленных рабочих и крестьянства. Здесь мы хриходим к вопросу о так называемой милитаризации труда, о которой столько кричат европейские капиталистические газеты. Квалифицированные рабочие в России — а в них всегда был недостаток — в значительной части своей разбежались по деревням в поисках хлеба. Если Советская Россия хочет выйти из экономического развала, то ее первой задачей должно

быть собирание этих рассеянных сил обученного пролетариата. Если социалистическое общество имеет право бросать на поля сражения сотни тысяч пролетариев, чтобы они проливали кровь за общее дело освобождения рабочего класса, то само собой понятно, что оно имеет такое же право сказать квалифицированным рабочим, которые бежали в деревню: «никто не удивляется, что вы бежали от голода в деревню, но все умрут от голода и развала, если вы не вернетесь в город. Только усилив ремонт паровозов, только начиная производить транспортные средства и средства самого производства, мы спасем русский рабочий класс от голодной смерти. Так же, как вы обязаны сражаться за Советскую Россию с оружием в руках, так же вы обязаны помочь в борьбе с голодом Советской власти, которая является вашей рабочей властью». Квалифицированных рабочих в России немного. Даже если собрать все рассеянные элементы пролетариата, этих рабочих все-таки будет недостаточно для того, чтобы убрать все обломки развалин капиталистического здания, чтобы расчистить место для нового строительства, не говоря уже о рабочей силе, необходимой для нового строительства. Очистка городов, ремонт их,—без чего невозможно улучшение гигиенических условий, без чего, в свою очередь, невозможно ставить на работу сотни тысяч рабочих,—рубка леса для заготовки топлива, необходимого фабрикам и заводам, добыча сланцев для той же самой цели — все это требует применения громадного запаса физической силы, которую придется взять у русского крестьянства. Рабоче-крестьянское правительство, беря эту силу у крестьянина, делает дело не только социалистического строительства, но и просто культурное дело. Если не воссоздать промышленности и не возродить города при помощи сил крестьянства, то деревня, освободившаяся, благодаря рабочей революции, из-под ига пережитков феодализма, снова попадет в условия жизни предшествовавшие феодализму, который все-таки был организацией труда в большом масштабе. Без воссоздания городской промышленности, деревня очутится без спичек, табаку, соли, керосина, без плугов и серпов, т. е. очутится на уровне жизни дикарей. Работа над воссозданием России, как экономического целого, работа, проводимая твердой рукой рабочей диктатуры, представляет жизненный интерес для самих крестьянских масс.

Вопрос, как использовать крестьянскую силу для экономического возрождения России, встал перед Советской Россией в момент разгрома Деникина и Колчака. Неустойчивость международного положения и то обстоятельство, что Советская Россия не имеет еще прочного мира с капиталистическими государствами Запада, этими главными организаторами контр-революции в России,— не позволяли нам произвести демобилизацию армии. Но у армии этой не было непосредственных боевых задач, и поэтому она являлась чисто паразитическим элементом: ела даром хлеб обнищавшей страны. И вот возникла мысль о переходе армии от боевой работы на трудовую, возникла мысль о трудармиях, которые большими единицами взялись бы за черную работу очистки города, расчистки железнодорожных путей, добывания топлива и тому подобные работы, не требующие специальных навыков и знаний. Уже созданные трудармии имеют за собой только короткое время практического опыта, на основании которого пока еще трудно судить, насколько идея трудармий окажется жизненной в своей первоначальной форме. Но одно не подлежит сомнению—армия вообще построена не для производственных задач, ее единицы—боевые единицы, не дифференцированные по экономическому принципу, ее штабы не приспособлены для руководства такой работой. Возможно, что придется реорганизовать военные единицы, выделив из них квалифицированные рабочие элементы для квалифицированного труда, а крестьянские массы употреблять отдельно, для черной работы. Во всяком случае, будет ли для выполнения экономических задач применен уже существующий военный аппарат или для этого будет создан новый аппарат, крестьянский труд будет использован для работы по воссозданию экономической жизни страны. Все крики об аракчеевщине, о возвращении к крепостному праву являются лицемерием в устах тех, кто не протестовал, когда царизм и капитализм вели миллионы крестьян на убой за интересы кучки банкиров, бюрократов и генералов. Эти крики свидетельствуют о полном тупоумии, когда исходят из уст тех, кто не понимает, что социальное значение акта принуждения, каким является использование крестьянской массы для хозяйственно-государственных задач, всецело зависит от того, к т о стоит у власти и д л я ч е г о эти массы привлекаются. Привлечение миллионов к работам по созданию железных дорог, к борьбе с тифом и с холерой, к подготовительным работам по возрождению промышленной жизни, это—служение крестьянскому делу, а не использование крестьянства для чуждых ему задач.

Как же будет производиться мобилизация квалифицированных рабочих сил и их распределение? Само собой понятно, что это невозможно без максимума напряжения а г и т а т о р с к о й работы, которая должна дать рабочим массам понимание необходимости дела, к которому они будут призваны. Но слово имеет в десять раз более веса, если за ним стоит твердая воля провести его в жизнь во что бы то ни стало. Поэтому то и создается аппарат принуждения, который вводит в рамки сознательные массы, организует их и подтягивает отсталые и усталые массы. Задача собирания квалифицированных рабочих сил, задача распределения их в соответствии с потребностями производства — исполнима только при сочетании

громадной агитаторско-пропагандистской работы с созданием крепкого аппарата, охватывающего массы, и с передачей в распоряжение этого аппарата государственных органов принуждения. Такими органами, охватывающими миллионные массы, органами, которым будет поручена мобилизация рабочей силы и ее распределение, являются Производственные союзы. Возникнув, в форме профессиональных союзов в эпоху капитализма, они имели своей задачей борьбу за улучшение положения рабочего класса. В России они возникли во время революции 1905 года. Задушенные в период контр-революции, союзы подняли голову снова в период февральской революции и сейчас же перед ними встала новая задача, которая до этого времени не входила в их программу: им пришлось начать борьбу за контроль над производством. После захвата власти рабочим классом, совершившегося при деятельном участии союзов, они взяли на себя организацию контроля над производством, а затем и организацию управления производством. Они, таким образом, перешли от борьбы за улучшение положения рабочего класса в рамках капитализма к делу организации социалистического производства и из профессиональных сделались производственными. Производственные союзы насчитывают в рядах своих миллионы рабочих, фактически же приходится признать, что за 2 года революции они не были в состоянии связать дело производства с организованными массами. Гражданская война принудила их бросать лучшие силы на фронт, ибо ясно было, что дело Советской России есть их дело, что невозможно строить профессиональное движение в такой момент, когда надо защищать самое существование того строя, на почве которого развиваются наши производственные союзы. Обескровление союзов позволяло в период гражданской войны устанавливать их связь с организацией производства только путем привлечения к этой организации верхушек движения. Представители производственных союзов входили в состав Советов Народного Хозяйства, в состав заводских управлений. Они совещались по вопросам производства с правлениями своих союзов, но рабочие массы оставались в стороне от всего этого. Ставя на первый план вопросы хозяйственного возрождения России, Коммунистическая Партия прежде всего выдвигает необходимость усиления производственных союзов, необходимость создания фактической связи между рабочими массами и делом управления производством. Коммунистическая Партия может вести только общую агитацию за поднятие трудовой дисциплины, за поднятие производительности труда. Производственные же союзы на каждой фабрике и в каждой отрасли промышленности имеют задачей проводить конкретные производственные кампании, выяснять массам нужды данной отрасли производства и получать от масс инициативу для поднятия производства. Они должны совместно с Комиссариатом Просвещения строить сеть технических производственных школ, в которых наиболее способные рабочие должны обучаться административному и техническому делу. Они должны выдвигать опытных рабочих на посты в управлении промышленностью, они должны, наконец, взять на себя мобилизацию трудящихся и распределение их. От самой низшей ячейки производственного союза, от фабрично-заводского комитета, через заводоуправления отдельных предприятий, через главки, охватывающие целые отрасли промышленности, через местные и губернские Советы Народного Хозяйства, вплоть до Высшего Совета Народного Хозяйства, — производственные союзы являются, таким образом, не только участниками управления производством, но они служат организаторской базой, из которой все руководство производством и его управление почерпает свои силы. Они являются инструментом, при помощи которого рабочая власть, представляющая интересы трудящихся всей страны, проводит свою экономическую политику. Роль производственных союзов в организме Советской России отличается от той роли, какую им приписывали синдикалисты. Производственные союзы, как таковые, не руководят производством ни в отдельных производствах, ни в общем. Руководство производством сосредоточено в органах, об'единяющих лучшие силы производственных союзов с научными силами, оставленными нам капитализмом, и с представителями рабочей власти; производственные же союзы являются главной массовой организацией пролетариата, базой пролетарской диктатуры; они являются фактически главным источником рабочей власти; они являются, далее, как массовая организация пролетариата, главной силой производства. Черпая силы из этой своей роли, они, не будучи формальными руководителями промышленности, на деле в состоянии оказывать решающее влияние на весь ход ее. Но именно благодаря тому, что они не руководят промышленностью изолированно, стоя на узкой профессиональной точке зрения, — непосредственно, как организации особых групп рабочего класса, а участвуют в общегосударственных органах; именно благодаря тому, что им приходится, когда дело идет о принуждении, обращаться к аппарату государственной власти, что они сплетены с этим аппаратом, — они в процессе усиления производства должны будут изжить последние остатки профессиональной узости, мелких групповых интересов и сделаться органами, фактически выражающими классовые интересы всего пролетариата и понимающими общие задачи диктатуры пролетариата в крестьянской стране.

Указание на эту роль производственных союзов является лучшим ответом на крик о милитаризации и на крики о возврате к бюрократическому управлению производством. В

России невозможна милитаризация в том смысле, в каком вводило ее империалистическое государство во время войны на Западе. Там милитаризация состояла в том, что государство, выражающее интересы буржуазных палачей, принуждало рабочих отказаться от всех свобод, которые они завоевали себе для борьбы с капиталом в мирное время, она состояла в принуждении их работать с наивысшим напряжением, под угрозой отправки на фронт для того, чтобы доставить своей буржуазии возможность грабить чужие народы. В Советской России у власти стоит рабочий класс. Красная армия является органом рабочего класса, а не враждебного, эксплуатирующего класса. Организация производства, усиление напряженности труда и дисциплина служат не интересам кучки банкиров, а спасению рабочего класса от голодной смерти. Если коммунистическая пресса и вожди коммунистов в России употребляют военные термины для обозначения этих мер усиления дисциплины и поднятия производительности труда, то они делают это для того, чтобы уяснить рабочим массам, что тиф, холера и голод не менее опасны, чем пушки Деникина и Колчака. Соглашательская и капиталистическая пресса в Европе сознательно лжет, когда, хватаясь за эти словечки, пытается уверить европейских рабочих, что Советское правительство намерено ввести в России режим, который господствовал на заводах Германии, Франции и Англии во время войны. Наша «милитаризация» означает не уничтожение свободы рабочих союзов, а, наоборот, направление всех сил Коммунистической Партии и Советского правительства на то, чтобы усилить производственные союзы. Она предполагает живейшее обсуждение всех производственных вопросов рабочими массами. Капиталистическая милитаризация требовала от рабочих масс, чтобы они на время войны сделались безмолвными придатком к машине. Так называемая милитаризация в Советской России требует от рабочих масс, чтобы они стали сознательными строителями коммунистического производства, и если производственным союзам и Советской власти придется прибегать к принуждению по отношению к деморализованным слоям рабочего класса, к мешочникам, к спекулянтам, то это будет лишь подтягивание рабочих рабочими же организациями во имя рабочих же интересов.

Не менее нелепы крики о том, будто Советская Россия возвращается к бюрократическому управлению, выдвигая лозунг перехода от коллегиальности к единоличию. Что коллегиальность не имеет ничего органически общего с коммунизмом,— это яснее всего доказывает тот факт, что она применяется очень часто и капиталистами, акционерными обществами и трестами на их заводах. Единоличие носило бы характер бюрократического управления в том случае, если бы органы хозяйственной политики, которые будут назначать руководителей промышленности, были оторваны от рабочего класса, если бы рабочие организации были отстранены от участия в органах, определяющих экономическую политику, если бы рабочие массы не принимали участия в решении производственных вопросов. В рабочем государстве, где власть является представительницей рабочего класса, где хозяйственные органы созданы рабочей властью из представителей рабочих организаций, которые могут быть отозваны своими избирателями в любой момент, где эти хозяйственные органы под контролем рабочего государства коллегиально намечают хозяйственную политику, где рабочая власть всеми силами стремится втянуть всю рабочую массу в работу по разрешению производственных задач, зная, что она без них бессильна,—там от числа людей, управляющих тем или иным заводом, не зависит ни общее направление управления, ни его характер. Социальный смысл типа управления определяется всей обстановкой, общим курсом государственной политики. Причин того, что Коммунистическая Партия берет курс на это единоличие, две: одна общая, которая, по всей вероятности, будет повторяться во всех революциях — и одна конкретная, специально русская. Коллегиальное управление означает, вообще говоря, коллективную безответственность, ибо оно уничтожает у каждого отдельного члена коллегии то чувство ответственности, которое есть у человека, когда он знает, что именно он, а не кто другой, ответствен за дело; специально же русская причина курса на единоличие заключается в том, что слой рабочих, которые могут принимать участие в управлении производством, в России очень тонок, и что группировка их в коллегии была бы неслыханной растратой сил. Стремление к единоличию обусловливается стремлением к самому широкому, наиболее целесообразному использованию рабочих-администраторов. Само собою понятно, что это не удастся сразу, что придется еще долгое время там, где будет недостаток в технически образованных рабочих, соединять опытного рабочего-администратора с буржуазным техником, что необходимо будет к хорошему буржуазному технику приставлять рабочего комиссара или же оставлять спевшиеся между собой маленькие рабочие коллегии. Все дело только в том, чтобы наметить курс, наметить направление, покончить с идеологией коллегиальности, как типа управления, который, правда, необходим в период борьбы за власть, но является помехой в период хозяйственного строительства. С возвратом к капитализму этот курс не имеет ничего общего, наоборот, он тесно связан с началом социалистического строительства, он связан с мобилизацией рабочей массы во имя ее производственных задач, он связан с развертыванием диктатуры пролетариата, с усилением непосредственного участия пролетариата в экономическом управлении страной.

Пролетарская революция, порожденная величайшим развалом капитализма, по необходимости усиливает этот развал и, таким образом, увеличивает в первый период народные бедствия. Русский рабочий класс прошел через целый ад мучений, взяв в свои руки власть в стране с малоразвитым капитализмом, в стране технически нищей и получив нищенское наследство от капитализма. Он был брошен в двухлетнюю вооруженную борьбу, в которой не только собственная буржуазия, но буржуазия всего мира пыталась задушить первое рабочее государство. Результатом всего этого оказалось чудовищное разорение страны, и народные бедствия приняли чудовищные размеры. Победа Советской России, тот факт, что она устояла, что она продолжает жить и развиваться, чрезвычайно облегчит рабочим других стран их переходный период, ибо существование Советской России, как громадного источника военной и экономической силы, будет удерживать капиталистические страны от непосредственного военного покушения на новые рабочие государства. Но периода гражданской войны не избегнет рабочий класс нигде, и поэтому он не избегнет и разорения и бедствий. Социалистическое строительство представляет собою длинный период, при котором в продолжение многих лет уровень жизни рабочих масс будет не выше, а ниже уровня жизни рабочей массы в капиталистических странах. Троцкий был совершенно прав, когда на с'езде Коммунистической Партии, говоря о хозяйственном плане, выдвигал следующие этапы: ремонт транспортных средств и их производство, производство средств производства вообще, производство средств массового потребления. Он указывал, что таким образом очень медленно будет повышаться уровень жизни масс, лишь постепенно они будут чувствовать улучшение своего положения. Коммунистическая политика, являясь политикой масс, политикой, которая в состоянии победить только благодаря сознательности масс, не скрывает ничего от масс, не обещает земного рая, но указывает им только на то, что весь мир, брошенный капитализмом в бездну войны, докатится до полного варварства, если пролетариат, несмотря на голод и холод, не сумеет воспитать в себе волю к труду, создать организацию труда и ввести трудовую дисциплину. Тюремные надсмотрщики европейского пролетариата, господа капиталисты всех стран, будут, конечно, агитировать, стараясь по своему использовать наши коммунистические речи о дисциплине и о труде. Они будут пугать рабочих картинами, изображающими русского рабочего, погоняемого советскими баштогами на работу. Господин Ллойд Джордж прочитал в английском парламенте воззвание Московского Совета, в котором говорится: «мы победили Деникина и Колчака, но нам угрожает холод и его надо победить теми же самыми средствами, которыми мы победили на полях сражения. Надо организовать батальоны из граждан для рубки леса». Прочитав это воззвание, английский премьер-министр патетически воскликнул: «какой из английских рабочих позволит государственной власти гнать себя на рубку леса?»—Но английские рабочие, которых английский капитализм гонит в шахты на работу для Нортумберлендского герцога, заставляя их жить в грязных, нетопленых избенках, великолепно поняли разницу между тем положением, которое существует в капиталистических странах, где под лозунгом свободы труда капитал бичем голода принуждал до этого времени своих рабов работать на собственников средств производства, где со времени войны он ввел неприкрытое рабство на милитаризованных фабриках в интересах маленькой кучки владельцев,—и Советской Россией: курс на мобилизацию рабочей силы, на распределение ее по хозяйственному плану, курс на усиление трудовой дисциплины, на усиление производительности труда, который она взяла, этот курс представляет собою не что иное, как осуществление лозунга, который социализм выдвинул с первых дней своего существования в противовес лживому капиталистическому лозунгу «свободы труда»; этот лозунг—организация труда. Социалистическая мысль еще со дней Томаса Мора, со дней Уистенлея через Гракха Бабефа, через великих утопистов развивалась непрерывно к проблеме организации труда. Социализм выдвигал идею общества без классов, выдвигал одновременно идею организации труда равных людей. В капиталистическом обществе организация труда создавалась путем стихийного процесса, путем борьбы. Собственники средств производства не знали, сколько им производить, не знали, каковы потребности общества и каким из этих потребностей отвечает достаточная покупательная сила. Капиталистическое общество самых цивилизованных стран и сейчас еще не дошло до точной статистики производства и потребления. Будучи основано на конкуренции собственников средств производства, опираясь на нужду народных масс, оно могло не обращать внимания на то, что его механизм автоматической организации труда означает голод в одних частях мира, тогда как в других существует изобилие, безработицу в одной части хозяйства, в то время как в другой существует недостаток рабочих рук. Социализм, родившийся из мук рабочего класса, родившийся в страданиях духа лучших сынов человечества, видевших как стихийная организация труда в капиталистическом обществе, путем так называемой свободы труда, коверкает жизнь сотен тысяч людей,—этот социализм должен был провозгласить, как первый свой боевой клич, организацию труда. Рожденный в эпоху

неразвитого капитализма, на сто лет опередив начало пролетарской революции, социализм не мог, конечно, выработать никакого конкретного плана, он должен был запутаться в дебрях утопий. В тот период, когда на исторической сцене появились не только страдающие, но и борющиеся народные массы, социализм перестал заниматься вопросами организации труда в социалистическом обществе, ибо ему приходилось сосредоточивать все свое внимание на вопросах организации трудящихся для борьбы с капитализмом.

План организации труда, который выдвигается Российской Коммунистической Партией, не является результатом абстрактных исследований,—его породила сама жизнь. Для того, чтобы расчистить почву от развалин и пожарищ, для того, чтобы снова заструилась кровь в артериях общественного организма, чтобы двинулись паровозы, чтобы заработал телеграф и телефон, для того, чтобы завертелись колеса, для того, чтобы город начал обслуживать своими изделиями деревню и получать взамен своих изделий хлеб, — для этого нужна наибольшая экономия сил, наиболее точный учет потребности в продуктах, нужна безусловная дисциплина, нужна там, где недостаточно крепки внутренние устои, сила государственного принуждения, находящаяся в руках самых сознательных передовых отрядов рабочего класса.

Чтобы принудить рабочих, вышедших из среды пролетаризованных ремесленников и обезземеленных крестьян, к труду на капиталиста,—капитализм создал целую систему мероприятий, начиная с пуританского прославления труда, кончая жестоким мальтузианским заявлением: «пусть слабые, непригодные вымирают»; начиная с вырезывания ноздрей, отрезывания ушей, клеймения раскаленным железом безработных бродяг, и кончая устройством работных домов, которые были домами пытки и смерти. Рабочий класс, выражающий интересы громадного большинства человечества, не нуждается в таких мерах. Он сумеет пробудить лучшие чувства в душе даже самых отсталых пролетариев, он сумеет пробудить в них сознание собственных интересов, которые совпадают с интересами коммунистического общества. Но и он не может отказываться от ускорения темпа перехода к труду при помощи принуждения, которое должно ввести труд отдельных лиц в русло общего братского труда, организовав труд каждого для всех и всех для каждого. И все, что говорят капиталисты и их агенты против организации труда, за которую теперь борется русский пролетариат, все, что они кричат о казарме и принуждении, все это доказывает только одно, — что они хотят использовать последнюю буржуазную иллюзию, последний буржуазный обман, иллюзию свободы труда, для того, чтобы этот труд сделать подневольным, рабским трудом порабощенных капиталом рабочих.

Когда международный капитал отстаивал лозунг свободы труда против нашего лозунга организации труда, это была еще иллюзия. Он искренно верил в то, что на место крепостного права он ставит свободу труда, хотя эта свобода на деле была лишь свободой голода. Но теперь, когда он говорит о свободе труда, он заведомо лжет, ибо, если бы ему удалось разбить рабочую международную революцию, то он принужден был бы отменить всякую свободу труда и ввести жестокую военную организацию труда в интересах капитала.

Экономическая разруха, недостаток товаров, истощение производственных сил, недостаток сырья,—это все потребовало бы после победы капитала такой железной его организации в тресты, что рабочий не имел бы никакого выбора, что он не мог бы даже выбирать эксплуататора, на которого он хочет работать. Рабочих в буквальном смысле слова распределяли бы так же, как сырье и машины. Борьба идет не между капиталистической свободой труда и коммунистической его организацией, а между полным рабством рабочего класса, подчиненного капиталу, подневольным рабочим трудом для капитала — с одной стороны и самоорганизацией рабочего класса в коммунистическом обществе — с другой. Так поняли создавшееся положение передовые отряды русского пролетариата на с'ездах коммунистической партии и производственных союзов. Не подлежит сомнению, что вопреки всем клеветническим нападкам международной буржуазии, русские пролетарии и в этом окажутся такими же передовыми борцами международной революции, какими они были тогда, когда брали власть в октябре 1917 года или когда создавали красную армию в марте 1918 года.

Карл РАДЕК.

Корреспонденции коммунистического интернационала

ПИСЬМО ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ.

Для того, чтобы обрисовать настоящее положение дел в чехо-словацкой республике, необходимо вкратце остановиться на ходе событий за все время с 28 октября 1918 г.

28 октября 1918 г., когда в Праге было получено известие о капитуляции Австрии, была провозглашена самостоятельность исторических богемских земель (Богемии, Моравии, Силезии) и Словакии, и назначено было временное правительство под названием «Национальный Комитет» с М. Крамаржем во главе. Состав этого Национального Комитета был впоследствии, по соглашению со всеми партиями, расширен и он был об'явлен первым постоянным правительством. Это правительство было коалиционным: в нем принимали участие все чешские и словацкие партии, не исключая даже анархистов. Переворот произошел без всякого кровопролития, ибо приказ о применении репрессивных мер, данный по телефону из Вены, был отменен раньше, чем могла быть речь об его исполнении, и венгерские полки, при содействии которых австрийское правительство намеревалось подавить революционную вспышку в Богемии, сами согласились оставить Прагу и отправиться на родину. Правда, немцы отказались признать новую республику и образовали собственное правительство, предполагая включить немецкую область Богемии, Моравии и Силезии, которую они назвали «Судетской страной» (Sudetenland), в состав Германии или Немецкой Австрии; это правительство просуществовало, впрочем, весьма недолго, потому что немецкие города очень скоро поняли всю безнадежность затеянного предприятия и без боя сдались чешским войскам, дело ограничилось лишь незначительными столкновениями в некоторых отдельных местностях. Словакия также была занята почти без всякой борьбы. Граница ее с Венгрией некоторое время оставалась неопределенной и в конце концов была установлена таким образом, что, кроме словаков, в состав Словакии вошло $^3/_4$ миллиона мадьяр. К новой республике присоединились, кроме того, и прикарпатские русины.

Чехо-словацкая республика в том виде, какой она теперь приняла и как она впоследствии была признана по парижскому миру, вовсе не представляет собой однородного национального целого: это—бывшая Австрия в уменьшенном масштабе, ибо среди ее населения, насчитывающего около 14 миллионов, имеется больше двух миллионов немцев, полмиллиона поляков и $^3/_4$ миллиона мадьяр, не считая прикарпатских русин, которым дана своя собственная конституция.

Кроме 28 октября, следует также упомянуть день 14 октября. К этому дню подготовлялся социалистический переворот, предполагалось об'явить всеобщую забастовку и усиленно распространялась агитационная литература. Но 14 октября мадьярские и немецкие полки вышли на улицы чешских городов, расположились здесь лагерем, и день прошел спокойно. Будучи плохо организованной, попытка восстания не удалась. И все же эта попытка не прошла бесследно: преувеличенные сообщения о ней дошли до фронта и в значительной степени содействовали дальнейшему разложению армии.

Во время войны среди чехо-словаков было очень немного людей, сочувственно относившихся к Австрии; успеха Австрии желали, прежде всего, крупные промышленники и капиталисты, надеявшиеся, что победа центральных держав упрочит их влияние и даст им новые выгоды, затем—католическое духовенство, видевшее в династии свою главнейшую, если не единственную, опору. Часть социал-демократических вождей также поддерживала национально-австрийскую политику. Но политика эта не пользовалась популярностью в широких пролетарских массах, антиавстрийское настроение которых об'яснялось почти исключительно ненавистью к монархии и династии, а не сознательным стремлением к национальной автономии. Вопреки доводам части партийных вождей, убежденных в том, что Австрия будет существовать и после войны, и доказывавших поэтому, что с ее дальнейшим существованием необходимо считаться, массы инстинктивно чувствовали, что австрийское государство обречено на смерть и что пролетариату придется строить свое будущее на развалинах Австро-Венгрии. Сообразно с этим массы и действовали.

По словам чехо-словацкого министра национальной обороны, национал-социалиста Клофача, 70% легионеров были социалисты. Вообще, ошибочно было бы думать, что чешские и словацкие рабочие поступали в легионы под влиянием исключительно националистических чувств,—значительная часть их, напротив того, отлично понимала, что военное поражение их собственного государства будет в величайшей степени способствовать усилению социализма. Рабочие знали мнение Карла Маркса об Австрии и уже в то время—по крайней мере в Америке и Франции—мечтали о превращении побежденной Срединной Монархии в социалистическую республику. Что союз с собственной буржуазией и присоединение к иноземному империализму повлекут за собой столь роковые последствия, как борьба легионеров против русской пролетарской революции — об этом тогда, в пылу борьбы против контр-революционной Австрии, никто не думал, да и вообще тогда никто не занимался теоретически-беспристрастным рассмотрением такого рода вопросов.

С дальнейшим развитием войны, по мере того как шансы на победу центральных держав становились

все незначительнее, все больше и больше редели ряды политиков-австрофилов, и в конце концов под их знаменем остался только один д-р Богумир Шмераль с небольшой кучкой приверженцев. Доктор Шмераль стал мишенью самых яростных нападок со стороны буржуазной прессы; нападки эти все усиливались с расширением свободы печати и после переворота 28 октября достигли невероятной ожесточенности, приняв характер личных угроз. Д-р Шмераль пытался защищать свою австрофильскую политику на последнем партийном с'езде, об'ясняя ее оппортунистическими соображениями: он говорил, что путем этой политики он в период репрессий хотел спасти от преследования рабочий класс и рабочую прессу, избежать разгрома организаций и конфискации партийных средств, для того, чтобы потом, после окончания войны, можно было беспрепятственно продолжать партийную работу. Он говорил, что, по его мнению, необходимо было сохранить в Богемии хоть одну австрийскую группу, с которой монархия в случае дальнейшего ее существования могла бы вступить в переговоры.

На противоположном крыле социал-демократической партии находилась другая группа, враждебно настроенная к Австрии и имевшая национальную окраску; во главе этой группы стояли Модрачек и теперешний министр народного просвещения Габерман; эта группа поддерживала заграничную агитацию профессора Масарика. Между этими двумя направлениями велась ожесточенная борьба, которая еще более обострилась, когда в Богемии получились первые известия о большевистской революции в России. Противники Шмераля совершенно не поняли значения русской октябрьской революции и прежде всего решили, что она будет способствовать усилению центральных держав и, следовательно, угрожает чехо-словацкой независимости. Шмераль раньше всех других понял мировое значение русской пролетарской революции и, несмотря на тучи самых нелепых сообщений о ней, уверовал в возможность ее победы. Теперь к нему примкнуло также значительное большинство чешских рабочих, симпатии которых (симпатии, пожалуй, более личного, чем политического характера) склонялись на сторону Шмераля еще во время нападок на него буржуазной прессы. Завязалась серьезная борьба.

В ноябре 1918 года, всего через несколько недель после провозглашения национальной свободы, прибыли в Богемию первые товарищи из Советской России с Муной во главе. Они внесли луч света в хаос лживых сплетен о положении дел в Советской Республике. Они сообщили также первые достоверные сведения об истинных мотивах выступления чехо-словацких легионов против Советского правительства и о той роли, которую сыграл в этом деле Национальный Совет с профессором Масариком. До того легионеров считали героями, и авторитет президента стоял на недосягаемой высоте. Можно без преувеличения сказать, что приезд Муны открыл новую эру в истории чехо-словацкого социалистического движения, ибо только после этого приезда началась вполне определенная, сознательная группировка различных политических направлений. Крупная буржуазия тотчас же поняла угрожающую ей опасность. К ней присоединилась и мелкая буржуазия, питавшая наивные надежды на то, что вскоре после окончания войны снова настанет доброе старое мирное время. Широкие круги мелкой буржуазии были искренно рады освобождению от габсбургского ига и вместе с тем чрезвычайно боялись того, что какая-нибудь новая опасность может угрожать национальной независимости. Самая характерная черта чешского мелкого буржуа, так же как и мелкого буржуа всякой другой страны — это боязнь всего нового и неизвестного и страстное желание покоя. Муна нарушил этот покой. Он стал поэтому внутренним врагом и приобрел самую широкую популярность, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Его имя было теперь на устах у всех; во всех газетах, во всех собраниях, во всех шантанах и кабаре писали, говорили и распевали куплеты о нем. О нем распространялись самые дикие слухи: рассказывали о сотнях казненных им легионеров, о миллионах, полученных им от немцев. По городам Богемии носился автомобиль с раз'яренными легионерами, которые клялись во что бы то ни стало, живым или мертвым, захватить Муну. Наконец, Муна был арестован в Праге, но через несколько часов снова выпущен на свободу. Правительство Крамаржа не посмело задержать его, ибо за Муной стояли массы. Для борьбы с угрожающим большевизмом, вместо репрессий, необходимо было придумать какие-нибудь другие меры.

Русские товарищи немедленно же принялись за усиленную агитацию среди рабочих пражских предместий и среди рудокопов в Кладно. В Кладно разгорелась самая ожесточенная агитационная борьба. Туда явилось несколько ораторов из среды умеренных «социалистов». Между прочим, выступала и дочь президента д-р Алиса Масарик. Но борьба окончилась полной победой коммунизма. 56.000 кладненских горнорабочих признали платформу III Интернационала, об'явили себя сторонниками диктатуры пролетариата и «непосредственного действия» и организовали рабочие Советы. В настоящее время Кладно играет очень своеобразную и в высшей степени знаменательную для современных чехословацких условий роль, как во всей республике вообще, так в социал-демократической партии в частности. Партия молчит о Кладно, смотря сквозь пальцы на все нарушения партийной дисциплины со стороны кладненских рабочих, лишь бы только они не вышли из партии. Правительство тоже старается удовлетворять все желания рабочих, оставляет безнаказанными все их мелкие противозаконные проступки, обращается с ними очень предупредительно и посылает в Кладно все запасы самой лучшей муки и самого лучшего жира.

Приезд русских коммунистов оказал также не малое влияние на дифференциацию внутри социал-демократической партии. Габерман, правда, остался в партии, но крайнее правое крыло откололось от нее, и Модрачек основал новую «Прогрессивно-Социалистическую Партию», а свой еженедельный журнал «Socialistiske Listy» превратил в ежедневную газету «28 Rijen» («28 октября»). Но среди рабочих у «прогрессивных социалистов» не оказалось ни одного приверженца. Группа эта состоит, главным образом, из буржуазных перебежчиков, по большей части мелких служащих, и главной, а сейчас и единственной, задачей ставит себе борьбу против большевизма. В противовес этому течению Шмераль основал еженедельник «Socialni Demokrat» в котором он, со свойственной ему осторожностью, выступает на защиту коммунистических идей. Орган кладненцев «Kladenská Svoboda», выходивший раньше один раз в неделю, выходит теперь через день под редакцией Муны. Чисто-коммунистическим духом проникнута также издающаяся в Требе (в Моравии) «Jiskra». Только последние два издания, да еще недавно основанный в Вене «Prukopnik Svobody», и можно считать большевистскими. Газеты «Ravnost»—орган брюннских автономистов, и «Dělnicky Dennik»—газета брюннских цен-

пралистов, правда, тоже сочувствуют большевизму и помещают статьи и корреспонденции с коммунистической окраской, но они стараются согласовать свой жиденький «коммунизм» с политикой социал-демократов, а иногда даже и с правительственной политикой, и в результате получается какая-то мешанина, ни то—ни се. Культурный еженедельник анархистов-коммунистов «Cerven» тоже не мало способствовал распространению коммунистических идей в Богемии, но его стремления примирить большевизм со старым анархизмом, на наш взгляд, вряд ли могут привести к положительным результатам. Кроме правой и левой групп, есть в Чехословакии и свой социал-демократический центр, руководимый отчасти политиками, которые не утратили еще веры в парламентаризм (Немец, теперешний министр-президент Тусар, председатель Национального Собрания Томашек), частью людьми, которые все колеблются между обоими направлениями, как например, главный редактор центрального органа партии «Právo Lidu», Стивин. Эта газета, помещающая противоречащие друг другу статьи и меняющая свою манеру писать в зависимости от политической погоды, является истинным отражением группы центра. Левая, впрочем, тоже не отличается единством, распадаясь на два крыла: одно—чисто коммунистическое, и другое, руководимое марксистом-теоретиком Скалаком (Шмераль в настоящее время уехал из Праги). Хотя вся левая стоит на платформе III Интернационала, но Скалак, мечтая привлечь всю партию на сторону III Интернационала, настаивает на необходимости сохранения единства партии и готов защищать это единство, даже если для этого придется выступить против коммунистов. Все эти жгучие вопросы движения должен решить предстоящий партийный с'езд, назначенный на 15 апреля. С'езда этого с нетерпением ожидает теперь весь рабочий класс Богемии, ибо с'езд должен будет принять определенное решение об отношении к III Интернационалу и, быть может, приведет к окончательному расколу партии.

В прошлом году в Богемии имело место несколько революционных выступлений, которые, будучи сами по себе довольно незначительными, проливают яркий свет на настроение широких кругов населения, тем более, что выступления эти были совершенно стихийными и произошли вполне независимо друг от друга. Вообще, нарастание революционного духа в стране несомненно; недостает только вождей, которые сумели бы организовать проникнутые этим духом элементы и повести их к одной и той же общей цели.

В январе двумя учениками средней школы было произведено покушение на тогдашнего министра-президента д-ра Крамаржа; сначала все думали, что за этими двумя учениками стояла какая-нибудь организация, но попытка прокуратуры пристегнуть к этому делу Муну и русских коммунистов потерпела полную неудачу. В марте в северо-западной Богемии происходили крупные немецкие националистические манифестации, причем правительство утверждало, что эти демонстрации должны были послужить началом к давно уже подготовлявшейся немецкой революции; в марте же были демонстрации в Каадене и в Карлсбаде, сопровождавшиеся кровопролитием. Летом в северной Богемии бастовали горнорабочие-анархисты, а в Остране также разразилась неорганизованная забастовка, против которой высказывались все социалистические партии; обе забастовки продолжались очень недолго, так как вождям социалистов и анархистов скоро удалось уговорить бастующих рабочих снова стать на работу. В июле в Эйзенерце (Железна руда) произошло возмущение в полку, состоявшем, главным образом, из русских легионеров, провозгласивших большевистские лозунги. Отношение правительства к этому мятежу очень характерно для применяемой им уклончивой тактики. Полк овладел городом, основал солдатские Советы, отправился на захваченном поезде в Кладно, которую точно так же занял, и затем двинулся к Пильзену, где находятся большие заводы, изготовляющие предметы военного снаряжения и оружие. Никакой вооруженной силы для подавления восстания не было выслано, приехала лишь на автомобиле из Праги депутация, которая от имени президента Масарика обещала солдатам исполнить все их требования и уговорила их возвратиться в казармы. При разборе возбужденного против мятежников судебного дела большевистская окраска восстания тщательно затушевывалась, и приговор суда, против всякого ожидания, оказался очень мягким. Самые крупные демонстрации произошли в конце мая. Почти во всех городах и местечках Чехии население решило дать «последнее предостережение» спекулянтам, торгующим продовольственными продуктами, и вот по улицам потянулись процессии, во главе которых шли местные спекулянты, неся на плечах виселицы; под этими виселицами демонстранты заставляли их давать торжественную клятву, что они никогда больше не будут брать мародерских цен за продукты. В Праге и Кладно демонстрации закончились разгромом магазинов и складов.

Через три недели после этого (15 июня) в Богемии и Моравии происходили коммунальные выборы. Выборы производились на основе всеобщего, равного и даже обязательного избирательного права, т. е. как раз так, как должны быть произведены предстоящие выборы в Национальное Собрание. Поэтому результат их даст до известной степени картину будущего состава парламента. На коммунальных выборах в чешских округах за социалистов было подано 55% общего количества голосов (вместе с голосами, поданными за немецких социал-демократов—62%), причем, однако, к социалистам приходится причислять и мелко-буржуазных «национал-социалистов», с которыми социал-демократы вступили на выборах в блок. Большую часть остальных чешских голосов получили аграрии, и лишь весьма незначительное число избирателей голосовало за национал-демократическую партию Крамаржа. Правительство д-ра Крамаржа было составлено из отдельных партий в таком же соотношении, в каком чешские партии были представлены в бывшем австрийском парламенте. Теперь однако коммунальные выборы обнаружили, что политическая ситуация в Богемии изменилась и что национал-демократы занимают в правительстве больше мест, чем это им принадлежит по праву. Майские демонстрации и коммунальные выборы заставили правительство уйти в отставку, и было образовано новое правительство из социал-демократов, национал-социалистов и аграриев, без всякого участия национал-демократов. Во главе этого правительства, которое президент Масарик, без всякой иронии, назвал «правительством городского и деревенского трудящегося народа», был поставлен социал-демократ Тусар.

Последним распоряжением старого правительства был приказ об аресте Муны и его товарищей. Крамарж решился на этот шаг лишь перед самым своим уходом в отставку. Раньше у него не хватало на это смелости. Отдавая этот приказ, он преследовал, пови-

димому, двоякую цель: с одной стороны — он хотел бросить, наконец, умилостивительную жертву в пасть раз'яренной буржуазии, с другой — он думал этим создать затруднения для нового полу-социалистического полу-аграрного правительства. Если Муна останется в заключении, то значительная часть рабочих перейдет в оппозицию; если Муну освободят, то недовольные этим крестьяне свалят правительство. Расчет д-ра Крамаржа оказался верен. Товарищ Муна сделался жертвой политических интриг. Он сидит в тюрьме и доныне. Нынешнее слабое, бесхарактерное правительство было бы очень счастливо, если бы Муна согласился заявить, что он — русский гражданин, ибо тогда можно было бы его выслать. Ему предоставлялась также возможность к бегству, но Муна и стоящие за ним рабочие твердо решили добиться того, чтобы дело разбиралось в суде, будучи уверены, что процесс этот даст сильный толчок развитию революционного движения в Чехо-Словакии. Собранный против Муны обвинительный материал очень незначителен: единственным доказательством является письмо Бела Куна к Муне, которого адресат никогда не получал, и весь об'емистый обвинительный акт, в котором очень много общих националистических фраз, говорит, главным образом, об уехавшем заграницу докторе Шмерале, а не об обвиняемом, причем д-р Шмераль изображается истинным духовным отцом чешского большевизма. Власти не очень-то торопятся с этим процессом. Прокуратура ожидает, вероятно, прибытия сибирских легионеров (особенно большие надежды оно возлагает на прибывшего на-днях в Прагу Медека), которые должны дать более серьезный материал для обвинения Муны. Кладненские горнорабочие устроили в Праге (Кладно находится на расстоянии приблизительно 6 часов ходьбы от столицы) большую демонстрацию в пользу Муны, а в начале осени произошла забастовка лозунгом — не приступать к работам, пока не будет закончен процесс Муны. Но рабочие и на этот раз дали себя обмануть пустыми обещаниями. Правда, правительство установило точный срок, к которому должно быть закончено слишком запянувшееся следствие (если не ошибаюсь, сроком этим было об'явлено 31 октября). Обещание это было даже исполнено, но окончание следствия не означает еще начала процесса, и судебный процесс откладывается с недели на неделю вплоть до сего дня под предлогом все новых и новых технических затруднений.

Процесс Муны находится в тесной связи с венгерской революцией. Когда в Венгрии разразилась революция, чехо-словаки занимали демаркационную линию. Военными силами республики командовал не чех, а французский генерал Пелле, назначенный на этот пост Антантой. Совершенно неожиданно для всего населения страны на границе с Венгрией начались бои, и венгерцы заняли значительную часть Словакии. Чехословацкие правительственные круги и буржуазная пресса изображали дело так, как будто в Венгрии борьба идет вовсе не за социализм, что Советское правительство — только ширма, за которой скрывается старый мадьярский шовинизм, что Карольи добровольно передал правительственную власть большевикам только потому, что они под новыми лозунгами Советской власти собираются воскресить мадьярский империализм, и что мадьяры коварно напали на Словакию, намереваясь снова подчинить ее своему господству. Население верило всем этим россказням, тем более, что даже центральный орган социал-демократической партии «Pravo Lidu» стал на точку зрения защиты государства от внешнего врага. Лишь после падения правительства Крамаржа, когда чешская буржуазия оказалась в оппозиции к теперешнему правительству, д-р Разин, бывший министр финансов, из мести разоблачил в парламенте, как собственно было дело. Приказ о переходе демаркационной линии был отдан не венгерцами, а чехо-словацким министром национальной обороны, национал-социалистом Клофачем, и чехо-словацкие полки вторглись в венгерский угольный бассейн Салгò-Тарьян. Сделано это было, конечно, с ведома г. Пелле, или—точнее говоря — по приказу Франции, желавшей вознаградить чехо-словацкую республику за ее помощь в деле уничтожения «гидры большевизма», подарив ей чужую территорию — салгò-тарьянские угольные копи. Таким образом, и на этот раз чехо-словацкие солдаты, сами не зная того, оказались орудием в руках контр-революции. За Россией настала их очередь в Венгрии. Если чехо-словацкая республика морально обязана Антанте за свое освобождение от габсбургского ига, то этот долг она уже заплатила вечным несмываемым позором, которым эта, возрожденная революцией страна покрыла себя, отдавая свои войска на службу палачей, зверски расправляющихся с другими революционными народами. Нет сомнения, что Франция еще не раз потребует уплаты того же долга и что чехо-словацкое правительство неизменно будет выражать готовность заплатить все, чего от него потребуют. Как в России, так и в Венгрии чехо-словацкие солдаты были самым наглым образом обмануты и проданы. Но венгерский эпизод был слишком кратковременным, чтобы пролетариат мог тогда же понять истинный смысл его, и разоблачение было сделано слишком поздно. Агитация маленькой кучки коммунистов, также недостаточно осведомленных о происходящем, была заглушена поднятыми националистами шумом и криками о защите отечества.

Вот, в общих чертах, все важнейшие события прошлого года.

О политической дифференциации и экономическом положении страны следует сказать следующее:

Партийно-политические отношения в стране еще до переворота чрезвычайно упростились. Все буржуазные партии ликвидировались и образовали единую «Национал-Демократическую Партию», с Крамаржем во главе. Эта партия, по числу своих приверженцев—самая слабая из пяти чехо-словацких партий, но она располагает большими денежными средствами, играет руководящую роль в университете, в национальном театре и в других культурно-просветительных учреждениях, обладает великолепно оборудованной прессой, и около ее центрального органа «Nàrodni Listy» группируется целый штаб ученых и писателей, которые по духу своему принадлежат, правда, к уже отжившему прошлому, но все же пользуются еще самой широкой популярностью. Национал-демократы—от'явленные националисты и империалисты, правое крыло их отстаивает даже интервенцию. Пользуясь их поддержкой и покровительством, в Праге работает агент Деникина Ефимовский с целой шайкой авантюристов, которые при посредстве своей газеты «Славянская Заря» и собственного бюро печати снабжают чешскую буржуазную прессу самыми нелепыми и лживыми сообщениями о Советской России; есть также основание думать, что у них в Праге имеется тайное бюро для набора добровольцев в армию Деникина.

Клерикальная партия называет себя теперь Народной Партией. В Богемии она имеет весьма незначительное число приверженцев, но в Моравии поль-

зуется большим влиянием, и еще сильнее это влияние в отсталой, мало-культурной Словакии. Эта партия насквозь пропитана мелко-буржуазным, реакционным духом, но несбыточные монархические планы питают в ее среде только высшие представители лишившейся своего могущества церковной иерархии. Словацкая часть этой партии, исходя из вполне понятных мотивов, а именно—желая добиться влияния и власти, требует широкой автономии для Словакии, причем одна группа желает даже присоединения к монархической Венгрии. Аграрная партия, которая теперь называется «республиканской партией богемских областей», состоит из средних и зажиточных крестьян. В этой партии также есть небольшое интервенционистское крыло. Партия очень богата, имеет яркую националистическо-империалистскую окраску и до последних коммунальных выборов занимала господствующее положение в большей части Богемии. Чехо-словацкая Социалистическая Партия (прежние национал-социалисты)—партия мелко-буржуазная (основное положение ее — сотрудничество труда с капиталом), в которую входит небольшое число националистически настроенных рабочих. К чехо-словацким социалистам незадолго до переворота присоединились анархисты-коммунисты, которые образуют теперь крайнее левое крыло этой партии. Они первые решились приветствовать русскую пролетарскую революцию в своем прекрасно редактируемом еженедельнике «Cervен». Все действительно серьезное, что знает богемская публика о большевизме, она знает, главным образом, благодаря этому журналу. Анархисты пользуются немалым влиянием в каменно-угольных округах северной Богемии.

Самая сильная партия в стране, это—Чехо-словацкая Социал-демократическая Рабочая Партия. В ее политические организации входит свыше полумиллиона членов, а в профессиональных союзах, на деле представляющих собой очень влиятельные политические организации, число членов еще больше. »Прогрессивные социалисты» Модрачека с их отрицательной антибольшевистской программой не имеют серьезного значения. От бывшей Реалистической Партии Масарика осталось всего только несколько лиц, остальные перешли или к национал-демократам или в социалистические партии. Перед последними выборами образовалась также небольшая Ремесленная Партия, составившаяся из ремесленников и владельцев мелких предприятий.

В чехо-словацкой республике господствует в настоящее время национальная диктатура чехов и словаков. Национальные меньшинства не были допущены ни в парламент, ни в состав правительства. Правда, говорилось о том, что немцы отказались признать республику, что границы области, занимаемой мадьярским меньшинством, все еще не определены окончательно, и что часть Силезии, в которой население говорит по-польски, занята поляками. Но в действительности представителям чехо-словацкой буржуазии просто хотелось установить конституцию без участия национальностей, находящихся в меньшинстве. И это им удалось. Но, несмотря на национальное единство парламента и правительства, работа у них не ладится. Правительству Тусара приходится терпеть нападки и со стороны реакционной оппозиции—национал-демократов и клерикалов, и со стороны социалистической оппозиции—левых социал-демократов и анархистского крыла национал-социалистов. Но правительство не принимает близко к сердцу этих двухсторонних нападок, думая, что давление слева уравновесится давлением справа и наоборот, и что это только укрепит его положение. Единственная задача этого правительства—упрочить буржуазную республику и усилить ее как внутри, так и извне. Поэтому оно дает социалистам умеренные социалистические реформы, аграриям мародерские цены на хлеб, социал-демократам свободу банковских спекуляций, наконец—Антанте и ее капиталистам, все, чего они только ни пожелают. Это правительство, которое старается угодить всем—сама воплощенная бесхарактерность. Первые выборы в парламент будут происходить в конце апреля, и теперь в Национальное Собрание попадут представители национальных меньшинств, насчитывающих в общей сложности 3½ миллиона человек. Их появление в парламенте только увеличит прежний хаос новым хаосом национальных вопросов. Необходима слишком большая доза оптимизма для того, чтобы думать, что такой парламент будет работоспособен, что он будет в состоянии решать жизненные вопросы пролетарских масс, принадлежащих к четырем или пяти различным национальностям.

Что касается экономического положения, то оно правда, лучше, чем в Юго-Славии и Польше, и несравненно лучше, чем в Немецкой Австрии, но в общем и целом так же плохо, как и во всей остальной средней Европе. Новых ценностей производится очень мало. Предпринимателям гораздо удобнее спекулировать на сырье, и они при этом зарабатывают гораздо больше, чем при его переработке, при которой трудно скрыть размеры прибыли и правительству легче обложить эту прибыль налогами. Трудолюбие рабочих также упало, ибо они вовсе не желают надрываться для того, чтоб эксплуататоры набивали себе карманы. Кроме того, вся средняя Европа представляет теперь собою собственность капиталистов Антанты. Немецкая Австрия, валюта которой в конце января стоила приблизительно в пять раз дешевле чехо-словацкой, уже совершенно запродана им, теперь очередь за чехо-словацкой республикой. Доллар, стоивший в мирное время приблизительно 5 австрийских крон, стоит теперь 180 чехо-словацких или 600 немецко-австрийских крон. При таких условиях капитал Антанты может купить решительно все, что есть в стране. И действительно, уже значительное большинство чехо-словацких промышленных предприятий перешло в руки англо-французских капиталистов. Опасность этой распродажи за границу всего, что только имеет какую-нибудь ценность, и вытекающую отсюда угрозу обнищания населения поняла—конечно, по-своему, с своей националистической точки зрения—даже часть буржуазии и, в своей наивной вере во всемогущество демократического правительства, она обратилась к нему по этому поводу с запросом. Правительство, конечно, бессильно, потому что всякую попытку запретить ввоз иностранного капитала Антанта сочла бы враждебным действием и немедленно пустила бы в ход репрессивные меры. Особенно важное экономическое и политическое значение имеет скупка иностранцами акций промышленных предприятий. В первые же дни после 28 октября 1918 г. были конфискованы и национализированы все крупные поместья. Та же мера должна была быть применена к предприятиям крупной промышленности и банкам, и социалистическим партиям были даже даны обещания в этом смысле, по крайней мере относительно каменноугольных копей и железоделательной промышленности. Верное принципам «эволюции», правительство, однако, не торопилось. А тем временем капиталисты Антанты скупили большую часть акций

и, таким образом, расстроили весь план национализации. Ибо их правительство республики не может экспроприировать. Но иностранные капиталисты не только покупают. Недавно между одним англо-американским консорциумом и союзом богемских текстильных фабрикантов заключен договор, по которому все богемские текстильные фабрики сдаются в наем консорциуму. На первый взгляд это очень «выгодная сделка», которой все останутся довольны. Богемские ткацкие фабрики до сих пор стояли вследствие полного отсутствия хлопка, и предприниматели поэтому ничего не зарабатывали; теперь они будут получать арендную плату. Рабочие-текстильщики были без работы; теперь будет привезен хлопок, и они снова будут получать заработную плату. Но само собой понятно, что самыми довольными окажутся американские и английские капиталисты. Дело в том, что ни один заокеанский рабочий не станет работать за меньшую плату, чем 2 доллара в день. Но два доллара, это — 240 чехо-словацких крон; чехо-словацкому рабочему американский капиталист заплатит лишь незначительную часть этой суммы, и разница останется у него в кармане в виде чистой прибыли, ибо доставка хлопка в Европу обойдется ему почти столько же, сколько доставка готовых изделий. Однако, при всяком выигрыше должен быть кто-нибудь, кто проигрывает. В данном случае, если не считать потребителя, проигравшим окажется заокеанский текстильщик, которого лишит работы его богемский товарищ, или по крайней мере понизит его заработную плату. Чешский рабочий, который оказывал Антанте политические услуги, с оружием в руках сражаясь против своих русских и венгерских товарищей, теперь будет оказывать ее капиталистам и экономические услуги, отнимая хлеб у английских и американских товарищей. Грустная картина!

Внешняя политика чехо-словацкой республики, так же как и внутренняя, всецело определяется волей и интересами капиталистов Антанты. О борьбе чехословацких легионов против русских и венгерских революционеров мы уже говорили. Но есть еще один вопрос внешней политики, в котором сказывается сильное влияние Антанты и который в то же время является отличным доказательством того, как нелепо ко всем спорам о границах прикидывать национальную мерку. Еще в самом начале национального переворота поляки заняли часть Силезии. Население, по языку, в этой области смешанное (поляки, немцы, чехи, евреи), причем преобладают поляки. Но весь интерес обеих сторон сосредоточивался вовсе не на этнографических вопросах, а на Карвинских каменноугольных копях. Между поляками и чехами дело дошло до вооруженного столкновения, в которое вмешалась Антанта, установившая демаркационную линию таким образом, что на польской стороне линии находится Карвинская каменно-угольная область, а на чехо-словацкой стороне—Острав, один из крупнейших в Европе железоделательных заводов. Но Острав едва ли может существовать без карвинского угля. Антанта постановила, что вопрос о принадлежности занятой поляками области тому или иному государству должен быть решен всеобщим голосованием. Голосования еще не было, но немецкое, еврейское и чешское население уже высказалось в пользу Чехо-Словакии, и даже часть поляков, которые сознают, что Острав—их естественный местный центр и что они им живут, для решения этого чисто-хозяйственного вопроса придумали новый националистический лозунг: «Мы вовсе не поляки, а силезцы!» Но хитрая Антанта все откладывает голосование и посредством обещаний и угроз заставляет и поляков и чехов служить ей одной. Повидимому, надеясь на то, что Польша может стать оплотом против большевизма, она в последнее время больше поддерживает польский империализм, чем чешский; кроме того, она расчитывает, что у Польши, валюта которой стоит еще ниже, чем чешская, можно будет дешевле купить карвинские каменноугольные копи. В этом «этнографическом» споре между Польшей и Чехо-Словакией миллионеры Антанты окажутся третьей, «радующейся» стороной, потому что они-то, в конце концов, и завладеют и Карвином и Остравом.

И вот, куда ни взглянешь в Чехо-Словакии, всюду натыкаешься на англо-французского капиталиста. Чехо-Словакия стала колонией в самом подлинном смысле этого слова. Ее ожидает печальное будущее всякой колонии. И для рабочих этого клочка земли, который гордо называет себя чехо-словацкой республикой, есть одно лишь спасение: пролетарская революция. Хозяйственные условия делают необходимость этой революции с каждым днем все настойчивее. Восьмичасовой рабочий день, максимальные цены, Промышленные Советы и все другие реформы, которыми правительство старается удовлетворить рабочих, носят характер чисто бумажных, а не действительных мероприятий и бессильны, по существу, изменить что бы то ни было. Исторические условия гораздо сильнее их. Кроме того, большинству чехо-словацкого пролетариата русская революция раскрыла глаза, и те из рабочих, которые еще не революционеры сегодня, безусловно станут ими завтра. В настоящий момент нам нужны лишь марксовы «повивальные бабки», которые облегчили бы и у нас роды нового хозяйственного строя и сократили бы болезненный родовой период... С'езд партии, назначенный на 15 апреля, будет первым серьезным призывом к борьбе.

Прага.

И. О.

АНГЛИЙСКИЙ РАБОЧИЙ С'ЕЗД.

(ПИСЬМО ИЗ АНГЛИИ).

От редакции. Обращаем внимание на помещаемое ниже письмо из Лондона, имеющее громадное значение. С'езд, о котором нам сообщают наши лондонские друзья, безусловно войдет в историю английского и международного пролетарского движения.

В лагере английских тред-юнионистов все определеннее оформляются два течения: против оппортунистов сплачиваются революционеры.

Пожелаем английским товарищам скорее сплотиться и повести английский пролетариат на штурм капиталистических твердынь.

10—12 марта с. г. в Лондоне состоялся созванный по почину Рабочих Комитетов с'езд представителей рабочих всех отраслей промышленности, социалистических партий и различных неофициальных комитетов Англии, Шотландии и Уэльса. В с'езде принимало участие около 200 делегатов, представлявших следующие группы и организации:

Национальный Союз Железнодорожников (11 секций и местных организаций), углекопы Южного Уэльса (4 секции), Рабочие Комитеты (9 различных комитетов), Национальный Общий Союз рабочих (3 местных организации), Национальный Союз Работников по Снабжению (1 местная секция), Союз Рабочих (7 местных организаций), Национальный Союз Конторщиков (2 секции), Иоркширские углекопы (2 секции), Тред-юнион электриков (2 местные организации), Индустриальный Союз Строительных Рабочих, Об'единенное Товарищество Машиностроительных Рабочих (6 местных организаций), Союз Инструментальщиков (6 секций), Национальное Товарищество Плотников и Столяров (4 местных организации), Национальный Союз Рабочих Строительного и Конструкторского Дела (1 местная организация), Общий Союз Чернорабочих Строительного Дела (1 местная организация), Шотландский Союз Литейщиков, Союз Почтовых Служащих (1 местная организация), Союз Каменщиков (1 местная секция), Товарищество Специалистов-Механиков (1 местная секция), Товарищество Машиностроителей (1 местная организация), Национальное Товарищество Штукатуров (Лондонский Местный Совет), Союз Рабочих Хлебопекарного и Кондитерского Дела (2 местных организации), Союз Котельщиков и Судостроителей (1 местная организация), Национальный Союз Об'единенных Углекопов, Рабочие Железнодорожных Мастерских в Слау, Тред-юнион рабочих, изготовляющих одежду (1 местная секция), Товарищество Служащих в Тред-юнионах, Британское Товарищество Работников по Железу и Стали и родственных производств (1 местная секция), Рабочая Партия (1 местная организация), Лига «Плебс» (1 местная организация), Национальные Союзы Полицейских и Тюремных Служащих, Профессиональные Советы (7 организаций), Товарищество Ткачей Нельсона и окрестностей, Британский Политический Союз, Комитеты «Руки прочь от России!» (Исполнительный Комитет и два местных комитета), Национальный Союз Отставных Солдат (Нац. Совет союза и две местные секции), Союз Индустриальных Рабочих Мира (Исполнительный Комитет и одна местная секция), Глазговская Группа Анархистов, Лига Социалистической Молодежи (2 местных секции), Степнейская Коммунистическая Лига, Рабочая Социалистическая Федерация (Национальный Исполнительный Комитет и 3 местных секции), Лига «Геральд» (3 местных секции), Социалистическая Рабочая Партия (2 местных организации), Британская Социалистическая Партия (Национальный Исполнительный Комитет и 8 местных организаций), Независимая Рабочая Партия (11 местных секций).

Кроме того, были получены приветствия, с выражением готовности признать решения с'езда, от целого ряда организаций, которые были лишены возможности прислать своих представителей на с'езд.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Председатель т. Мак Манус, открывая с'езд, говорит, что, признавая всю важность совместного обсуждения злободневных вопросов, он вместе с тем считает нужным подчеркнуть необходимость того, чтобы те решения, которые будут приняты, не остались пустыми словами. Рядовые участники движения, собравшиеся на этот с'езд, должны позаботиться о том, чтобы их взгляды нашли себе непосредственное выражение, не предоставляя, как это было до сих пор, одним лишь официальным представителям говорить от имени рабочего класса, никогда не дававшего им права на это. Он резко осуждал установившуюся манеру вступать в переговоры с капиталистами, вместо того, чтобы вести борьбу против них. Раньше, когда эта тактика еще не была выработана «вождями», единственным методом воздействия на капиталистов была угроза стачкой. В настоящее время, путем искусного маневрирования, реакционные «вожди» пришли к открытию нового средства, позволяющего им отделываться от требований о непосредственном действии: они говорят громкие слова о выступлениях, и кончают... совещаниями и комиссиями. Необходимо раз навсегда отвергнуть всякие комиссии, которые, являясь лишь пустой тратой драгоценного времени, охлаждают боевой пыл рабочих масс. Рабочие Комитеты, вот — наилучшие выразители воли рабочего класса, они одни могут служить орудием для осуществления его стремлений.

Затем председатель предлагает отправить телеграмму стачечникам в Далмюре с выражением сочувствия. Он поясняет, что конфликт начался забастовкой конторщиков, к которым хотят теперь присоединиться и все остальные рабочие; устраиваются митинги для подготовки общего выступления. Всякая попытка сорвать стачку при содействии мастеров и наемных предателей, говорит он, повлечет за собой всеобщую забастовку. С'езд единогласно решает послать телеграмму.

В заключение тов. Мак Манус заявляет, что он вынужден оставить с'езд, так как ему необходимо выступить на одном собрании на севере Англии, и что он

передает обязанности председателя т. Килей (представителю Рабочего Комитета Зап. Лондона).

После речи председателя, тов. Мак Крэкен (Союз Йоркширских-Углекопов) вносит внеочередную резолюцию (резолюция № 6) по вопросу о национализации угольных копей. Обосновывая эту резолюцию, товарищ говорит, что ему пришлось работать почти во всех угольных копях Англии и он, на основании виденного, утверждает, что дальнейшее существование капиталистического способа производства приведет к полному разрушению копей. Правительство не имеет никакого права отказываться от осуществления мер, предложенных комиссией Санкея, и принудить его к их проведению в жизнь можно лишь путем непосредственного действия.

Поддерживая резолюцию, тов. Томас указывает на то, что официальные «вожди» говорят о национализации, как о мере, лежащей в интересах всех классов общества. Между тем, Южно-уэльские шахтеры требуют советизации копей и упразднения всех форм эксплуатации труда. Оратор заявляет, что он вполне присоединяется к словам т. Мак Мануса о комиссиях.

После дебатов, в которых принимали участие тт. С. Панкхэрст, Мак Альпин (Американская Коммун. Раб. Партия), Лансей (Эксетерская организация Нез. Раб. Партии), Хьюз (Южный Уэльс), Уэбб (Национальный Комитет «Руки прочь от России!»), Геллекер (Шотл. Раб. Комит.) и Джек Таннер (издатель газ. «Solidarity»), был прочитан текст резолюции, с внесенными поправками:

«Признавая, что национализация, не отстраняющая капиталистов от власти, не в состоянии принести какую бы то ни было — временную или постоянную—пользу рабочему классу, с'езд призывает рабочих к созданию собственного индустриального аппарата, с тем чтобы взять в свои руки, без всякого участия капиталистов, контроль над всеми средствами производства и распределения.

Вместе с тем с'езд признает необходимость непосредственного действия для того, чтобы принудить правительство к исполнению требований горнорабочих. С'езд призывает поэтому Конгресс Тред-юнионов к принятию необходимых мер для об'явления всеобщей забастовки, имеющей целью вырвать угольные копи из рук капиталистов.

Далее, с'езд постановляет избрать особый Горнопромышленный Комитет, имеющий следующие задачи:

1) способствовать проведению в жизнь политики стачек,

2) вступить в сношения с неофициальным Комитетом о Реформах, выбранным углекопами, и совместно с ним выработать план социализации горной промышленности и введения рабочего контроля в ней,

3) расширять выставляемые при стачках требования в направлении общей социализации всей земли и всей промышленности».

На основании резолюции, которая была принята с'ездом, было решено избрать 15 делегатов в Горнопромышленный Комитет. Председатель предлагает, для упрощения процедуры, подавать ему списки кандидатов, с тем чтобы выборы были произведены в конце заседания.

Затем, тов. Уэбб, представитель Национального Комитета «Руки прочь от России!», вносит в порядке дня следующую резолюцию (резолюция № 1):

«С'езд британских рабочих шлет свой привет Советской Республике, выражая свое глубокое восхищение той творческой коммунистической работой, которую выполнили Советы. С'езд поздравляет Красную Армию с блестящими успехами, достигнутыми в борьбе против об'единенных сил капиталистических правительств, и заявляет о своей солидарности с Российской Рабочей Советской Республикой и со всеми рабочими других стран мира, борющимися за низвержение международного капитализма».

Воздавая должное русским товарищам, совершившим великое дело, т. Уэбб говорит, что события в России показывают нам, к каким средствам прибегают капиталисты для сохранения своего господства. В Англии организуется Гражданская Гвардия, вполне соответствующая русской и финляндской Белой Гвардии.

Резолюцию поддерживает представитель Уиллесденского Комитета «Руки прочь от России!», и она принимается с поправкой (резолюция №1а), предложенной Дж. Торгудом (Стейнсский Профессиональный Совет):

«С'езд выражает осуждение Парламентскому Комитету за то, что он не поставил вопроса об интервенции в России в порядок дня чрезвычайного конгресса.

С'езд требует полного отчета о переговорах, которые велись по этому вопросу между Парламентским Комитетом и правительством, требуя вместе с тем ответа на вопрос: добился ли Комитет обещания заключить немедленно же мир с Советской Россией?»

Следующая резолюция (рез. № 2) была предложена Гарвеем (Бирмингамская Лига «Дейли Геральд» и Союз Полицейских) при поддержке Джомера (Союз Машиностроительных Рабочих):

«С'езд выражает свое сожаление по поводу того, что английские рабочие до сих пор так безучастно относились к походу мирового капитализма на Советскую Россию. Он настойчиво предлагает делегатам, участвующим в Конгрессе Тред-юнионов, отстаивать ту мысль, что индустриальные организации должны посредством всеобщей забастовки принудить правительство к полному прекращению интервенции, в чем бы она ни выражалась: в военных действиях на суше, в воздухе и на море, в блокаде, в финансовой поддержке, оказываемой врагам Советской власти, в политике Лиги Наций или, наконец, в натравливании побежденных и слабых государств; далее, организации должны принудить правительство к немедленному устранению всех препятствий, мешающих торговле с Россией, и к заключению мира с Советской Россией без всяких аннексий и контрибуций, на основе права народов на самоопределение и полного невмешательства во внутренние дела России».

(В том случае, если Конгресс Тред-юнионов примет противоречащее этим требованиям решение, неофициальный с'езд должен обсудить вопрос о мерах, которые надлежит принять, причем организации должны дать своим делегатам соответственные инструкции по этому вопросу).

Мотивируя эту резолюцию, тов. Гарвей от имени делегировавшей его организации настаивает на необхо-

димости создания Советов, которые должны озаботиться проведением массового выступления.

В ответ на обращенный к ним запрос, делегат от Шотландских литейщиков и тов. Кук, представитель Южно-уэльских шахтеров, обещают сделать все, что будет в их силах, для того чтобы ознакомить Конгресс Тред-юнионов с мнением с'езда.

Резолюция принимается единогласно.

Затем ставится на обсуждение резолюция № 10.

Делегат от Саузендской организации Британской Социалистической Партии выступает с заявлением, что еще не настало время для принятия подобных резолюций, так как массы, по его мнению, еще не достаточно революционны. Указывая на Союз Индустриальных Рабочих Мира, он утверждает, что тактика союза принесла величайший вред рабочему движению в Америке.

Тов. Геллекер (Шотл. Раб. Комит.) указывает на то, что многие социалисты стараются избегать конфликтов, заявляя, что они воспитывают рабочих. В Клайдском бассейне они постоянно твердят о воспитательном значении стачек. Но нельзя останавливаться на этой стадии развития. В настоящее время бастующие рабочие больше всего страдают от недостатка пропитания. Организации должны заняться вопросом о перевозке продуктов, смотря по необходимости, из одного места в другое. Необходимо создать особые Социальные Комитеты для изучения всевозможных вопросов и собирания всех тех справок, которые могли бы оказаться полезными при предстоящих столкновениях. Такие комитеты существуют уже во всех городах Шотландии. Далее, тов. Геллекер высказывает свое осуждение тем из британских товарищей, которые критикуют тактику Союза Индустриальных Рабочих Мира: тактика эта является логическим выводом из всей системы капитализма, и вообще, надо сказать, что американские товарищи лучше нас знают, какая тактика наиболее целесообразна в их борьбе.

После дискуссии, в которой принимали участие еще несколько товарищей, было решено, чтобы те делегаты, которые желают участвовать в организации Социальных Комитетов, явились в пятницу в Международный Социалистический Клуб и там сообща установили все подробности организации комитетов.

Затем резолюция принимается с поправками, в следующей окончательной редакции:

«Признавая, что социальная и индустриальная деятельность трудящихся будет служить основой будущего общества, с'езд призывает рабочих к немедленному созданию Советов, состоящих из:

1) депутатов от всех категорий индустриальных рабочих, избранных по отдельным предприятиям;

2) депутатов от сельских рабочих;

3) рабочих депутатов от деревень и поселков тех местностей, где население, по техническим условиям, не может быть разбито на отдельные единицы по индустриальным признакам;

4) депутаток от трудящихся женщин, не занятых в индустрии; эти депутатки выбираются женщинами тех мест, где они живут.

Все депутаты получают наказы от своих избирателей, которые имеют право отозвать их в любой момент. Право контроля над всей деятельностью Советов принадлежит трудящимся массам.

Права представительства в Советах лишаются все элементы, эксплуатирующие чужой труд в своих личных интересах или для накопления богатств.

Экономические Советы составляются из представителей выше перечисленных групп с правом кооптации, в качестве членов с совещательным голосом, представителей тред-юнионов, кооперативных обществ и техников-специалистов».

Перед закрытием заседания председатель оглашает список кандидатов, предложенных в члены Горнопромышленного Комитета; список ставится на голосование, и выбранными оказываются следующие товарищи: Хьюз (Южн. Уэльс), Геллекер (Шотл. Раб. Ком.), Динглей (Слау), Рамзей (Об'ед. Тов. Машиностр. и Центр. Лонд. Совет Раб. и Фабр. Комит.), Мак Крэкен (Донкастерские углекопы), Уоткинс (Нац. Союз Об'ед. Углек. и Донк. Углек.), Дж. Перкинс (Требертский Проф. Совет), Э. С. Панкхэрст, Пендери (Союз Железнодор. и Фабр. Комит. в Бермондсее), Мак Манус (Нац. Союз Об'ед. Углекоп.), Стевенхейген (Тред-юнион электриков) и Мюр (Тр.-юн. электр.).

На этом заканчивается первое заседание с'езда.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Председательское место занимает тов. Геллекер. В своем вступительном слове он передает то, что ему втечение дня удалось узнать о Конгрессе Тред-юнионов и в частности останавливается на заявлении Клайнса о том, что, по мнению Ллойд Джорджа, политика непосредственного действия будет только на руку ему. Тов. Геллекер признает, что м-р Клайнс является безусловным авторитетом в вопросе о том, какого мнения придерживается Ллойд Джордж, ибо он исполняет роль любимой собаченки Ллойд Джорджа. Рабочие, не смущаясь его заявлениями, должны перейти к тактике непосредственного действия. Если они хотят добиться осуществления своих желаний, то они должны иметь мужество сами осуществить их. Клайнс все время спекулирует на трусости рабочих. «Ради бога, не приступайте к непосредственному действию—уговаривает он их,—это приведет к кровопролитию; вы пострадаете при этом». Как будто они не страдали всю свою жизнь на фабриках и заводах! Как будто можно свергнуть власть капитала, не рискуя пострадать при этом! Надо не пугать рабочих, а звать их вперед, укрепляя в них мужественный и смелый дух. Рабочие должны не дать оправиться капитализму, пришедшему теперь в полное расстройство. Именно теперь надо перейти в наступление против него. Конгресс Тред-юнионов никогда не решится нарушить покой эксплуататоров. Официальные представители тред-юнионов добиваются лишь голосов на выборах и мечтают только о своей собственной парламентской карьере.

На обсуждение ставится резолюция об Ирландии. Резолюция эта, в которую вносятся незначительные поправки, гласит:

«С'езд требует немедленного признания полной независимости Ирландии и вывода британских войск из Ирландии. Он постановляет созвать особую конференцию из представителей ирландских и британских рядовых рабочих для обсуждения вопроса о том, что должны предпринять британские рабочие для того, чтобы поддержать рабочих Ирландии в их борьбе за освобождение».

В связи с этой резолюцией с'езд просит тов. Мак Альпина, представителя Американской Коммунистической Рабочей Партии, высказаться по ирландскому вопросу. Тов. Мак Альпин говорит, что по его мнению вопрос этот имеет жизненный интерес для британского рабочего движения. Безучастное отношение английских рабочих к судьбе Ирландии производит самое тягостное впечатление на ирландцев, которые не видят никакой разницы в этом смысле между рядовыми рабочими Англии и их официальными «вождями». Британские рабочие несут ответственность за все, что происходит сейчас в Ирландии. Войска со всем оружием и снаряжением перевозились туда при содействии британских организованных рабочих, которые не должны забывать, что такие господа, как Гендерсон, от их имени выступающие в английском кабинете министров, ответственны за смерть Конноли. Рабочие должны оттолкнуть от себя этих господ.

Следующие ораторы высказываются в том же духе, и резолюция принимается единогласно.

Единогласно принимается также резолюция № 4, внесенная тов. Уордом (Саузендская организация Брит. Соц. Партии) и поддерживаемая тов. Ласей (Эксетерская секция Нез. Раб. Партии). В резолюции этой говорится:

«С'езд шлет свой привет товарищам-рабочим Египта и Индии, требуя очищения Египта от британских войск и восстановления его независимости. С'езд протестует против тех насилий, которым подверглось население Индии за то, что оно демонстрировало против угрожавшего ему новыми репрессиями Акта Роулетта. С'езд требует признания независимости и права на самоуправление индусского народа, а также освобождения цветных рабочих, равно как и всех других трудящихся.

С'езд осуждает стремления империалистов к порабощению восточных и цветных рабочих и подчеркивает, что, говоря о благе человечества, империалисты имеют в виду лишь белых, между тем, как в действительности понятие человечества охватывает людей всех цветов кожи, всех рас и стран».

Затем единогласно, без всякого обсуждения, принимается следующая резолюция (рез. № 5):

«С'езд признает, что никакие меры ограничения прибыли, никакой совместный контроль рабочих и предпринимателей, никакие налоги на капитал и никакие национализации не могут избавить рабочих от нищеты, безработицы и эксплуатации, и что для освобождения рабочего класса необходимо ниспровержение всего капиталистического строя и замена его коммунистическим общественным устройством».

После этого ставится на обсуждение резолюция № 7, которую мотивирует т. Т. Уолш (Союз Строит. Раб.) и поддерживает т. Эбери (Брит. Соц. Партия). Резолюция гласит:

«С'езд признает, что дороговизна жизни, повергшая в неслыханную нищету рабочие массы Англии и всех других стран, является вполне естественным результатом мировой войны, затеянной соперничающими между собой капиталистами, и последствием все продолжающихся враждебных действий против Советской России, этой житницы Европы. Впрочем, голод в странах, изобилующих с'естными припасами, явление отнюдь не новое: оно принадлежит к числу самых характерных черт капиталистического строя, как во время войны, так и в мирное время. Поэтому с'езд еще раз указывает рабочим на необходимость продолжать борьбу за уничтожение капитализма и организовать Рабочие Комитеты, которые были бы в состоянии руководить всем общественным трудом в интересах рабочего класса».

Резолюция принимается единогласно.

Затем тов. Сара (Северно-лондонск. группа Лиги «Дейли Геролъд») вносит резолюцию № 8:

«С'езд высказывается против увеличения производительности труда при господстве капитализма. Между тем, как безработица, в настоящее время с особенной силой свирепствующая во всех капиталистических странах, при капитализме носит вообще хронический характер, в Советской России, благодаря плодотворному влиянию коммунизма, совершенно нет безработицы, а, напротив, есть достаточно работы для неограниченного числа трудящихся».

Резолюция эта также принимается единогласно.

Единогласно же принимается и резолюция № 14, мотивируемая тов. Ласей (Эксетерская организация Нез. Раб. Партии) и гласящая:

«С'езд заявляет, что существующие сейчас в Англии парламент и органы местного самоуправления специально созданы для удовлетворения потребностей капиталистического строя и для законодательно-административного порабощения рабочего класса, — и что Советы (или Рабочие Комитеты) являются теми организациями, которые рабочие всех стран признают своим собственным, наилучшим орудием для свержения капиталистического строя и вместе с тем наилучшими органами управления при Коммунистической Республике».

Так же единогласно принимается и резолюция № 12:

«С'езд обращает внимание организованных рабочих на тот факт, что правительство организует для борьбы с рабочими «Гражданскую Гвардию», и предлагает принять меры для обсуждения создавшегося положения».

Резолюция № 13, мотивируемая тов. Панкхэрст и поддерживаемая т. Пендери, гласит:

«С'езд приветствует Третий (Коммунистический) Интернационал, основанный в Москве, и призывает все рабочие организации, представленные на с'езде, к принятию коммунистической платформы и к вступлению в Третий Интернационал. С'езд предлагает всем участвующим в нем делегатам позаботиться о том, чтобы их организации вышли из Второго Интернационала и из Рабочей Партии и примкнули к Третьему Интернационалу».

Принимается единогласно.

Затем единогласно же принимается следующая резолюция, поддерживаемая т. С. Уордом и Г. Андерсоном (Бр. Соц. П.):

«Ввиду серьезной опасности, угрожающей жизни тов. Бела Куна и других выдающихся коммунистов Венгрии, с'езд предлагает Британскому Министерству Иностранных Дел предоставить этим товарищам возможность безопасного проезда в Советскую Россию».

Представитель Тутингской организации Брит. Соц. Партии ставит на обсуждение резолюцию такого содержания:

«Ввиду недостатка квалифицированных рабочих в России, с'езд постановляет избрать комиссию для выработки плана, имеющего целью облегчить переселение в Россию желающим выехать туда машиностроительным рабочим и другим специалистам; вместе с тем с'езд решает обратиться к тред-юнионам с просьбой об оказании финансовой поддержки для осуществления этого плана».

Мотивируя эту резолюцию, товарищ из Тутингской организации предлагает отправить делегацию к премьер-министру для переговоров о паспортах.

Тов. Килей (Западно-лонд. Раб. Комитет) поддерживает резолюцию, но высказывается против посылки делегации к министру.

Тов. Симс Робертсон (Тов. служ. в тр.-юн.) указывает на то, что в России есть нужда не только в таких рабочих, которых принято называть квалифицированными или специалистами, и предлагает изменить текст резолюции так, чтобы она касалась всех рабочих, содействие которых окажется полезным. Эта поправка принимается.

Затем избирается комиссия в следующем составе: тов. Франклин (Союз Инструментальщиков), тов. Ф. Уиллис (Б. С. П.), т. Политт (Союз Котельщиков), тов. Рамзей (Лондонский Центр. Сов. Фабр. Ком.), Дж. Таннер (изд. газ. «Solidarity»), Т. Файм (Лонд. Центр. Сов.) и Н. Смис (Раб. Соц. Федер.).

Тов. Мак Манус (Нац. Союз Об'ед Углек.) и Дж. Таннер вносят резолюцию, гласящую:

«Ввиду того, что правительство согласилось выдать паспорта членам Рабочей Партии и делегатам Конгресса Тред-юнионов, с'езд постановляет принять меры к тому, чтобы были выданы паспорта и делегации рядовых рабочих, отправляемой в Россию с целью ознакомления с условиями тамошней жизни с точки зрения рядовых рабочих и для представления доклада о своей поездке».

Обосновывая эту резолюцию, Мак Манус указывает на желательность отправки в Россию вполне добросовестных делегатов. Из всего, что говорилось на Конгрессе Тред-юнионов, ясно, что их делегации доверять нельзя. Подозрительно уже то, что правительство выдает паспорта Гендерсону и К°, отказывая в этом всем другим.

Таннер прибавляет в свою очередь, что правительство собирается послать в Россию комиссию, состоящую из техников, с особыми задачами, имеющими в виду интересы капиталистов. Тем более необходимо поэтому, чтобы и рабочие-коммунисты послали туда своих представителей.

Уиллис (Индустр. Союз Строит. Раб.) также настаивает на посылке делегации, подчеркивая, что все члены комиссии, избранной Конгрессом Тред-юнионов, открыто заявляют о своем враждебном отношении к Советской власти.

С'езд постановляет поручить эмиграционной комиссии хлопоты о паспортах.

Затем председатель с'езда обращается к тов. Мак Альпину (Амер. Комм. Раб. П.) с просьбой ознакомить присутствующих с положением дел в Америке.

Мак Альпин рассказывает о господствующем в Америке белом терроре. Принадлежность к революционным партиям считается преступлением, которое карается долгими годами тюремного заключения. Оратор упоминает Дебса и других товарищей, томящихся в тюрьмах, и приводит целый ряд примеров зверского обращения американских капиталистов с коммунистами. То обстоятельство, что английские рабочие проявили такой интерес к судьбе Томаса Муней, заставило устыдиться тех американских рабочих, которые не приняли никакого участия в борьбе за его освобождение, и пробудило в широких кругах симпатию к арестованному. Оратор призывает с'езд к работе в международном масштабе, говоря, что борьба против капиталистического гнета носит мировой характер.

Заслушав доклад американского товарища, с'езд постановляет послать братский привет Союзу Индустриальных Рабочих Мира и американским коммунистам.

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Ввиду позорного краха Конгресса Тред-юнионов с'езд решает посвятить вечернее заседание обсуждению вопроса о положении углекопов и о способах их поддержки.

Слово берет т. Томас. Он говорит, что изменение требования о повышении ставок многим покажется, пожалуй, отступлением от принципа. Единственным правильным шагом было бы теперь предъявление таких требований, удовлетворение которых поколебало бы здание капитализма до самого основания. Забастовка является безусловной необходимостью, но он сомневается, чтобы такое скромное требование, как повышение ставок на 3 шиллинга в день, привело теперь к столкновению. Он уверен в том, что заправилы Союза Углекопов заранее знают, что это требование будет удовлетворено: иначе они не согласились бы выставить это требование. Южно-уэльские углекопы требуют теперь повышения ставок не менее чем на 2 фунта стерл. в неделю, ибо только такое повышение совершенно лишит владельцев копей всякой прибыли.

Тов. Мак Крэкен (Союз Донкастерских углекопов) говорит, что прибавку в 3 шиллинга владельцы копей преспокойно переложат на потребителей. Для того чтобы нанести чувствительный удар капиталистам, необходимо требовать гораздо большей прибавки, которая отразилась бы на экспортной торговле углем, ибо здесь цены ограничены иностранной конкуренцией.

Тов. Ласей (Эксетерская орг. Нез. Раб. П.) указывает на необходимость агитации среди железнодорожников для того, чтобы они лишили правительство всякой поддержки в случае забастовки углекопов.

После выступления еще нескольких товарищей, принимается резолюция, предложенная тов. Панкхэрст:

«С'езд рядовых рабочих выражает свое осуждение Конгрессу Тред-юнионов, трусливо отвергнув-

шему применение непосредственного действия в вопросе об угольных копях. С'езд убежден в том, что попытка добиться решения этого вопроса парламентским способом не приведет ни к чему.

С'езд обращается к рабочим всех других отраслей промышленности с призывом проявить полную солидарность с углекопами во время их забастовки. Со своей стороны с'езд обещает свою поддержку углекопам в их требовании о немедленном повышении ставок на 2 ф. ст. в неделю и в их борьбе за советизацию копей.

С'езд признает необходимость самой энергичной агитации в рабочих массах за советизацию всех отраслей промышленности и всей земли. В каждой из отраслей труда должны быть созваны конференции рядовых рабочих для выработки плана рабочего контроля. Выработанные планы должны быть отпечатаны и распространены повсюду, подобно тому, как это было сделано неофициальными представителями Южно-уэльских углекопов».

Затем принимается следующая резолюция:

«С'езд выражает свое негодование по поводу решения Конгресса Тред-юнионов отказаться от непосредственного действия и, вместо него, прибегнуть к буржуазно-политическим махинациям, которые, по словам вождей-тред-юнионистов, обеспечат углекопам исполнение их требований. Мы решительно осуждаем поведение Исполнительных Комитетов организаций углекопов, выставивших, не спросясь рядовых рабочих, требование прибавки в 3 шиллинга в день. Считая эту прибавку совершенно недостаточной, мы предлагаем рядовым рабочим всех угольных копей поддерживать выставленное Южно-уэльскими углекопами требование о повышении ставок на 2 ф. ст. в неделю.

Мы советуем рядовым углекопам, если это окажется необходимым, об'явить забастовку для достижения этой прибавки и призываем все рабочие организации к поддержке углекопов всеобщей забастовкой, направленной к свержению капитализма».

Почти без всяких дебатов принимается затем резолюция т. Пендери, осуждающая тред-юнионы, которые постоянно изменяют интересам рядовых рабочих, и указывающая на необходимость создания, вместо них, нового организационного аппарата, гарантирующего передачу всей власти в руки рядовых рабочих.

Выслушав доклад Джека Таннера, показания свидетелей и ответ У. Ф. Ватсона, с'езд, после тщательного обсуждения вопроса, большинством всех голосов против трех принял следующую резолюцию:

«С'езд рядовых рабочих признает безусловно недопустимым участие У. Ф. Ватсона в каких бы то ни было комитетах или комиссиях, избранных настоящим с'ездом».

W.

Лондон, апрель, 1920 г.

АВАНТЮРА КАППА И ЛЮТВИЦА.

(ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ)

I. Перед выступлением.

После пятнадцатимесячного господства правительство Носке и Эберта было опрокинуто грубым пинком офицерского сапога. Правительство это возникло в борьбе против рабочего класса; для того, чтобы удержаться у власти, оно все время продолжало вести кровопролитную борьбу со все растущим движением пролетариата и мало по малу восстановило господство военщины. Опираясь на нее, буржуазно-социалистическая коалиция сделала все, что было в ее силах, для укрепления пошатнувшегося было социального положения помещичье-капиталистического класса и под предлогом закрепления завоеваний революции систематически искореняла все те силы, которые действительно могли бы их закрепить и углубить.

Единственным ценным результатом ноябрьской революции была политическая активность пролетарских масс, проникшихся революционным сознанием и ставших угрозой дальнейшему господству юнкеров и буржуазии. Закрепить этот результат можно было только претворив его в дело, т.-е. вырвав из рук юнкеров и капиталистов право распоряжения источниками богатства и лишив их экономической власти.

Между тем, буржуазно-социалистическая коалиция, руководимая социалистами большинства, шла как раз в обратном направлении. Она систематически оттягивала решение вопроса о социализации и, в конце концов, совсем похоронила его; она снова восстановила диктатуру капитала на фабриках и заводах; она изуродовала стихийно возникшие во время революции Промышленные Советы, превратив их втечение полугода, под предлогом законодательного урегулирования их деятельности, в средство для возложения на рабочих всей ответственности за нормальное течение производства в частно-капиталистических рамках; она разоружила рабочих и путем контр-революционных штрейкбрехерских организаций («технический вспомогательный корпус») лишила их права стачек; введя осадное положение, она лишила их и свободы собраний, с головой выдав их эксплуататорам-капиталистам. За все время ее господства ни одно экономическое столкновение не закончилось победой рабочих,

хотя рабочие в этих столкновениях вели лишь оборонительную борьбу против ухудшения условий жизни и труда.

Буржуазно-социалистическая коалиция предоставила неограниченную свободу действий торговому капиталу, извлекавшему колоссальные прибыли из голода рабочих масс. Спекуляция достигла небывалого расцвета, а свобода вывоза, восстановленная в интересах экспортного и банкового капитала, повлекла за собой полную распродажу всех необходимых продуктов.

Для охраны святынь капитализма, для того, чтобы обеспечить помещикам, капиталистам и спекулянтам возможность беспрепятственной эксплуатации народных масс, правительство всеми мерами старалось поддерживать порядок и спокойствие. Оно воспользовалось для этой цели услугами генералов и офицеров, передав в их руки все средства государственной власти. Пока речь шла о борьбе с рабочим классом, между помещичьей и юнкерской камарильей, военной диктатурой и буржуазной контр-революцией, поддерживаемой социалистами большинства, царило трогательное согласие, но когда офицерская камарилья решила, что она достаточно сильна для того, чтобы держать в полном повиновении рабочие массы и без содействия социалистов, она задумала убрать совершенно излишнюю социалистически-республиканскую декорацию и стала искать лишь случая для того, чтобы окончательно избавиться от стеснявших свободу ее движений, неудобных союзников.

Буржуазно-социалистическое правительство давно уже превратилось в слепое орудие военной диктатуры. Оно беспрекословно исполняло приказы военных диктаторов, требовавших стеснения свободной деятельности рабочих масс. По предписанию генерала Люттвица правительство Эберта и Носке в средине января снова ввело осадное положение, отмененное было в декабре. Характерно, что Эберт, Носке и Бауэр, обнародовав 13 марта, перед своим бегством из Берлина, призыв к всеобщей забастовке, нарушили этим обязательное постановление, изданное тем же Носке!

Таким образом, партия социал-предателей, участвуя в социалистически-буржуазной коалиции, своей деятельностью подготовила военный мятеж контр-революционеров и отдала все трудящееся население во власть военной камарильи. Падение правительства Эберта-Носке знаменует полный крах буржуазно-социалистической демократии. Военным восстанием и крушением правительства Эберта-Носке заканчивается первый период борьбы германского рабочего класса за освобождение, которая с 9-го ноября 1918 г. не переставала идти на убыль.

В этот период была окончательно изжита та политическая иллюзия, будто буржуазно-социалистическая коалиция может создать выход из того критического положения, в котором очутился пролетариат после мировой войны. События этого периода, потребовавшие от пролетариата столько жертв, наглядно опровергли идеологические построения социал-предателей, проповедывавших гражданский мир с капиталом под лозунгом демократии. В России этот период изживания буржуазно-демократических иллюзий продолжался от марта до ноября 1917 г. Но тогда массы находились еще под влиянием мировой войны, и буржуазно-демократический гражданский мир казался средством для достижения международного мира.

В 1917 г. в России буржуазная демократия на вопрос: империалистическая война или пролетарский мир? ответила июньским наступлением Керенского и продолжением империалистической войны. Только пролетарский переворот решил этот вопрос в интересах миллионов рабочих и крестьян пролетарским миром, послужившим прологом мировой революции.

В Германии после переворота 9 ноября перед буржуазной демократией встал другой, не менее сложный вопрос: каким образом восстановить народное хозяйство в интересах всего народа? Вместо того, чтобы решить этот вопрос, германская буржуазная демократия занялась восстановлением капиталистического господства за счет широких слоев населения.

Считая, что в борьбе за прибыль, выжимаемую из эксплуатируемых слоев городского и сельского пролетариата, в борьбе за восстановление господства юнкеров и капиталистов, промышленному и торговому капиталу предоставляются слишком большие преимущества, помещики-юнкера решили разбить в дребезги все здание буржуазной демократии. Они были глубоко оскорблены в своих патриотических чувствах тем, что промышленному и торговому капиталу была предоставлена свобода эксплуатации, тогда как им приходилось еще считаться с некоторыми ограничениями.

Попытка восстания, организованная Каппом и Люттвицом, это — бунт юнкеров против буржуазной демократии, слишком односторонне оказывающей предпочтение интересам городского промышленного и торгового капитала.

Этот мятеж разоблачил буржуазную коалицию, показав всем и каждому, что целью ее является угнетение пролетарских масс в интересах одной части господствующих классов. Вместе с тем он показал пролетариям всего света, что буржуазная демократия — это такая правительственная организация, при которой генералы и помещики-юнкера могут снова добиться власти и потребовать полного уравнения в правах с представителями промышленного и торгового капитала. Проливая, таким образом, яркий свет на социальное содержание буржуазной демократии, мятеж этот обнаружил и истинную сущность социал-предательской идеологии, знаменем которой прикрывалась буржуазная демократия.

Германский рабочий класс — в этом надо отдать ему справедливость — сумел во время встать на защиту своих интересов. В ответ на наглую попытку юнкеров снова захватить в свои руки власть он об'явил всеобщую забастовку. Об'являя забастовку, рабочие вовсе не следовали паролю бежавших предателей, обагривших свои руки в рабочей крови: они стремились не к восстановлению конституционного режима Hocke, от которого вряд ли чем нибудь отличался бы режим Каппа, а к ниспровержению власти всех господ Каппов и Hocke и к установлению пролетарской власти.

Всеобщая забастовка распространилась на всю Германию, охватила все слои рабочих и служащих, остановила железные дороги, прекратила деятельность всех общественно-необходимых предприятий, и пролетариат ожесточенной вооруженной борьбой проложил себе путь к завоеванию политической власти.

II. Всеобщая забастовка и Германская Коммунистическая Партия.

Военный мятеж ни для кого не был неожиданностью. Если за несколько месяцев до него Центральный Комитет Германской Коммунистической Партии в одном из своих циркулярных писем к местным организациям заявлял, что правые партии не настолько глупы, чтобы попыткой вооруженного мятежа нарушить создавшееся весьма благоприятное для них положение, то надо сказать, что тогда такого же мнения придерживались в общем и наиболее выдающиеся представители юнкерской контр-революции. «Kreuzzeitung» и «Deutsche Tageszeitung» не раз решительно высказывались против планов военного восстания, будучи убеждены в том, что дальнейшее существование буржуазно-социалистической коалиции даст им возможность произвести мирный переворот при помощи вполне законных и конституционных средств. Не сходя с почвы законности, они, несмотря на осадное положение, угрожавшее репрессиями одним лишь рабочим, спокойно могли мобилизовать социальные и политические силы помещичьего класса, крупного крестьянства и чиновного дворянства, опираясь при этом на поддержку недовольных слоев мелкого крестьянства и мещанства. Репрессивная политика министерства и неуменье его справиться с продовольственными затруднениями давали богатую пищу их агитации, увеличивавшей число их сторонников в широких буржуазных кругах. Финансовая политика Эрцбергера, представлявшая собою героическую попытку посредством колоссальных налогов покрыть государственные долги и расходы, достигшие неимоверных размеров в результате пятилетней войны, восстанавливала против правительства всех имущих и живущих на постоянное жалованье, которые считали эту политику прямым следствием проигранной из-за революции войны.

Процесс Эрцбергера и Гельфериха, скомпрометировавший правительство Hocke-Эрцбергера, закончился полной победой правых партий, открывавшей им путь к законному свержению правительства. При этом и армия, благодаря режиму Hocke, была целиком отдана в руки генералов и офицеров. Таким образом, и военная сила и симпатии народа были, повидимому, на стороне правых. Оставалось решить только тактический вопрос: когда и как произвести переворот. Политические вожди юнкерской партии провоцировали политические дебаты в Национальном Собрании и выдвинули требование немедленного же назначения новых выборов в рейхстаг. Выставив кандидатуру Гинденбурга на пост президента, они думали — так сказать, «законным» путем — произвести государственный переворот. Но контр-революция, руководимая и раздуваемая правыми партиями, прорвалась в другом направлении. Военная клика сама взялась за дело и устроила насильственный переворот.

Германскую Коммунистическую Партию этот переворот отнюдь не застал врасплох. «Rote Fahne» еще в начале марта писало о тайно подготовляемом восстании, а Центральный Комитет в своем письме к организациям, составленном за несколько дней до восстания и выпущенном 13-го марта, говорил следующее: «Это развитие внутренней политики идет таким быстрым темпом, что революционный рабочий класс должен быть готов к самым неожиданным выступлениям со стороны военной контр-революции... Военная контр-революция пользуется, прежде всего, теми средствами, которые ей дает демократическая конституция. Она расчитывает на предстоящих выборах в парламент и на выборах президента сделать решительный шаг вперед. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что значительная часть крупного, среднего и мелкого мещанства и крестьянства обнаруживает все более и более сильную тягу назад, к Гинденбургу и Людендорфу. Но если военная контр-революция пока прибегает к средствам, созданным революцией, то было бы непростительной ошибкой думать, что она откажется от насильственных средств.

Одновременно, рука об руку с пропагандой и подготовительной работой, так называемым демократическим путем производится систематическая подготовка погромов и восстаний в самом грандиозном масштабе. Исторический опыт показывает, что бонапартизм, выступающий в Германии в новой форме, под видом этого контр-революционного движения, умеет сочетать оба эти средства: грубое насилие и демократию. Военная контр-революция, как всякая реальная сила, исходит в своей деятельности из того же принципа, который установила и наша партия в своей тактической платформе, где она заявляет, что не отказывается ни от одного политического средства, оставляя за собой полную

свободу применения любого из них в зависимости от условий времени и места».

Итак, Германская Рабочая Партия вполне ясно сознавала, что в случае военного восстания рабочий класс должен прибегнуть к самым решительным мерам обороны, не для того чтобы отстаивать конституцию, а чтобы оказать сопротивление контр-революционным мятежникам и навсегда уничтожить те источники, из которых возникают подобные мятежи. События доказали, что партия в целом — за немногими исключениями — действительно правильно учла положение и немедленно же решительно высказалась за всеобщую забастовку.

Иную позицию заняли берлинские организации партии, а с ними и Центральный Комитет. Повинуясь мимолетному настроению берлинских рабочих, они в своем первом воззвании, отступая от своей собственной платформы и против своего собственного убеждения, выражали ту мысль, что рабочие не должны и пальцем пошевелить ради демократической республики; они должны самостоятельно вступить в борьбу с военной диктатурой, сами выбрав для этого удобный момент и подходящие средства. «Этот момент—говорится в воззвании от 13-го марта—еще не наступил. Он наступит тогда, когда военная диктатура покажет свой истинный облик. Часть рабочих хорошо знает, что́ такое военная диктатура: они видят это на примере Венгрии. Но широкие массы поймут это только тогда, когда они на деле ознакомятся с военной диктатурой. Когда скорпионы обрушатся уже не на заложников, а на самих рабочих; когда к свирепому угнетению внутри страны присоединится еще угроза новой внешней войны, тогда рабочий класс ринется в последний бой, с боевым кличем: «Долой военную диктатуру! Да здравствует диктатура пролетариата! Да здравствует Германская Коммунистическая Советская Республика!»

Это воззвание выражало настроение, господствовавшее тогда среди германских рабочих, особенно в Берлине, где ненависть к режиму Носке была особенно сильна. Борьба за республику Носке и его друзей казалась до того абсурдной и настолько не вязалась с радостью, охватившей 13-го марта весь Берлин по поводу свержения Эберта и Носке, что — как бы основательно партия ни была подготовлена к подобным событиям и как бы решительно она в теории ни признавала необходимость борьбы против военной диктатуры,—всякие боевые лозунги в этот момент были психологически совершенно нелепы. О вооруженном восстании и всеобщей забастовке не могло быть и речи. Напротив того! Рабочие в Берлине поздравляли друг друга с военным мятежом. Вместо боевого настроения, всюду господствовало злорадство, которое с политической точки зрения вообще следует признать близоруким и заслуживающим всяческого осуждения, и которое мешало всякому проявлению возмущения и воли к борьбе. Только спустя несколько дней рабочий класс заволновался, и волнение это, все разрастаясь, дошло до небывалой степени ожесточенности и боевой страстности.

Лозунг всеобщей забастовки был провозглашен профессиональными союзами. Затем к нему присоединились и социалистические партии. Уже одно то, что лозунг этот исходил от Эберта, Носке, Бауэра и от контр-революционных профессиональных союзов легинского направления, бывших самой прочной опорой Носке, расхолаживало революционно настроенных рабочих. Ненависть к представителям кровавого режима была так велика, что для перехода от нее к боевому настроению, направленному против военной диктатуры, рабочим понадобилось некоторое время.

И все-таки в течение 24-х часов боевое настроение в Берлине сделало такие успехи, что всеобщая забастовка успела охватить уже рабочих всех профессий и даже такие обуржуазившиеся элементы, как почтовых чиновников и железнодорожных служащих.

Войска Люттвица своим поведением дали дальнейший толчок этой перемене настроения. В понедельник 15-го марта забастовка стала всеобщей. Железные дороги, трамваи, электрические станции, газовые заводы и водопровод не работали.

Во втором своем воззвании, выпущенном в понедельник, Германская Коммунистическая Партия заявляла, что признает всеобщую забастовку, ставшую совершившимся фактом, и пыталась формулировать политические лозунги начавшейся борьбы. Разумеется, партия и на этот раз не призывала рабочих к борьбе за правительство Носке. Выставленные ею требования, находившиеся в полном соответствии с программой партии, шли гораздо дальше: партия требовала замены буржуазной демократии советской республикой, покоющейся на рабочих Советах. Как на ближайших требованиях борющегося рабочего класса, партия в этом воззвании настаивала на немедленной отставке правительства Каппа и Люттвица, на разоружении и роспуске имперского ополчения, охранной полиции, домового ополчения и временного добровольческого корпуса, на немедленной конфискации оружия, находящегося в руках у буржуазии, на создании надежного революционного рабочего ополчения, подчиненного контролю рабочих Советов, и на освобождении всех политических заключенных. Кроме того, воззвание призывало рабочих к устройству Общего Собрания всех берлинских рабочих Советов, которое должно взять дальнейшее руководство всей начавшейся борьбой в свои руки и сплотить рабочих одной общей волей и стремлением к одной и той же политической цели.

Эти лозунги носили лишь общий пропагандистский характер, способствующий прояснению сознания масс, но они не могли усилить боевой пыл и внушить массам сознательное стремление к вполне определенной

цели. В такие моменты, как первые дни всеобщей забастовки в Германии, когда возбуждение и ожесточенность борцов достигают величайшей сконцентрированности, партия должна указывать массам непосредственную цель, в активном стремлении к которой может найти себе выход накопившаяся революционная энергия. Такой целью в данном случае могло быть вооружение рабочих; партия должна была провозгласить этот лозунг, воздержавшись пока от всяких дальнейших требований. Разумеется, надо было считаться с тем, что провозглашение этого лозунга поведет к стычкам, к нападениям отдельных групп на контр-революционные военные отряды. Но что важнее всего, лозунг этот, который отнюдь не должен был носить характер простого требования, пред'явленного правительству (в Берлине было одно только правительство—Каппа и Люттвица, для борьбы с которым и предназначалось оружие, а правительство Эберта и Носке, находившееся в Штутгарте, не захотело бы, да и не могло бы дать рабочим оружие), способствовал бы об'единению всей борющейся массы. Этот лозунг вооружения рабочих поставил бы перед вышедшими на улицу берлинскими рабочими массами вполне определенную цель, дал бы им ясный ответ на вопрос: что теперь делать. Но в берлинской организации преобладало слишком осторожное настроение, товарищи все еще не освободились от преувеличенной боязни бунтарских выступлений, причем под бунтарским выступлением они понимали стрельбу на улицах. Они не понимали того, что бунтарское выступление не означает одну лишь стрельбу и что не всякая стрельба является бунтарским выступлением. Бунтарское выступление, это—попытка насильственным путем достигнуть цели, не вытекающей из об'ективных условий. Борьба рабочих на улицах Берлина, имеющая целью разоружение войск и вооружение рабочих, не была—и не могла быть—бунтарской вспышкой, несмотря на то, что при этом дело вряд ли обошлось бы без перестрелки. Требование вооружения рабочих, указывая массам вполне достижимую конкретную цель, внушило бы им активный дух и увеличило бы силу их революционного написка.

Берлинская организация в среду 17 марта решила выпустить новое воззвание с целью успокоить рабочих и удержать их от опасных бунтарских выступлений. Что социалисты большинства и независимцы не выступили с лозунгом вооружения рабочих, это, конечно, вполне естественно, ибо они никогда не шли во главе движения, а всегда плелись в хвосте, не поспевая за развитием революционного сознания рабочего класса. Но то обстоятельство, что Германская Коммунистическая Партия втечение первых пяти дней борьбы (до четверга) не решалась провозгласить этот лозунг, отразилось самым роковым образом на всем ходе событий и лишило ее руководящей роли.

Кричащая о своем радикализме «оппозиция» (Центрально-берлинский Район Г. К. П.) также не исправила промаха, сделанного Германской Коммунистической Партией. Подхватив какие то нелепые сообщения о существовании в Берлине «Красной Армии», эта оппозиция ввела рабочих в заблуждение и, вместо того, чтоб организовать рвущиеся в бой рабочие массы, она стала распространять слухи о каких то, где то будто бы происходящих боях и открыла бюро для набора добровольцев в Красную Армию, аршинными плакатами приглашая отдельных рабочих записываться в эту армию. Как и следовало ожидать, эти нелепые бюро были закрыты балтийцами, и вся эта шумиха, в конце концов, способствовала лишь усилению натиска реакционных балтийских войск и ослаблению революционного рабочего класса.

Таким образом, всеобщая забастовка в Берлине не вылилась в вооруженное восстание, а так как всякое пролетарское выступление, которое оставляют на полпути безвсякого руководства, не давая ему окрепнуть в дальнейшем развитии, неизбежно ослабевает и обрывается, то и берлинская всеобщая стачка закончилась отнюдь не победоносно. Уже одно то обстоятельство, что фактическое руководство борьбой находилось в руках вождей профессиональных союзов, принадлежащих к социалистам большинства, было достаточно ярким симптомом того, что политическая значительность забастовки нисколько не возрасла за целую неделю. Лозунг Герм. Комм. Партии о выборе Советов и передаче руководства борьбой Общему Собранию Рабочих Советов был, собственно говоря, вполне правилен, но лишь в том предположении, что социалисты большинства будут лишены руководящей роли и роль эта перейдет к Независимой Социал-демократической и Германской Коммунистической Партиям. Между тем, предположение это нисколько не отвечало действительности, и независимцы заявили о своей готовности произвести выборы Рабочего Совета лишь спустя целую неделю, когда всеобщая забастовка потеряла уже всякое политическое значение. Только на девятый день было созвано Общее Собрание, и вся его задача заключалась в том, чтобы принять постановление о прекращении всеобщей забастовки, принятое уже за день до того Союзом Профессиональных Союзов с Легином во главе, Берлинской Генеральной Комиссией с независимцем Рушем и Центральным Комитетом Незав. Соц.-дем. Партии с Криспином во главе.

И вот, забастовка была прекращена, хотя рабочий класс не получил никаких гарантий своей победы и на деле, следовательно, победы не добился.

Втечение этой недели, пока происходила забастовка, велись переговоры с одной стороны—между правительствами Эберта-Носке и Каппа-Люттвица и с другой стороны—между Генеральной Комиссией Профессиональных Союзов и правительством Эберта-Носке.

Переговоры между правительствами закончились отставкой Каппа и назначением на пост командующего имперским ополчением

того самого генерала фон-Зеекта, который не счел нужным предложить свои услуги, когда Носке в ночь с 12-го на 13-ое марта обратился к генералам с вопросом, кто из них согласен вместе с ним организовать вооруженное сопротивление наступающим из Деберица контр-революционным войскам.

Переговоры между Генеральной Комиссией Профессиональных Союзов и правительством Эберта-Носке привели к компромисному соглашению, содержавшему, как известно, 9 пунктов.—Мы приводим текст этого соглашения:

«Присутствующие при заключении настоящего соглашения представители правительственных партий обязуются отстаивать в своих партиях проведение следующих мер:

1) чтобы при предстоящем образовании новых правительств — общегерманского и прусского — вопрос о личном составе решался партиями по соглашению с профессиональными организациями рабочих, служащих и чиновников, принимавшими участие во всеобщей забастовке, и чтобы этим организациям было обеспечено решающее влияние при пересмотре экономических и социально-политических законодательных мер, поскольку это не нарушает прав народного представительства;

2) чтобы немедленно же были подвергнуты аресту и наказанию все виновники восстания и свержения конституционных правительств, а равно и все чиновники, перешедшие на службу противозаконного правительства;

3) чтобы все государственные и общественные учреждения и предприятия были подвергнуты самой тщательной чистке с целью удаления из них всех контр-революционеров, особенно среди ответственных работников, и замены их вполне надежными элементами; должны быть восстановлены в правах все представители организаций, уволенные по политическим или профессиональным мотивам;

4) чтобы как можно скорее была осуществлена реформа администрации в демократическом духе, при участии экономических организаций рабочих, служащих и чиновников;

5) чтобы немедленно же было расширено и дополнено социальное законодательство, которое должно обеспечить рабочим, служащим и чиновникам полное социальное и экономическое равноправие; в самом ближайшем будущем должен быть введен демократический устав чиновничьей службы;

6) чтобы немедленно же было приступлено к социализации всех созревших для этого отраслей хозяйства, причем в основу этой социализации должны быть положены решения Комиссии по Социализации, к участию в которой должны быть привлечены профессиональные об'единения. Комиссия по социализации должна быть созвана немедленно; немедленно же должен состояться переход угольного и калийного синдикатов в руки государства;

7) должна быть произведена конфискация всех имеющихся продуктов, в отдельных случаях сопровождаемая отчуждением; должна быть усилена борьба со спекуляцией и мародерством в городе и деревне; должны быть приняты меры для строжайшего выполнения постановлений о сдаче излишков, и с этой целью должны быть организованы союзы поставщиков и введены серьезные наказания за злостное нарушение обязательных постановлений;

8) все военные части, не сохранившие верности конституции, должны быть распущены и заменены частями, набранными из надежных республиканских слоев населения, в особенности из организованных рабочих, служащих и чиновников, причем ни одной из этих категорий не должно быть оказано предпочтения перед другими. При этой реорганизации заслуженные права верных республике войск и охранного ополчения должны остаться неприкосновенными.

Вместе с тем сообщается, что министры Носке и Гейне подали уже прошения об отставке».

На основании этого соглашения был дан пароль о прекращении всеобщей забастовки, хотя каждому должно было быть ясно, что это соглашение было таким же клочком бумаги, как знаменитый трактат о бельгийском нейтралитете. В действительности военная клика удержала в Берлине в своих руках всю власть, и правительству Носке-Эберта, если оно хотело продлить свое существование, необходимо было снова прибегнуть к поддержке тех же ненадежных генералов и офицеров, на которых они опирались раньше.

Конечно, Берлин—это еще не вся Германия, но Берлин имеет решающее политическое значение дия всей Германии, и поэтому, хотя в других местах страны борьба против военного восстания велась с бо́льшим успехом и движение пошло дальше первоначальной цели, приходилось и там при постановке целей, достижимых в данный период борьбы, прежде всего учитывать положение в Берлине. Это совершенно правильно поняли наши товарищи в некоторых отдельных городах, и там, где Германская Коммунистическая Партия располагала сильными организациями, способными оказывать политическое и организационное влияние на массы и, благодаря строгой партийной дисциплине, проводить в жизнь партийные решения и лозунги,—местные военные успехи приводились в полное соответствие с общей политической ситуацией в стране. В таких местах победа имела своим следствием усиление рабочего класса и не угрожала ему опасностью реванша со стороны военной камарильи. Так обстояло дело в Хемнице, где рабочие под влиянием нашей организации разоружили солдат, вооружили рабочие массы и создали Совет из представителей всех трех партий, взявший в свои руки всю исполнительную власть в городе, что вполне соответствовало политической зрелости германского пролетариата. Свобода действий пролетариата в Хемнице, являющемся самым крупным промышленным центром Саксонии, была очень стеснена поражением дрезденских рабочих. В Лейпциге приверженцам Независимой Соц.-дем. Партии, вступившим в кровавый бой с войсками, не удалось захватить оружие, а в Дрездене господином положения оказался генерал Меркер, игравший весьма двусмысленную роль и отстаивавший якобы конституционные принципы. Хемницкий рабочий Совет пред'явил саксонскому правительству требование о реорганизации правительства и о назначении новых выборов в саксонский парламент.

Иначе развивались события в других местах. Так например, в Рурской области рабочие после ожесточенных боев, в которых они проявили величайшее мужество, освободились от военной диктатуры, завладели оружием, организовали рабочее ополчение и мобилизовали всех рабочих, создав один об-

щий боевой фронт. Рабочие Советы, об'единяемые Центральным Советом всей Рурской области, фактически находились под идейным влиянием Герм. Ком. Партии, которая по своей силе немногим уступала самой крупной из социалистических партий—Нез. Соц.-дем. Партии. Центральный Совет старался ограничить свою военную победу рамками политической возможности, т.-е. вести стратегическую победоносную кампанию так, чтобы по желанию можно было ликвидировать ее в тот момент, когда ее продолжение будет угрожать опасностью борьбы с более сильным противником. Как хемницкие товарищи, так и наиболее влиятельные товарищи в Рурской области отлично сознавали, что в этой борьбе, впервые об'единившей всех рабочих, не может быть полного согласия в вопросе о Советской власти. И в Рурской области Центральный Совет, под влиянием наших товарищей, решил прекратить борьбу, как только будут достигнуты гарантии того, что подобное военное восстание больше не повторится. Билефельдское соглашение вполне соответствовало политическим взглядам Центрального Совета и было бы весьма достойным заключением победоносной кампании, обеспечивающим победу рабочих даже на тот случай, еслибы военная камарилья вздумала нарушить его и попыталась бы отомстить рабочим новым кровопусканием. Но, в противоположность хемницкой организации, рурская организация нашей партии не обладала достаточной силой, и не раз случалось, что военные руководители вооруженных рабочих не подчинялись политическим директивам Центрального Совета и пытались навязывать ему свои собственные цели,—может быть и вполне естественные при создавшемся там, на месте, военном положении, но не соответствовавшие общему политическому положению всей страны.

И если в Рурской области борьба вышла за пределы политических целей, поставленных для всей Германии, если там рабочие поддались на провокацию генералов и в конце концов потерпели военное поражение, то виною этого было то обстоятельство, что там не было достаточно сильной, широко разветвленной и строго дисциплинированной местной организации Герм. Коммун. Партии, и поэтому наши товарищи не могли привести свои военные успехи в надлежащее соответствие с вполне достижимыми целями и во время закончить борьбу.

III. Политическое содержание мартовских боев.

Какие политические цели могли быть достигнуты в результате мартовских боев 1920 года? На этот вопрос Герм. Коммун. Партия должна была дать себе совершенно ясный ответ. Иначе, вместо того, чтобы руководить событиями, она была бы увлечена их потоком.

Совершенно правильно то мнение, что установление рамок политической борьбы должно быть результатом самой борьбы; верно также и то, что задача революционных партий должна заключаться в том, чтобы всеми средствами способствовать под'ему боевой волны, развитию и расширению борьбы до крайних пределов, обусловливаемых данной ситуацией; ясно, наконец, и то, что невозможно заранее предвидеть, каких размеров и какой глубины достигнет борьба. Но когда идейное влияние партии, как это мы видим на примере Германской Коммунистической Партии, не ограничивается пределами ее организации, а распространяется на широкие рабочие массы, тогда долг этой партии состоит не только в проведении революционного выступления, но и в самом тщательном соблюдении требований революционной стратегии, т.-е. партия должна уметь во время прекратить борьбу там, где ее продолжение грозит военным или политическим поражением. Задачей Герм. Коммун. Партии является не только достижение конечной цели, но и забота о том, чтобы завоевание промежуточных этапов по пути к этой цели было сделано с наименьшим количеством жертв для пролетариата. Поэтому на обязанности Герм. Коммун. Партии лежит, прежде всего, уменье произвести правильную политическую оценку борьбы в тот период, когда рабочий класс располагает еще всеми выгодами достигнутых военных успехов и находится на вершине своего могущества.

Именно таково было положение в Берлине, когда после шестидневной всеобщей забастовки правительство Каппа было совершенно ликвидировано, сам Капп сошел с политической сцены и Союз Профессиональных Союзов, под давлением рядовых членов союзов и рабочих масс, вынужден был пред'явить правительству Эберта требования, смысл которых сводился к тому, что буржуазно-социалистическая коалиция должна быть нарушена. Угрозой продолжения всеобщей забастовки можно было принудить правительство Эберта к образованию чисторабочего правительства, без всякого участия буржуазных элементов. Легин вел переговоры с Незав. Соц.-дем. Партией, стараясь побудить ее к вступлению в правительство. Правое крыло независимых было склонно согласиться на это на том условии, чтобы новое правительство опиралось исключительно на рабочих, организованных в социалистические партии и экономические рабочие союзы; таким образом, это крыло партии готово было содействовать образованию чисто рабочего правительства, в котором Нез. Соц.-дем. Партии было бы обеспечено преобладающее влияние. Отношение левого крыла партии независимых к этому вопросу зависело от того, какую позицию займет Герм. Коммун. Партия в случае принятия независимыми предложения Легина; а так как левое крыло пользуется в партии наибольшим влиянием, то фактически от Доймига

и его товарищей зависело, будет ли предложение Легина принято Гильфердингом и Криспином или нет. Когда о предложении Легина узнали наши представители в об'единенном Стачечном Комитете, они высказались в том смысле, что, по их мнению, образование рабочего правительства, без всякого участия буржуазии, предпочтительнее возвращения к власти старой буржуазно-социалистической коалиции, правление которой, несмотря на перемену лиц, по всей вероятности ничем не будет отличаться от режима Носке. Это выступление наших представителей послужило предметом всестороннего обсуждения в Центральном Комитете Герм. Коммун. Партии, который 21-го марта опубликовал следующее заявление:

1. Военное восстание Каппа и Лютвица означает полный крах буржуазно-социалистической коалиции. Пролетарская борьба против военной диктатуры была борьбой против буржуазно-социалистической коалиции, причем целью этой борьбы являлось расширение политической власти рабочего класса вплоть до полного устранения буржуазии.

2. Пролетарская диктатура может быть установлена лишь как диктатура части пролетариата, имеющей решающее значение, и предполагает существование сильной коммунистической партии, опирающейся на проникнутые революционным сознанием массы трудящегося населения, открыто признающие диктатуру пролетариата.

3. Настоящая стадия борьбы, при которой пролетариат еще не располагает достаточной военной силой; при которой Социал-Демократическая Партия (большинства) пользуется еще сильным идейным влиянием среди чиновников, служащих и некоторых слоев рабочих, и при которой Нез. Соц.-дем. Партия опирается на большинство городского пролетариата, — свидетельствует о том, что в настоящий момент не существует еще об'ективной основы для пролетарской диктатуры.

4. Для того, чтобы привлечь широкие пролетарские массы на сторону коммунизма, чрезвычайно важно добиться такого положения, при котором возможно беспредельное использование политической свободы и при котором буржуазная демократия не может выступать в форме диктатуры капитала.

5. Германская Коммунистическая Партия считает, что образование социалистического правительства без всякого участия буржуазных капиталистических партий создаст весьма благоприятные условия для самодеятельности пролетарских масс и даст им возможность достигнуть зрелости, необходимой для осуществления пролетарской диктатуры. Партия заявляет, что деятельность ее будет носить лояльно-оппозиционный характер, поскольку правительство не будет нарушать гарантий, обеспечивающих свободу политической деятельности рабочего класса, поскольку оно будет всеми имеющимися в его распоряжении средствами бороться с буржуазной контр-революцией, не препятствуя социальному и организационному усилению рабочего класса.

Говоря о том, что деятельность партии «будет носить лояльно оппозиционный характер», мы имеем в виду следующее: партия не будет подготовлять никаких насильственных переворотов, оставляя за собой, однако, полную свободу политической агитации за свои цели и лозунги.

Центральный Комитет
Герм. Коммун. Партии
(Союз «Спартак»).

21 марта 1920 г.

Это заявление Центрального Комитета вызвало в рядах партии сильную оппозицию и послужило предметом всестороннего обсуждения как в Берлинской Окружной организации, так и в Центральной Партийной Комиссии. Товарищи, выступавшие против этого заявления, приводили следующие доводы.

Одни из них говорили, что это отказ от нашего требования Советской Республики, другие же, которые понимали, что по пути к Советской Республике—этой конечной цели борьбы—необходимо пройти через несколько промежуточных этапов, придерживались того мнения, что формулирование требований, приуроченных к этим этапам, не дело той партии, которая стремится к конечной цели, лежащей дальше этих этапов. Таким образом, по мнению этих товарищей, вовсе не дело Герм. Коммун. Партии «помогать» образованию рабочего правительства или чисто-социалистического министерства, к которому партия должна будет стать в самую резкую оппозицию, так как ее политической целью является установление Советской Республики. Но наибольший успех имел при критике возвания довод, направленный не против самого содержания этого документа, а против Центрального Комитета, опубликовавшего свое заявление в неподходящий в тактическом отношении момент. Читая это заявление, можно было подумать, что при настоящем положении существует реальная почва для образования чисто-социалистического правительства, между тем как в действительности военная диктатура была тогда еще в полной силе, и необходимо было во чтобы то ни стало продолжать самую ожесточенную борьбу; в тот момент были вредны всякие дискуссии о вступлении Незав. Соц.-демокр. Партии в правительство, ибо они только ослабили бы активность борющихся рабочих масс, как это и было на самом деле. Товарищи, рассуждавшие таким образом, признавали, что существование чисто-социалистического правительства, опирающегося на рабочие Советы, могло бы обеспечить рабочему классу бо́льшую свободу действий, но они утверждали, что не дело коммунистической партии содействовать образованию такого министерства, что, напротив того, долг партии требует безостановочного продолжения борьбы и полного использования всех революционных возможностей.

Таким образом, мы видим, что противники заявления вовсе не считали чисто-социалистическое правительство чем то нежелательным; напротив того, эти товарищи предпочли бы, конечно, правительство Гильфердинга - Легина буржуазно - социалистической коалиции, и они сами внесли на заседание Центральной Комиссии резолюцию подобного содержания, которая могла быть целиком принята и всеми другими товарищами. Мы приводим текст этой, так называемой резолюции Брандлера:

Резолюция Брандлера, Тальгеймера и Познера,

Заявление Центрального Комитета Герм. Ком. Партии по поводу «чисто-социалистического»

правительства совершенно умалчивает о нашем критическом отношении к такого рода правительству. Расширенный Ц. К. признает, что чисто-социалистическое правительство может быть лишь переходной стадией к социализму. Центральная Комиссия со своей стороны заявляет, что в данный момент чисто-рабочее правительство, которое бы окончательно порвало с буржуазной коалицией, способствовало бы вооружению рабочих и повело бы энергичную борьбу за разоружение буржуазии, было бы весьма желательно. Такое правительство, опирающееся на рабочий класс, сплоченный вокруг революционных политических рабочих Советов, могло бы укоротить и облегчить тяжелый путь к цели.

Но в тот момент, когда было опубликовано это заявление, не было еще на лицо реальных условий для образования «чисто-социалистического правительства», ибо власть буржуазии не была еще достаточно поколеблена. Необходимо было поэтому самым энергичным образом развивать массовое выступление до тех пор, пока рабочий класс не овладеет теми орудиями власти, которые позволят ему устранить буржуазию от власти.

В тот момент, когда было опубликовано заявление, оно оказало задерживающее влияние на разразившуюся борьбу, помешав ее полному развитию и прервав ее на такой стадии, когда забастовка, не дошедшая до вооруженного восстания, не успела еще изменить соотношение сил настолько, чтобы возможно было образование чисто-социалистического правительства.

Герм. Коммун. Партия может вести свою дальнейшую политику, лишь следуя лозунгам своей собственной партии. Задача партии заключается в том, чтобы, подвергая самой резкой критике социал-демократов и независимых, взять в свои руки руководство предстоящей борьбой и направить революционное массовое выступление пролетариата к завоеванию и укреплению все новых и новых сильных позиций.

Частичные требования партии по пути к коммунистической конечной цели должны быть всегда в полном соответствии с этой конечной целью. При осуществлении их необходимо подвергать самой резкой критике те рабочие партии, которые фактически останавливаются на промежуточных пунктах, удовлетворяясь достигнутыми частичными требованиями.

За эту резолюцию было подано 8 голосов.

За другую резолюцию, внесенную Эберлейном, Майером и Фрисландом, было подано 12 голосов, между тем как против нее голосовало 7 товарищей.

Эта резолюция была следующего содержания:

Заявление Ц. К., опубликованное в «Rote Fahne» в такой момент, когда борьба была в полном разгаре, не могло не оказать на массы расхолаживающего действия. Задача представителей Герм. Коммун. Партии состоит исключительно в том, чтобы направлять все свои силы на изменение реального соотношения сил революционными средствами.

Герм. Коммун. Партия должна вести свою дальнейшую политику, следуя лишь лозунгам своей собственной партии.

Задача партии заключается в том, чтобы, подвергая самой резкой критике социал-демократов и независимых, взять в свои руки руководство предстоящей борьбой и направить революционное массовое выступление пролетариата к завоеванию и закреплению все новых и новых сильных позиций.

Итак, мы видим, что спор о заявлении Ц. К. Герм. Коммун. Партии был, в сущности, спором о тактике. Вопрос ставился таким образом: может ли Герм. Коммун. Партия во время борьбы поддерживать такое компромиссное предложение, которое означает некоторый шаг вперед по сравнению с предыдущей стадией, но отнюдь не соответствует целям и лозунгам партии? Критикам, утверждавшим, что заявление это было сделано несвоевременно, или—иными словами — слишком рано, можно указать лишь на то, что заявление было сделано партией не по ее собственной инициативе, а являлось ответом на запрос, обращенный к партии левым крылом независимых *). Что целью этого заявления не было преждевременное прекращение борьбы, явствует хотя бы уже из того, что наши представители в Стачечном Комитете, так же как представители правых и левых независимых, хотя они и вели переговоры с представителями Союза Профессиональных Союзов, считали желательным продолжение забастовки и действовали именно в этом направлении. Таким образом, момент для опубликования заявления вовсе не был выбран нами, и заявление это не могло ослабить борьбу: напротив, дальнейшее ведение борьбы было необходимо для того, чтобы сделать возможным существование социалистического правительства. Иначе обстоит дело с вопросом о том, не означало ли это заявление отказ коммунистической партии от своих собственных целей.

Если бы Герм. Коммун. Партия в начале борьбы или в ее дальнейшем развитии исходила из той мысли, что успешный ход борьбы может привести к созданию Советской Республики, то можно было бы с полным правом упрекнуть партию в том, что она пожертвовала собственной целью ради достижения компромиссной цели и отказалась от принципиальной борьбы, променяв ее на оппортунистическую политику компромиссов. Но ни один из членов Герм. Коммун. Партии ни в начале борьбы, ни в ее дальнейшем ходе не придерживался того мнения, что настало уже время для провозглашения Советской Республики в Германии, и что об'ективные условия и политическое самосознание рабочего класса уже созрели для этого. Напротив того! С самого начала Герм. Коммун. Партия считала кризис, вызванный контрреволюционным восстанием, лишь крахом буржуазно-социалистической коалиции, знаменующим, в политическом смысле, банкротство построенной на этой коалиции идеологии социалистов большинства.

В действительности и значительная часть рабочих, принадлежащих к партии социалистов большинства, и приверженцы радикального крыла этой партии не могли не признать того, что вся политика правительства Эберта-Носке, приведшая к Капповскому восстанию, была следствием буржуазно-социалистической коалиции, и что политическим результатом борьбы, которая должна была раз навсегда положить конец подобным

*) См. 42-ое циркулярное письмо Ц. К. Г. К. П. от 22-го марта 1920 г. (приложение).

восстаниям, должно было быть полное лишение буржуазии всякого влияния на аппарат государственной власти. На самом деле, и внутри самой партии большинства происходила борьба — за и против буржуазно-социалистической коалиции.

В тот момент, когда Герм. Коммунист. Партии был поставлен вопрос, как она относится к образованию чисто-социалистического правительства, забастовка еще не была окончена, и поэтому заявление, сделанное коммунистической партией, могло усилить левое крыло социалистической партии большинства в его борьбе против правого крыла. Таким образом, в политическом отношении заявление это должно было ослабить правое крыло Социал-демократической Партии и способствовать перемещению центра тяжести партии влево, усиливая позицию той части партии, которая стояла за образование рабочего правительства, за отказ от коалиции с буржуазией и готова была принять участие в составлении такого правительства совместно с Независимой Социал-демократической Партией.

По отношению к независимым заявление Ц. К. Герм. Коммун. Партии имело подобное же значение. Если бы правое крыло Независимой Соц.-дем. Партии вместе с левым крылом социалистов большинства составили чисто-социалистическое правительство, то последствием этого вовсе не был бы, как это утверждают противники заявления, переход масс, находящихся под влиянием левого крыла независимых, на сторону правого крыла; напротив, это повлекло бы за собой систематический уход рабочих из партии независимых в партию коммунистов. Правительственная деятельность гильфердингцев и каутскианцев окончательно разоблачила бы их в глазах широких масс, так же как она разоблачила социалистов большинства.

Но не свяжет ли партия себе руки, оказав содействие образованию такого чисто-социалистического правительства — тревожно спрашивали некоторые прямолинейные коммунисты. Не будет ли это обстоятельство использовано независимыми и социалистами большинства, как веский довод против коммунистов? Ведь те могут сказать, что коммунисты потеряли всякое право на критику, после того как они сами выразили готовность признать чисто-социалистическое правительство и даже обещали соблюдать полную лояльность по отношению к нему. Ответ на эти вопросы и сомнения очень прост: если бы чисто-социалистическое правительство выполнило те условия, при которых мы обещаем ограничиваться «лояльной оппозицией», если бы оно всеми мерами боролось против контр-революционной буржуазии и реакционного юнкерства, не ставя никаких препятствий рабочему классу, то нашей обязанностью было бы не только ограничиваться «лояльной оппозицией», но даже поддерживать это правительство, так как его борьба была бы и нашей борьбой. Если же оно не будет вести эту борьбу всеми имеющимися в его распоряжении средствами, если оно попытается бросать палки в колеса рабочего движения, то этим оно расшатает устои своего собственного существования, ослабив свою позицию по отношению к буржуазии и подорвав доверие к себе со стороны рабочих. В таком случае ни о какой лояльности не могло бы быть и речи, и Герм. Коммун. Партия была бы вынуждена бороться с этим правительством так же ожесточенно, как она боролась с правительством Носке. Мы нисколько не отказываемся от своей конечной цели, когда мы стремимся к достижению таких условий, при которых, правда, наши политические требования далеко не будут удовлетворены, но все же рабочий класс получит возможность свободы действий. Мало того, мы утверждаем даже, что это и есть самый естественный и самый желательный для Герм. Коммун. Партии путь развития, ибо, вступив на него, мы можем лучше всего подготовиться — и в политическом и в организационном отношении — к захвату пролетариатом политической власти.

Значит ли это, что мы недостаточно критически относимся к так называемому чисто-социалистическому правительству, что мы ожидаем от него решения всех вопросов, что мы думаем, будто оно может осуществить социализм так, как мы его понимаем? Ничуть не бывало! Мы отлично знаем, что социалистическое правительство, которое захочет демократическим путем устранить противоречие между трудом и капиталом, обречено на неминуемое банкротство. Оно не в состоянии будет осуществить действительную социализацию. Ему не по силам будет серьезная борьба с безработицей и дороговизной. Оно сможет сделать только одно: на деле доказать невозможность осуществления социализма без диктатуры пролетариата. Подобное наглядное доказательство этой истины имеет такое большое значение для подготовки рабочего класса к советской диктатуре, что, оставаясь вполне последовательной, партия, стоящая на платформе диктатуры пролетариата, не только может, но должна способствовать созданию такого политического положения.

Ошибка наших прямолинейных коммунистов заключается в том, что они стараются ускорить ход событий, заранее считая для германского пролетариата неизбежным тот тернистый путь, который русскому рабочему классу пришлось проделать для достижения диктатуры. Они забывают, что и русским рабочим гораздо легче было бы создавать свой советский строй, если бы им не пришлось так скоро прибегнуть к установлению своей диктатуры. И в России после Корниловского восстания обстоятельства сложились так, что там могло образоваться чисто-социалистическое правительство, и партия большевиков требовала от правительства Керенского, чтобы оно отказалось от вся-

кого сотрудничества с буржуазией, обещая в этом случае не делать попыток к насильственному свержению правительства. Но Керенский и меньшевики не согласились на это, и им пришлось испытать на себе все последствия этого шага. Однако, никто не сожалел так—с точки зрения интересов пролетарской революции — об этом политически-ложном и неумном шаге меньшевиков, как вожди большевиков, которым, благодаря ему, пришлось вступить в ожесточенную, потребовавшую колоссального напряжения и колоссальных жертв борьбу за достижение конечной цели, т. е. за захват политической власти. Борьба эта была бы значительно облегчена, если бы ей предшествовал более или менее продолжительный период окончательного изживания «чисто-социалистических» иллюзий и созревания пролетариата.

Заявление Ц. К. Герм. Коммун. Партии сыграло известную историческую роль, и если оно не привело ни к какому политическому результату, если за ним не последовало образование чисто-социалистического правительства, то ответственность за это падает во всяком случае не на Герм. Коммун. Партию.

Эта ответственность ложится, прежде всего, на правое крыло независимых, с Криспином во главе, которое добилось прекращения всеобщей забастовки в такой момент, когда рабочий класс еще не обеспечил себя от возможности восстановления режима Носке и когда руководимая Эбертом партия социалистов большинства была еще в состоянии отстоять свою коалиционную программу, несмотря на нападки на нее со стороны левых элементов партии.

IV. Уроки мартовской борьбы.

На следующий день после прекращения всеобщей забастовки, вождь буржуазной демократии Конрад Гаусман возвестил в германской прессе о «победе идеи коалиции». В этих трех словах выражен весь смысл того поражения, которое рабочий класс потерпел в этой борьбе. Несмотря на все жертвы, на неслыханное боевое воодушевление всего рабочего класса, германским рабочим не удалось в мартовские дни 1920 г. пробить брешь в твердыне буржуазного строя и проложить себе путь к завоеванию политической власти. Буржуазно-социалистическая коалиция осталась у власти, и не может быть сомнения в том, что она попытается восстановить режим Носке, заменив имя Носке каким-нибудь другим именем. Первым ее шагом после возвращения к власти был военный поход против Рурской области, где рабочим удалось добиться полного освобождения от военной диктатуры. Для снаряжения этой экспедиции пришлось амнистировать изменников-генералов, несмотря на изданный приказ об аресте Каппа, Лютвица и некоторых других руководителей восстания.

За походом в Рурскую область, паролем которого является «борьба против красного террора вооруженных банд», несомненно последует целый ряд подобных же мер, направленных не только к разоружению рабочих тех местностей, где они вооружились для борьбы с военной диктатурой, но и к лишению рабочего класса политических прав и к его социальному угнетению. Возродившаяся буржуазно-социалистическая коалиция попытается еще раз повторить эпопею военных судов 1919 года, и уже в конце марта 1920 г. Главнокомандующий Имперским Ополчением, генерал ф. Зеект, повторил приказ Народного Комиссара Филиппа Шейдемана, в январе 1919 г. фельдфебельским тоном потребовавшего от рабочих, под угрозой строжайших кар, немедленной сдачи того оружия, с помощью которого они свергли правительство прусских юнкеров.

Две недели спустя, после того как состоялось соглашение между Союзом Профессиональных Союзов и правительством Эберта-Носке и были подписаны знаменитые 9 пунктов, в которых профессиональные союзы обеспечивали себе решающее влияние на состав правительства, а правительство обязывалось немедленно же принять меры к очистке имперского ополчения, к демократизации войск и преобразованию их в республиканском духе, к немедленному началу социализации и т. д.,—никто ни словом не упоминал об этом соглашении. Дикая травля рабочего класса продолжалась, не прекратившись и до сего дня, и одному богу известно, до каких пределов контр-революционности дойдет это буржуазно-социалистическое правительство.

Но история не повторяется! Пролетарской борьбой марта 1920 г. закончился нисходящий отрезок линии революционного движения, и линия эта снова начала подниматься вверх. Сила германского пролетариата возросла. Возросло, благодаря борьбе, и сознание собственной силы. Небывало широкий размах массового движения создал единый пролетарский фронт, поколебать который не могут никакие контр-революционные меры буржуазно-социалистического правительства. Все здание буржуазного общества расшатано до самого основания мартовскими боями 1920 г. Возвращение социалистической партии большинства в коалиционное правительство нанесет последний, смертельный удар этой партии социал-предателей. Военное восстание было последним предостережением, данным историей партии Носке: после него она еще могла спастись. Но она не вняла этому предостережению. Правда, она изгнала из своей среды Носке и Гейне, но Герман Мюллер продолжает вести ту же политику, и доверие рабочего класса партия потеряла теперь навсегда. Рабочая партия, политика которой вполне последовательно привела к военному восстанию,—партия, которая не сумела извлечь урок даже из восстания Каппа; которая, после того как рабочие ценой величайших усилий снова поставили ее у вла-

сти, продолжает вести все ту же политику,— бесповоротно осуждена историей на смерть. На ближайших выборах, если не раньше, эта рабочая партия потерпит такое поражение, какого никогда еще ни в одной стране рабочие не наносили рабочей партии. Партия эта, вместе с правым крылом Незав. Соц.-дем. Партии, несет всю ответственность за то, что в стране все еще пользуется влиянием буржуазия—смертельный враг рабочего класса. Она несет ответственность за то, что у власти снова оказалась буржуазия и вместе с нею «обращенный в конституционную веру» милитаризм. Ей придется нести ответственность и за все последствия восстановления режима Носке.

В процессе развития германской революции был момент, когда социалисты большинства и правое крыло независимых могли бы придать развитию революции сравнительно спокойный ход, при котором громадное большинство трудящегося населения Германии, вплоть до самых отсталых слоев мелкого крестьянства и мелкой буржуазии, об'единенное стремлением к общему спасению, справилось бы с хозяйственной разрухой; при этом и борьба рабочего класса за освобождение не носила бы такого трагического, кровавого характера... Такой момент вряд-ли настанет когда-нибудь еще. Число рабочих, чиновников и служащих, разделяющих еще иллюзии социалистов большинства и верящих в спасительность буржуазно-демократических методов, будет теперь под влиянием возобновившейся буржуазно-социалистической коалиционной политики уменьшаться со дня на день.

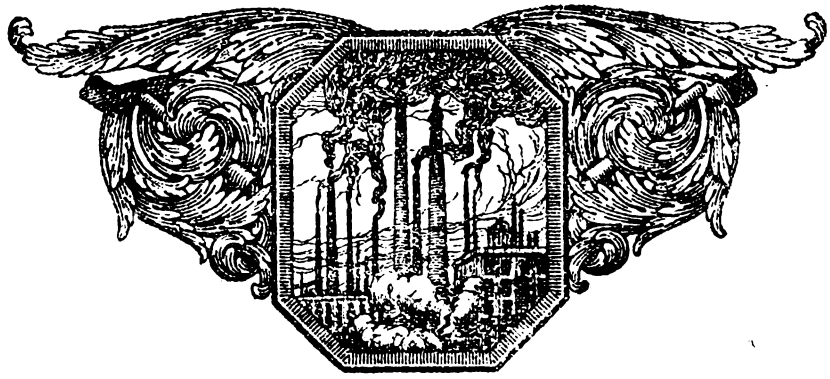
Руководимый Легином Союз Профессиональных Союзов пережил короткий период «бабьего лета», во время которого все руководство борьбой сосредоточивалось в его руках и к каждому слову его прислушивались широкие слои чиновников, служащих и рабочих. Но бюрократия профессиональных союзов и на этот раз самым позорным образом обманула доверие этих слоев трудящихся. Она снова выдала с головой трудящиеся массы диктатуре капитала, осуществляемой буржуазно-социалистической коалицией. Она сделала иллюзорными успехи, достигнутые всеобщей забастовкой, и обманным образом лишила рабочих, чиновников и рабочих всех завоеваний, достигнутых тяжелой борьбой. Но эта проделка могла ей удасться только один раз. Массы извлекут надлежащий урок из этих событий и перейдут на сторону коммунистической партии, единственной партии, которая все время указывала на то, что буржуазная демократия — это диктатура капитала и что спасти страну может лишь рабочая власть.

Когда широкие трудящиеся массы извлекут этот урок из событий, сопровождавших господство буржуазной демократии в 1919 году и восстание Каппа и Люттвица в марте 1920 г., они оттолкнут от себя таких политических вождей, как Легин и Криспин. Тогда не будет надобности и в чисто-социалистическом правительстве, составленном из социал-предателей партии большинства и «независимых» марионеток. Тогда громадное большинство трудящихся с презрением отвернется от всего этого «социалистического» сброда, и пролетариат, минуя все промежуточные этапы, водрузит знамя своей диктатуры.

Берлин, апрель 1920 г.

Спартак.

От редакции. В печатаемом письме из Германии, писанном одним из влиятельнейших германских коммунистов, затронуты немаловажные вопросы тактики, требующие ясного и точного ответа. Редакция рассчитывает в ближайшем номере «К. И.» поместить особое письмо Исп. Ком. Коммунистического Интернационала, дающее подробную оценку важнейшим разногласиям, наметившимся в германском коммунистическом движении.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ОБРАЩЕНИЕ ЗАП.-ЕВРОП. СЕКРЕТАРИАТА КО ВСЕМ ПАРТИЯМ, ПРИСОЕДИНИВШИМСЯ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Центральный Комитет Германской Независимой Социал-демократической Партии обратился с письмом 13 декабря 1919 г. к Исполнительному Комитету III-го Интернационала, в котором он сообщает Комитету о принятой на Лейпцигском партийном с'езде программе действий, и обращая на нее внимание Комитета, приглашает его принять участие в конференции, на которой, совместно со всеми революционными партиями, будет обсуждаться вопрос об образовании боеспособного Интернационала.

Это письмо, окончательное отношение к которому будет установлено Исполнительным Комитетом, опубликовано в независимой прессе и поэтому мы вынуждены поставить все примкнувшие к нам партии в известность о нашей собственной точке зрения по этому вопросу.

Программа действий Незав. С.-Д. П. стоит на почве диктатуры пролетариата, как пути к социализму. Эта позиция является результатом той борьбы, которую входящие в Нез. С.-Д. Партию организованные рабочие втечение целого года вели против оппортунистов-вождей партии. В этом смысле решение лейпцигского с'езда можно приветствовать, как победу пролетарских элементов Независимой Партии над ее оппортунистическими правыми вождями, стремящимися к компромиссу с буржуазией. Но правые вожди Незав. С.-Д. П. на деле вовсе не желают подчинится этому постановлению; их отказ на с'езде от той борьбы против всякой революционной тактики, которую они вели до сих пор, их участие в голосовании за программу действий, принятую единогласно, — все это означает не что иное, как ту же политику, что вели ревизионисты, голосовавшие в 1913 г. в Дрездене за резолюцию об обострении классовой борьбы, а затем на деле саботировавшие ее.

Что представители рабочих масс в Незав. С.-Д. П. не поняли скрытого смысла этой политики, видно хотя бы уже из того, что даже левые члены Незав. С.-Д. П. позволили правым вождям тут же на с'езде сделать первый шаг к сведению на нет программы действий: после лживых речей таких правых господ, как Оскар Кон и Ледебур, о терроре в Советской России, с'езд отклонил резолюцию, выражавшую ту безусловно правильную мысль, что на насилие со стороны буржуазии пролетариат должен ответить тоже насилием. Диктатура, отказывающаяся от применения насилия, это — то же, что нож без лезвия и без рукоятки.

Навязанный с'езду Незав. С.-Д. Партии ее правыми вождями отказ от применения насилия не помешает, конечно, рабочим массам в их борьбе на насилие отвечать насилием, но он ярко обнаруживает желание правых независимых — превратить диктатуру, которую им приходится признать под давлением рабочих масс, в безобидную игру в диктатуру. Опыт Мюнхенской и Венгерской революций наглядно доказал всю опасность подобной политики, неизбежно приводящей к тому, что при образовании рабочего правительства сами же мнимые приверженцы этого правительства на каждом шагу ставят ему палки в колеса. Программа действий не говорит почти ничего о том, как партия Незав. С.-Д. конкретно представляет себе борьбу за диктатуру; она не дает перспективы нарастающей революционной борьбы и не указывает отвечающей этому нарастанию тактики.

Если программа действий показывает, что процесс развития Незав. С.-Д. П. еще не закончен, то с еще бо́льшей ясностью мы видим это из постановления Нез. С.-Д. П. по вопросу об Интернационале.

Очутившись между разростающимся III-м Интернационалом, в ряды которого стремятся все новые и новые массы революционных рабочих всех стран — с одной стороны и трупом II-го Интернационала — с другой, Нез. С.-Д. П. не решается присоединится к III-му Интернационалу, как того требовали левые независимые. Правда, партия, наперекор желанию части своих правых вождей, вышла из состава Желтого Интернационала, но, вместе с тем, она решила сначала обсудить

вместе с другими партиями вопрос об образовании революционного Интернационала.

Коммунистический Интернационал на своем конгрессе определенно изложил свою точку зрения, и только от принятия или непринятия его программы должно было, при принципиальном обсуждении вопроса, зависеть решение с'езда о присоединении или неприсоединении к Коммунистическому Интернационалу. Между тем, с'езд Незав. С.-Д. П. уклонился от ответа на вопрос, в чем именно он не согласен с III-м Интернационалом, в каких именно вопросах программы и тактики. Приводившиеся на с'езде мотивы отказа от вступления в III-й Интернационал не были ни принципиального, ни тактического характера. Тут указывалось либо на оскорбление партийной чести, либо на опасение, что Коммунистический Интернационал, может быть, вздумает направлять всю политику Незав. С.-Д. П. своими директивами из Москвы.

Если III-й Интернационал в своих воззваниях нападает на Незав. С.-Д. П., то это может только приветствовать каждый революционный член партии независимых, протестующий против политики коалиций с социалистами большинства и продолжающий бороться против демократических иллюзий, не изжитых вождями партии и после выхода их из правительства.

Высказываясь на конгрессе за диктатуру пролетариата, Нез. С.-Д. П. тем самым всецело признала обоснованность нападок Коммунистического Интернационала на всю ее прежнюю тактику и справедливость обвинения в том, что она до сих пор не стояла за диктатуру пролетариата. Именно поэтому ей и не было предложено принять участие в основании III Интернационала.

Что же касается утверждения, что Коммунистический Интернационал вздумал бы из Москвы навязывать пролетариату какой-нибудь страны те или иные конкретные решения, то оно лишено всякого основания.

Коммунистический Интернационал установил на своем конгрессе общие принципиальные основы политики для всех своих составных частей, вытекающие из революционного развития. Там, где достигнутая к настоящему моменту степень революционного развития пока еще делает невозможным применение намеченной общей тактики по тому или иному конкретному вопросу, партия данной страны должна сама определить те средства, которыми она может достигнуть общей цели.

Нез. С.-Д. П. не может указать ни одного такого случая, когда бы Исполнительный Комитет III Интернационала пытался навязать какой-нибудь коммунистической партии какие-бы то ни было свои решения.

Если Нез. С.-Д. П. считает нужным сделать III Интернационалу какие-нибудь тактические или програмные предложения, то Центральный Комитет Нез. С.-Д. П. должен сделать это открыто, чтобы ему мог быть дан такой же открытый ответ, ибо выработка программы и тактики пролетарской революции, это — дело самого рабочего класса, а не маленькой кучки его вождей. Конечно, открытое обсуждение не исключает и предварительных переговоров между представителями организаций. Но ведение таких переговоров требует, прежде всего, установления тех вопросов, по поводу которых желательно вести переговоры, и точного указания, с кем именно предполагается вести переговоры.

Центральный Комитет Нез. С.-Д. П. не счел нужным указать ни того, какие вопросы он находит необходимым обсудить, ни того, с кем именно она предполагает вести переговоры. Хотя Нез. С.-Д. П. обратилась со своим письмом не к одному только Исполнительному Комитету, она все же не указывает Исполнительному Комитету, кого она еще предполагает привлечь к участию в переговорах. Мы позволяем себе прямо поставить вопрос: имеет ли Центральный Комитет Нез. С.-Д. П. в виду пригласить для обсуждения немецко-австрийских, шведских и голландских социал-демократов, французскую социалистическую партию, а также английскую Независимую Рабочую Партию?

Мы заявляем открыто, что считаем совершенно невозможным вести с немецко-австрийскими, шведскими и голландскими социал-демократами какие-либо переговоры об образовании революционного Интернационала; переговоры же по этому поводу с английской Независимой Рабочей Партией мы считаем заранее обреченными на неуспех. Немецко-австрийская, шведская и голландская социал-демократические партии стоят фактически на почве оппортунизма, на почве коалиционной политики с буржуазией. Английская Независимая Рабочая Партия в большей своей части носит реформистский характер и отклоняет всякую мысль о диктатуре пролетариата.

Таким образом, остаются лишь две социал-демократические партии, с которыми можно было бы вступить в переговоры — французская и швейцарская. Во французской партии имеется правое крыло безусловно реформистского направления. Переговоры с ее центром о присоединении к Коммунистическому Интернационалу невозможны до тех пор, пока она фактически находится под влиянием Реноделя и Тома или пока она не заявит о своем решении отказаться от сотрудничества с этими пособниками буржуазии. Мы приветствовали бы это от всей души, если бы большинство французской социал-демократии выразило желание идти с нами рука об руку, и выборная кампания, которую это большинство вело под лозунгом защиты Советской России, дает нам надежду, что не далек уже тот день, когда французские революционные рабочие принудят своих вожаков отбросить все колебания и вступить на путь последовательной революционной борьбы. Тогда наступит время для переговоров между Коммунистическим Интернационалом и французской социалистической партией.

Таким образом, поскольку речь идет о Европе—а об Америке Нез. С.-Д. П. очевидно не думала, предлагая созвать об'единительную конференцию в феврале—остается еще лишь швейцарская социал-демократическая партия.

Швейцарская партия посредством общего голосования постановила, правда, выйти из II Интернационала, но она не решилась вступить в III Интернационал. Она выразила пожелание об об'единении всех революционных элементов.

Как мы только что выяснили, кроме Нез. С.-Д. П., нет ни одной такой массовой пролетарской партии, не входящей в III-ий Интернационал, которую можно было бы иметь в виду, говоря об образовании революционного Интернационала.

Поэтому проще всего швейцарская социал-демократическая партия могла бы исполнить свое пожелание, согласившись с Незав. С.-Д. П. в вопросе о том, на каких условиях она может примкнуть к единственному существующему международному об'единению революционных партий—Коммунистическому Интернационалу.

Мы опасаемся, однако, что условия вступления швейцарской социал-демократии в Коммунистический Интернационал будут несколько разнится от условий Нез. С.-Д. П.

Так как III-ий Интернационал не возбраняет своим приверженцам применение парламентского орудия борьбы, то швейцарская соц.-дем., или точнее говоря, ее правые вожди могут вести здесь речь лишь о том, может ли III-ий Интернационал признать допустимость таких революционных средств борьбы, как занятие социалистом поста начальника полиции в капиталистическом государстве. Мы не думаем, чтобы Нез. С.-Д. П. считала желательным обсуждение такого вопроса совместно с III-м Интернационалом.

Итак, речь идет вовсе не об об'единении различных партий в новый революционный Интернационал, а попросту о том, желает ли Нез. С.-Д. П. вступить в III-ий Интернационал, или нет. Для решения этого вопроса нет теперь надобности ни в каких международных переговорах. Для этого нужно лишь, чтобы Нез. С.-Д. Партия вступила в переговоры с III-м Интернационалом. Мы думаем, однако, что вопрос о присоединении Нез. С.-Д. П. к III-му Интернационалу только тогда будет решен быстро и в соответствии с революционным духом рабочих, входящих в Нез. С.-Д. П., когда вопрос этот будет рассматриваться не как дело одних лишь руководителей партии, подлежащий обсуждению на тайных конференциях, а как общее дело широких рабочих масс.

Западноевропейский Секретариат Коммунистического Интернационала.

15 января 1920 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ФРАНЦУЗСКИХ КОММУНИСТОВ ТОВАРИЩАМ-КОММУНИСТАМ ДРУГИХ СТРАН.

Коммунисты всех стран!

Выражая чувства коммунистических рабочих Франции, Комитет Третьего Интернационала приветствует первую годовщину Коммунистического Интернационала и повторяет вам свое обещание непоколебимой солидарности, которая об'единяет нас в охватывающую весь мир партию.

Год прошел с тех пор, как новый Интернационал рабочих был основан в Москве избранной группой международных коммунистов, об'единившихся под знаменем Великой Российской Пролетарской Революции. Как сильно возросло за этот год непримиримой борьбы между капитализмом и пролетариатом количество жертв зверской жестокости буржуазного террора! Во всех странах коммунисты оплакивают потерю героев — передовых борцов за дело коммунизма и вспоминают деятельность убитых. Память Володарского, Урицкого, Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Ландауера, Евгения Левине, Отто Корвина и многих других передовых борцов за дело угнетенных будет жить повсюду, где люди борются за свое освобождение. Кровь мучеников не пролилась напрасно. Социальная революция, начавшаяся в России, непобедима, и непреодолимый рост ее сил является смертельной угрозой капиталистическому варварству. Союз революционных организаций обеих частей света, Коммунистический Интернационал, заявляет, что пробил час решительной борьбы между мировым пролетариатом и преступной властью международного капитализма.

Коммунисты всех стран! Знайте, что пролетариат Франции не будет оставаться в стороне от освободительной борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров. Империалистическая война и уроки европейской революции приносят теперь плоды.

Та роковая ошибка, которая долго оставляла бесплодными усилия французского рабочего класса, обманутого изменниками социализма и синдикализма, теперь не страшна, благодаря тому значению, которое имеет коммунистический пример. Плодотворное учение Третьего Интернационала сделало передовых борцов французского народа боеспособными. Лучшие французские рабочие отталкивают уже от себя ренегатов рабочего

движения, отклоняют «сотрудничество классов» и становятся на свое место на международном революционном фронте, исполненные воодушевления по отношению к испытанным приемам коммунистической борьбы. Во Франции растет сильная опора для Третьего Интернационала. Французские коммунисты будут непоколебимо исполнять свой долг, следуя примеру тех, которые погибли за свободу рабочего класса.

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

За Комитет Третьего Интернационала:

Ф. Лорио, П. Монат, Б. Суварин.

ОБРАЩЕНИЕ КОМИТЕТА ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА К ФРАНЦУЗСКИМ СОЦИАЛИСТАМ.

Следя за развитием событий международной общественно-политической жизни, Социалистический Интернационал предвидел войну и указывал на то, что только пролетариат в состоянии воспрепятствовать ей, ибо это единственный класс, который от готовившейся войны не мог ничего выиграть, но мог все потерять. Поэтому Социалистический Интернационал старался пробудить в рабочем классе сознание необходимости бороться против войны, указывая вполне определенные меры для успешного ведения этой борьбы. Три последних международных конгресса (Штутгартский, Копенгагенский и Базельский) посвятили значительную часть своего времени обсуждению вопроса о том, что должен пролетариат предпринять для предотвращения войны. Как прения, так и резолюции этих конгрессов знаменовали крупный шаг вперед по сравнению с прежними международными конгрессами. Основываясь на тщательном изучении социальных явлений, предшествовавших событиям 1914 года, Интернационал установил, что война неминуемо должна повлечь за собою кризис, который пролетариат может использовать в своих интересах. Эта мысль ясно выражена в резолюции Штутгартского конгресса, текст которой был снова подтвержден и в Копенгагене и в Базеле. «Если же война—говорилось в этой резолюции—все-таки разразится, то долг всех социалистических партий вмешаться в ход событий с целью немедленного ее прекращения и всемерного использования вызванного войною экономического и политического кризиса для поднятия широких слоев народа и ускорения падения капиталистического господства».

Из всех резолюций международных конгрессов явствует, что Интернационал давал социалистическим партиям и примыкающим к ним профессиональным союзам следующие директивы: 1) препятствовать об'явлению войны; 2) по возможности сократить ее продолжительность; 3) толкать массы к социальной революции.

Известно, как вели себя, в отсутствие массы мобилизованных товарищей, главари крупных социалистических партий Германии, Франции, Австро-Венгрии; как они старались оправдать свою милитаристскую политику и свое отречение от принципов социализма такими метафизическими и идеологическими построениями, как «национальная оборона», «война за право и справедливость», «борьба за освобождение угнетенных народов», «война за демократию, за об'единение народов». Вся эта метафизика грозила—особенно во Франции—совершенно заслонить собой великую марксистскую идею исторического материализма и классовой борьбы и служила для капиталистической буржуазии, вызвавшей эту бойню, лишним поводом к тому, чтобы еще более продлить войну, скрывая в то же время истинные свои цели.

Известно также, к чему привели сперва в Брест-Литовске, а позднее в Версале и Сен Жермене, все эти утопии, наиболее нелепым синтезом которых был «вильсонизм».

Между тем, при этом крушении всех социалистических идей, меньшинство, сначала незначительное, но затем все увеличивающееся, продолжало открыто и стойко поддерживать лозунги Интернационала, строго соблюдая в своих выступлениях основные положения, принятые в Штутгарте.

Стремление этого меньшинства поддерживать международные сношения и во время войны привело к международным социалистическим конференциям женщин и молодежи, состоявшимся в Берне в марте 1915 г., к конференциям в Циммервальде (сентябрь 1915 г.), в Кинтале (апрель 1916 г.) и в Стокгольме (сентябрь 1917 г.).

Все резолюции, принятые этими конференциями, ясно свидетельствуют о стремлении сохранить в неприкосновенности все теоретические и практические положения коммунистического социализма Маркса,—в противовес всем новейшим утопиям.

Во Франции, где отклонение от прежней позиции было наиболее ощутительно,—так как там единственная социалистическая партия долго противилась восстановлению международных связей и некоторое время почти

целиком поддерживала лозунги президента Вильсона,—наша фракция, сплотившаяся вокруг Комитета по Восстановлению Международных Связей, преобразованного ныне в Комитет Третьего Интернационала, работала не покладая рук, не идя ни на какие компромиссы и свято соблюдая требования, выставленные вышеупомянутыми конференциями.

Весь ход империалистической войны и ее заключение явились блестящим доказательством того, как верен был прогноз Интернационала и как правильна была линия поведения интернационалистической оппозиции, к которой принадлежала и наша фракция.

Право народов и сейчас, как и раньше, попирается ногами, — милитаризм могущественнее и грознее теперь, чем он был когда-либо раньше.

Мы не считаем нужным снова возвращаться к обсуждению всех ошибок, сделанных социалистами враждебного нам направления («гражданский мир», голосование за военные кредиты, участие в правительстве), а также их частичного или полного отречения от идей Интернационала; укажем только, что партийным товарищам и всему рабочему классу следует извлечь из этих ошибок тот поучительный урок, что необходимо особенно тщательно рассмотреть предлагаемые партией программные положения, ибо по милости тех фракций, которые так долго и так сильно заблуждались, мы переживаем теперь тяжелый критический момент.

Если прогноз Интернационала о причинах и последствиях мировой войны оправдался самым неопровержимым образом,—то, надо сказать, что вызванный войною 1914—1919 г.г. экономический и политический кризис оказался еще более глубоким и общее положение—еще более революционным, чем того ожидали социалисты. Действительно, никто не мог предвидеть, что эта бойня будет так продолжительна, что она повлечет за собой такое ужасающее истребление человеческих жизней и всяких ценностей, такую страшную дороговизну, такую полную и повсеместную разруху и дезорганизацию.

Те партии и фракции, которые никогда не увлекались утопиями «военного социализма», которые не переставали рассматривать факты с точки зрения критических методов научного социализма, освещая и разъясняя эти факты широким слоям народных масс в своей революционной агитации,—эти партии всегда были и всегда будут наиболее подготовленными к осуществлению великого дела освобождения мирового пролетариата. Кроме того, по своему духовному и моральному положению, они, более чем кто-либо другой, способны сплотить сознательные элементы рабочего класса и использовать материальные революционные силы, незаметно накопившиеся в разных странах.

Закончившаяся мировая война породила несколько революций. Первая из этих революций, революция в России, которой принадлежит великая честь почина, имеет для революционного движения мирового пролетариата такое же значение, какое имела французская революция—для других, буржуазных революций; русская революция привела в своем развитии к завоеванию всей власти пролетариатом и, несмотря на неисчислимые препятствия, чинимые капиталистами и их слугами, она неуклонно идет к полному осуществлению коммунизма. Германская революция была приостановлена в своем развитии соглашательской политикой ее противников. Революция в Немецкой Австрии остановилась на полпути. Венгерская революция пала под ударами империализма Антанты, пала жертвой предательства социал-реформистов, ослепленных иллюзиями буржуазной демократии.

Социалистические фракции, вполне или отчасти сошедшие с пути, намеченного до войны Интернационалом, неспособны понять смысл и значение пролетарских революций. Они заняли по отношению к ним враждебную или колеблющуюся позицию, и этим нанесли большой ущерб их развитию и общему революционному движению пролетариата.

Извращение идеи социализма некоторыми из этих изменнических фракций, неспособность их подняться до той высоты положения, которой требуют события, все это ярко обнаружилось в выступлениях Второго Интернационала. Достаточно рассмотреть в свете важнейших событий последнего года резолюции, принятые Бернской и Люцернской конференциями и созданным ими исполнительным органом, чтобы убедиться в том, что Второй Интернационал постоянно оказывался не на высоте положения.

Между тем, принципы марксистского коммунизма, нашедшие себе приложение в бурную эпоху русской революции и других революций и составляющие основу деятельности III Интернационала, проникают все глубже и глубже в сознание пролетарских масс. Диктатура пролетариата, до русской ноябрьской революции остававшаяся отвлеченной формулой, получила свое осуществление при создании Советской Власти. Это обстоятельство заставило социалистические партии и рабочие массы подвергнуть основательному рассмотрению вопрос о диктатуре, и теперь способы осуществления диктатуры, примененные на деле русским пролетариатом, все более и более усваиваются революционными массами; а под напором масс вынуждены идти на уступки и социалистические вожди их. Еще до войны измена некоторых парламентских представителей французской социалистической партии вызвала недоверие к партии в значительной части революционного пролетариата. Это недоверие все более и более отдаляло центральные органы партии от рабочей массы,—все увеличивая их зависимость от парламентской фракции.

Дело дошло до того, что силу партии стали определять числом ее представителей

в парламенте, совершенно искажая смысл социалистической программы, подчеркивающей необходимость завоевания власти.

Продолжительное и резкое отклонение партии в сторону «военного социализма» еще более увеличило это недоверие масс, которое, несмотря на все усилия интернационалистической оппозиции, и до настоящего времени еще не вполне удалось рассеять.

Это отношение партии к революционному учению и к революционным элементам лишало ее возможности выполнять свою историческую миссию, заключающуюся в том, чтобы освещать массам путь к социализму и вести их по этому пути, быть мозгом и совестью пролетарской революции. Партия до сих пор еще цепляется за низшие формы борьбы и не в состоянии поэтому ни об'единить все революционные силы, ни использовать благоприятные для развития революции условия. Это несоответствие между революционными требованиями масс с одной стороны и моральной силой и творческой инициативой партии — с другой, грозит поставить французский пролетариат в трагическое положение: революционное движение, возникшее в самых недрах народных масс, может оказаться бесплодным, вследствие недостатка просвещенных вождей.

Партия должна поэтому пробудиться от спячки, возвыситься до уровня идей большинства мировых социалистических партий, привести свою программу и тактику в соответствие с требованиями настоящего момента, с революционными стремлениями угнетенного пролетариата и с боевой позицией, занятой буржуазией.

Наша фракция нисколько не была удивлена тем миром, которым империалистский милитаризм закончил мировую войну. Не была она удивлена борьбой, предпринятой капиталистами против пролетарских революций, ни даже теми мерами, которые якобы демократическая буржуазия принимает или собирается принять, отстаивая свое существование.

История народов, написанная самими господствующими классами, смысл которой был гениально раз'яснен Карлом Марксом, убеждает нас в том, что каждый класс, пользуясь идеальными философскими и политическими принципами в своей борьбе за власть, забывает об этих принципах в тот момент, когда для него начинается борьба за сохранение своих привилегий. Если бы существующий избирательный закон и всяческие меры подкупа, которыми располагает буржуазия, оказались недостаточными для того, чтобы помешать легальному завоеванию власти социалистами, то буржуазия, несомненно, выработала бы более целесообразный закон для защиты капитализма. Она воспользовалась бы для этой цели всеми средствами, и в случае неудачи, не колеблясь, прибегла бы к насилию или к государственному перевороту.

Раскол радикальной партии не должен удивлять или беспокоить нас. В момент обострения борьбы между буржуазией и пролетариатом,—борьбы, в которой первая должна победить или погибнуть, — промежуточные партии представляют лишь незначительную и притом вредную часть сознательного социалистического пролетариата.

Идея возрождения радикальной партии, под видом якобы новой демократической партии, и проект восстановления «республиканского блока»—могли бы оказаться роковыми для социалистической партии, если бы она совершила величайшую ошибку, поддавшись влиянию этих идей. Это было бы новым уклонением от правильного пути, которое привело бы к новой трате организованных сил французского пролетариата.

Революционеры, которые еще не забыли раскола, происшедшего в партии вследствие политики республиканских коалиций; которые помнят, какие ничтожные результаты дал «блок», и которые еще недавно были свидетелями крушения вильсоновской утопии, — сумеют реагировать на попытки тех, кто являются сторонниками сотрудничества классов, и со своей стороны выставят старое требование безусловной свободы действий для социалистов и рабочих. Внимательное наблюдение событий национальной и международной жизни неоспоримо доказывает, что социальный кризис все обостряется и что революция приближается. Настоящий состав французской палаты и усилия, пущенные на последних выборах в ход для достижения коалиции, подтверждают, что и буржуазия, так же как и мы, отдает себе отчет в том, какой удар ее ожидает, и так же готовится к борьбе, как и рабочий класс. Итак, социалистическая партия должна пойти не с защитниками основ существующего строя, а с теми, кто воплощает в себе революционную энергию; с теми, на кого она может положиться; с теми элементами, которые окажутся для нее необходимыми в момент активного выступления.'

Социалистическая партия не может совершить этот революционный сдвиг, не примкнув к Третьему Интернационалу, т. е. не признав руководящей идеи пролетарской революции, формулированной в наших резолюциях, которые мы и просим вас поставить на обсуждение в ваших секциях и федерациях, ввиду предстоящего партийного с'езда, и поддержать их на с'езде своими голосами.

Комитет Третьего Интернационала.

За Секретаря: **Лорио.**

К ПРОЛЕТАРИАТУ И ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЕ ВЕНГРИИ.

Мученики, погибшие на виселице за то, что они стремились к осуществлению коммунизма, к установлению пролетарской диктатуры; мученики, которых гнусное предательство социал-демократических вождей отдало в руки палачей и бросило во мрак тюремных казематов; мученики, которые беззаветно боролись, проливая кровь, за диктатуру пролетариата и деревенской бедноты, между тем как вожди социал-демократической партии за их спиной всячески заботились о их теперешних палачах, отпускали их на свободу и вместе с империалистами Антанты и с венгерской буржуазией втайне подготовляли контр-революцию; мученики, которых социал-предатели, стоящие у власти в Будапеште и эмигрировавшие в Вену—все еще надеясь на то, что милостивая буржуазия даст им хоть крупицу власти,—называли не иначе, как «красными разбойниками» и «красными убийцами»; мученики, от всякого знакомства с которыми недавно отреклись, подобно Пайеру, и Бем, Вельтнер, Кунфи и Ронай,—все эти мученики будут вечными свидетелями того позора, которым покрыла себя небольшая кучка обманщиков и иуд, предавших дело пролетарской диктатуры и называющих себя теперь «Временным Комитетом Венгерских Эмигрантов-Социал-демократов».

Берегитесь, голодающие, изнывающие от мук и лишений, истекающие кровью пролетарии Венгрии! Этим названием прикрывает себя шайка Бема, Вельтнера, Роная и Кунфи, готовящая новый обман и новое предательство рабочего класса. Это предатели, изменой своей набросившие на шею пролетариата петлю палача; они призывают вас снова к революции лишь для того, чтобы еще раз, опять, продать и предать вас. Вспомните, как во время войны они изменнически срывали ваши революционные забастовки; как накануне провозглашения диктатуры они натравляли на вас своры полицейских; как вы сами, убедившись в том, что это враги вашего освобождения, готовились уже вышвырнуть их из своих рядов; но вы не успели еще этого сделать, как они поспешили примазаться к революции, специально для того, чтобы предать вождей коммунизма в руки палачей. Условия сделки, которую они, дрожа за собственную шкуру, заключили с контр-революцией, были нарушены белогвардейцами, и вот они снова кричат о революции только для того, чтобы у них снова было, о чем торговаться и что предавать.

Вы должны предварительно хорошенько узнать каждого из тех, кто добивается вашего доверия; вы должны тщательно, со всех сторон осмотреть тот товар, который стараются вам навязать торгаши-социал-демократы. Они уверяют вас, что период революции еще не закончился; они обещают вам сделать венгерский вопрос вопросом общеевропейским. Вам обещает это Зигмунд Кунфи,—тот самый Кунфи, который все время убеждал вас сложить оружие, так как революция на Западе невозможна. Вам обещает это Вильгельм Бем,—тот самый Бем, который от имени Антанты сулил вам сало и ткани, если вы согласитесь сдаться и изменить делу диктатуры пролетариата. Вам обещают это те самые господа, которые еще при пролетарской диктатуре, когда взоры рабочих всей Европы были обращены на венгерский пролетариат, бежали в Вену для того, чтобы там беспрепятственно подготовлять контр-революцию.

«Да здравствует республика!» кричат они, предлагая свой подмоченный товар.

Вы должны спросить их: какая республика? Республика пролетариев, рабочих и неимущих крестьян?

Или же такая республика, при которой заводы, угольные копи и земли будут принадлежать банкирам, помещикам и акционерам? Такая республика, при которой сохранит свое господство буржуазия; при которой, милостью буржуазии, получат министерские портфели уже не один только Пайер с Миакичем, а Бем, Кунфи и Ронай?

У вас была ведь уже республика, пролетарии Венгрии! При этой республике земля, фабрики, заводы, горные промыслы принадлежали трудящимся; основным положением было правило: кто не работает, тот не ест; но кто горячее всего восставал против этого правила? Все те же «вожди» социал-демократы, защитники буржуазии!

Неужели вы хотите такой республики, при которой оружие будет отдано в руки наемников буржуазии?

У вас ведь была своя собственная республика, и тогда оружие было в руках пролетариев.

Эта республика, Венгерская Советская Республика, стала жертвой предательства тех самых иуд, которые под ярлыком международной социал-демократии предлагают теперь свой гнилой товар.

Международность—так называется другой товар, который они стараются навязать вам.

Но международность для вас не новое слово, пролетарии Венгрии! Вы были передовыми бойцами международной, европейской пролетарской революции! Вы — гордость и украшение III-го Коммунистического Интернационала! И как раз эти «международные социал-демократы» продали вас международной контр-революции и старались поколебать в вас веру в себя для того, чтобы склонить вас к сдаче, к полной капитуляции перед бандами международных и венгерских разбойников-империалистов.

Грош — цена международности этих господ! Ведь ни одна истинно-революционная рабочая партия не согласится протянуть

руку этим гнусным убийцам, палачам международной пролетарской революции. Только Шейдеманы и им подобные агенты мировой контр-революции могут об'единиться с ними.

Но те ведь всеми силами стараются задушить—по возможности, даже собственными руками задушить—все разрастающуюся революцию в их собственных странах. Все рабочие партии мира, не запятнавшие себя открытой изменой делу классовой борьбы, или присоединились уже к III-му Интернационалу или готовятся присоединиться к нему.

Венгерская группа III-го Интернационала, Коммунистическая Партия Венгрии, предлагает вам порвать всякие сношения с этими предателями и исключить их из своей среды, так же, как их исключило из своей среды единственное международное об'единение рабочих—III-й Интернационал.

Не верьте их словам, когда они ссылаются на наших мучеников, которых они сами отдали в руки палачей и тюремщиков.

Продолжайте борьбу за коммунизм, не теряйте веры в свою историческую миссию. Самый ужасный белый террор не должен ослаблять в вас веру в себя; вы не должны променять пролетарскую революцию на власть буржуазной социал-демократии.

И не только предателей, даже колеблющихся необходимо теперь исключать из своей среды.

Ибо пролетариат может захватить в свои руки власть лишь благодаря своей революционной решительности; лишь благодаря ей он может воздать по заслугам всем предателем и палачам.

Ваш лозунг не должен быть: «Да здравствует республика! Долой короля»!

Ваши лозунги:

Да здравствует Советская Республика рабочих и крестьянской бедноты!

Долой капитализм!

Да здравствует революционная диктатура пролетариата!

Да здравствует международная революция пролетариата!

Да здравствует III-й Интернационал!

С коммунистическим приветом

Коммунистическая Партия Венгрии.

Будапешт.

ПЛАТФОРМА ИСПАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

В Испании образовалась Коммунистическая Партия на следующей платформе:

1. Признание Третьего, Коммунистического Интернационала единственным центром международного об'единения и немедленное вступление в эту организацию.

2. Признание всех попыток к восстановлению Второго Интернационала ведущими к обману и совращению пролетариата.

3. Признание, что войны между народами (и «оборонительные» и «наступательные») ни в коем случае не в интересах пролетариата, и Испанская Коммунистическая Партия будет во всех случаях вести кампанию за пораженчество.

4. Пропаганда и агитация за социальную революцию, а не частичные реформы. Признание всякого политического оппортунизма развращающим и совращающим.

5. Признание значения парламентской деятельности, но только как средства пропаганды и революционной агитации. Выставление кандидатов на выборах без права для последних занимать места в буржуазном правительстве.

6. Признание Испанской Социалистической Рабочей Партии («Partido Socialista Obrero Espanol») реформистской. Отказ в доступе в Коммунистическую Партию всякому, состоящему одновременно членом Социалистической Партии.

7. Попытки об'единения Национальной Конференции Труда («Confederacion Nacional del Trabajo») и Всеобщего Рабочего Союза («Union General de Trabajadores») в Испанской Коммунистической Партии.

8. Признание диктатуры пролетариата единственным средством перехода к коммунизму. Признание русского советского правительства образцом такой диктатуры.

Органом Испанской Коммунистической Партии является еженедельник, издающийся в Мадриде под заглавием «Коммунист» («El Communista»). Федерация Испанской Социалистической Молодежи издает орган «Обновление» («Renovacion»).

III ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ВОЗЗВАНИЕ К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН.

Товарищи-рабочие!

Телеграф, радио, печать, эти могущественные орудия капиталистического обмана, сообщали вам не раз за последние недели о милитаризации труда в Советской России. Из этого факта лакеи империализма стремятся извлечь двойную пользу: оклеветать социалистическую Россию и оправдать свои собственные насилия над трудящимися.

Мы, более полторы тысячи делегатов, представляющие на 3-м Всероссийском С'езде Союзов свыше трех миллионов производственно-организованных рабочих, считаем своим долгом братски предостеречь вас, как от похвал, так и от ругательств буржуазного общественного мнения по адресу советских методов организации труда.

Наше хозяйство разорено и истощено империалистской бойней, бесчеловечной блокадой и непрерывными наступлениями военных банд господ Черчиля и Клемансо. Нам необходимо теперь высшее напряжение сил, чтобы в кратчайший срок вывести страну из тягчайших бедствий и лишений. Эта задача требует от каждого трудящегося Советской России крайнего напряжения сил и высшего самоотвержения. Как сознательный красный солдат в любой момент готов отдать на фронте свою жизнь за дело трудящихся, так каждый рабочий, каждая честная работница должны быть теперь готовы напрячь всю свою силу для хозяйственного спасения социалистической республики. У нас нет и не может быть другой задачи, другой мысли, другой заботы, кроме напряженного производительного труда на общее благо. Твердая трудовая дисциплина, непоколебимое единство в выполнении хозяйственного плана—это мы называем милитаризацией труда. Над нами нет королей с их сановниками, буржуазных депутатов с их министрами, помещиков и капиталистов с их агентами, буржуазных генералов и судей с их палачами. Приемы милитаризации труда не предписываются нам сверху эксплуататорами и их грабительским государством. Мы, трудящиеся, сами, по собственной воле, налагаем на себя суровые трудовые обязательства, которых требует наш долг перед революцией и грядущими поколениями. Плоды нашей усиленной работы не будут превращаться в барыши для тунеядцев, а послужат облегчению жизни истомленных нуждою народных масс. Мы, трудящиеся России, сами являемся своими законодателями и, постановив милитаризацию труда, мы проводим ее в жизнь нашими собственными руками через наши же пролетарские организации.

Пролетарии всех стран! Среди великого напряжения борьбы и труда мы посылаем вам наш братский привет. Мы уверенно ждем того часа—он ударит скоро — когда рабочие всего капиталистического мира сбросят на земь своих угнетателей, искоренят наследие вековых насилий, издевательств, истязаний и превратят нашу землю в цветущее достояние освобожденного человечества.

Да здравствует мировой союз труда!

III Всеросс. С'езд Проф. Союзов.

ПРИВЕТСТВИЯ

ПРИВЕТСТВИЕ ГЕРМАНСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

Привет германскому революционному пролетариату, его революционным союзам и коммунистической партии и тем из партии независимых, которые борются с коммунистами за диктатуру пролетариата!

Братья по борьбе!

Вам, сражающимся с оружием в руках против диктатуры буржуазии и перешедших на ее сторону отбросов социализма, группирующихся вокруг Легинов и им подобных; вам, борцам за великое дело коммунизма,—1.600 делегатов III-го Всероссийского с'езда Профессиональных Союзов от имени 4 миллионов организованных рабочих шлют свой пламенный братский привет.

Делегаты, с'ехавшиеся со всех сторон освобожденной от контр-революции России, члены профсоюзов Великороссии, Сибири, Урала, Украины, Туркестана, Кавказа и других областей, спаянные в единую пролетарскую семью на полях классовой борьбы, об'е-

диненные единством взглядов и чувств в борьбе за коммунизм и ненавистью к эксплуататорам, эти делегаты, как и пославшие их пролетарии, следят с глубоким волнением за развертывающейся борьбой германских рабочих за социализм.

Мы знаем те трудности, в которых бьется немецкий рабочий. Мы за тысячу верст чувствуем те удары, которые наносит вам германская буржуазия руками ренегатов социализма. Но мы уверены, что поднятое знамя восстания не выпадет из рук рабочего класса. История за нас. Из недр буржуазного общества родилась пролетарская революция, которая сметает на своем пути все преграды. Будьте уверены, что вы не одиноки в своей борьбе. Российский пролетариат всей душой и всем сердцем с вами. Ваше поражение—наше поражение. Ваша победа—наша победа. Вперед под знаменем коммунизма до победного конца.

Да здравствует мировая пролетарская революция!

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует III Интернационал!

ВСЕМ БОРЦАМ ЗА КОММУНИЗМ.

Третий Всероссийский С'езд Профессиональных Союзов, приступая к своим работам, шлет первый свой привет тем, кто борется во всем мире за великие идеалы коммунизма. Русский пролетариат, первый поднявший знамя социалистической революции, с лихорадочным волнением следит за развитием социальной революции во всем мире. Там, где бьется честное пролетарское сердце и революционное сознание, там, где мысль человеческая ищет выхода из тупика, в который загнали весь мир господствующие классы, там рождается мститель—коммунизм, который приводит в ужас весь старый, умирающий в судорогах мир эксплуатации и крови.

Пусть же все, поднявшие знамя борьбы за новый Советский строй, где бы они ни находились, пусть знают, что там, на Востоке, есть Советская страна, где измученный в борьбе, но бодрый духом пролетариат продолжает свое наступление по всему фронту. Пусть знают они, что профессиональные союзы России, являющиеся основой пролетарского Советского государства, приступая к хозяйственному возрождению разоренной войнами страны, прежде всего шлют привет тем пролетариям, которые борются за наши идеалы.

Рабочие всех стран, знайте, что 1.600 делегатов III-го Всероссийского С'езда Профессиональных Союзов и 4.000.000 представленных ими членов не только на словах, но и на деле с ними, и что они готовы это доказать в любой момент, как только потребуют этого обстоятельства.

Да здравствует борьба не на жизнь, а на смерть с капитализмом!

Слава борцам, идущим во всем мире в бой за коммунизм!

Да здравствует мировая революция!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

ПРИВЕТСТВИЕ ТРЕТЬЕМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Третий Всероссийский с'езд Профессиональных Союзов приветствует центр мирового коммунизма—III Интернационал.

Русские профессиональные союзы с первых дней революции шли под знаменем Интернационала революционного действия и беспощадной классовой борьбы — под знаменем III Коммунистического Интернационала. Приветствуя идею создания «Международного боевого фонда», 1.600 делегатов 3-го Всероссийского с'езда обещают от имени представленных ими 4.000.000 членов, что русский экономически-организованный пролетариат будет твердо и неуклонно идти, как и шел до сих пор, под знаменем коммунизма к окончательной победе над империализмом.

Да здравствует мировая пролетарская революция! Да здравствует центр мирового коммунизма — III Коммунистический Интернационал!

ПРИВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО С'ЕЗДА ТРАНСПОРТНЫХ РАБОЧИХ.

Исполнительным Комитетом III-го Интернационала получена следующая телеграмма:

Международный с'езд транспортных рабочих шлет братские приветствия русскому народу. Интернационал транспортных рабочих исполнит свой долг в освободительной борьбе пролетариата.

Секретарь с'езда: **Фиммен.**

Христиания, 20 марта.

К РАБОТНИЦАМ ВСЕГО МИРА.

8 марта, в день смотра сил организованного женского пролетариата, работницы всех стран подводят итоги годовой борьбы.

Что дал вам этот год, товарищи работницы Европы и Америки?

Классовое правительство стран Согласия 4 года томило вас обещаниями «победоносного мира». Ради этого мира вы покорно несли жертвы и бедствия войны. Теперь этот мир заключен.

Что дал он вам? Чудовищную дороговизну, жуткую безработицу, полную разруху народного хозяйства... В богатой Франции продукты на учете; нет топлива; фабрики, заводы стоят; все дорожает, народ бедствует, спекуляция растет... В Италии—голод, рост нищеты, увеличение моря слез и страданий. В Англии судорожное метание королей капитала, стремящихся тщетно удержать промышленность от полного развала, бурные вспышки рабочих волнений и стачек, безработица, рост цен, а с ними нищета и голод. Даже в Америке, в житнице мира, вы, пролетарии, узнали, что значит недостаток в продуктах; вы *стонете от страданий массовой безработицы*.

Не легче и в нейтральных странах: в Скандинавии, в Испании, в Швейцарии, всюду безработица, дороговизна, всюду слезы и терзания... А над всем этим царит безумная, по своей жестокости, от страха перед «большевистской заразой», политика буржуазных правительств. Тюрьмы Америки, Франции, Англии, Германии переполнены жертвами белого террора, в застенках буржуазии томятся и чахнут лучшие, преданнейшие рабочему делу—борцы.

Это ли те блага мира, что сулило вам ваше правительство? Эта ли хваленая победа, купленная кровью ваших детей, мужей и братьев, товарищи работницы Франции, Англии, Италии и Соединенных Штатов?

Та же картина страданий пролетариев в Германии, Австрии, Болгарии, Турции. Только голод здесь еще острее и разруха хозяйства безнадежнее. Мир, которого добивалась партия «соглашателей» Шейдемана-Носке, лишь помог нашим общим врагам-капиталистам Антанты и центральных держав временно придушить революцию Германии и Австрии, затопить кровью Венгерскую Советскую Республику, довести Австрию до голодного вымирания.

Теперь вам должна быть ясна ваша ошибка.

Рабочий класс всего мира задыхается под тяжестью развалившегося здания капиталистического хозяйства. Тяжко ваше горе, беспредельны ваши страдания, сестры работницы. Но спасенье есть! Путь к освобождению, к созданью новой, светлой жизни к социализму—открыт перед вами.

Этот путь ценою тяжкой борьбы и радостных побед уже отвоеван российским пролетариатом.

Товарищи работницы Европы и Америки! Взгляните на первую в мире трудовую Советскую Республику. Враги нашептывают вам ложь и клевету про нас. Не верьте им. Вам говорят: большевики разрушили храмы, убили религию. Ложь! Клевета! У нас религия лишь перестала быть делом государственного одурачивания умов. Церковь у нас отделена от государства. Вам говорят: «в России коммунизм жен». Нелепая басня, сочиненная злопыхательской буржуазией. Коммунизм жен не у нас, а в капиталистических странах, где царит бедность и алчный разврат. У нас закон гражданского брака с облегченным разводом. У нас священно материнство—каждая мать получает обеспечение от государства. У нас нет «незаконных» детей. Все дети—дети трудовой Республики. О них наша любовная забота. Мы сами, матери-работницы и крестьянки, организуем дома материнства, ясли, детские коммуны и сады, заботимся о сети школ, о социальном воспитании. Наши дети питаются и получают одежду за счет нашего трудового государства. Ведь мы сами—работницы и крестьянки, вместе с рабочим и крестьянином, управляем нашей Республикой. Женщина у нас свободна, равноправна; она всюду, где нужна ее помощь, ее работа: в Красной Армии, в продовольствии, в социальном обеспечении, в народном просвещении, по народному здравию.

То ли у вас, товарищи работницы? Безработица ваш бич. У нас нет безработицы, так как нет **собственности и капитала,** а есть труд всех на общее благо. «Кто не трудится, тот и не ест»—таков наш девиз.

Над вами крепка власть эксплуататоров-капиталистов. Здесь хозяева—**мы!**

Правда, и мы страдаем, жестоко, невыносимо, от голода, холода, расстройства транспорта; но где вина? Не в рабочей революции. Вина—в политике **империализма,** одинаково терзающей и вас, и нас. **Горе у нас одно—мировая разруха хозяйства; враг у нас общий—мировой капитал.**

Сразить врага, сбросить иго капитала, раз навсегда покончить с призраком контрреволюции—такова наша общая цель. В День Работниц, в праздник мировой солидарности—мы зовем вас, товарищи работницы, выполнить вместе с нами эту спасительную задачу.

Наше спасение в *диктатуре рабочего класса*, проводимой с помощью власти Советов.

Товарищи-работницы! Если вы хотите избавиться от голода, холода, унижений, женского бесправия,—ваше место под знаменами III Интернационала: боритесь за власть Советов.

Если вы хотите уменьшить страдания ваших сестер в России, укрепить первую в мире трудовую республику, стойте за открытую борьбу с политикой вашего правительства, старающегося задушить Советскую Россию штыком или блокадой,—требуйте установления открытых сношений между вами и нами!

Великая октябрьская революция положила начало новой полосе истории. Коммунизм перестал быть грезой; трудовая Советская Республика—факт.

От вас, работницы других стран, зависит в общей единодушной борьбе с рабочими, достигнуть того же.

Час свободы близок—будем лишь солидарны.

В Красный День Работниц мы призываем вас:

Все под Красное знамя III-го Интернационала! Все на борьбу с голодом, нищетой, разрухой мирового хозяйства!

Да здравствует III-й Коммунистический Интернационал!

Да здравствует Власть Советов, освободительница женщин!

Да здравствует победа мирового коммунизма!

Отдел по работе среди женщин при Ц. К. Р. К. П.

ОСНОВАНИЕ ДАТСКОЙ ЛЕВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Датская Левая Социалистическая Партия была основана на конференции, происходившей в воскресенье, 9-го ноября 1919 г., в г. Фредериции. В конференции принимало участие 55 представителей от 23 городов всей Дании.

Эта, только что основавшаяся партия стоит на той же политической платформе, что и Норвежская Рабочая Партия и Шведская Левая Социалдемократическая Партия, примыкая к Третьему Интернационалу. Обе названные скандинавские партии, а также Германская Независимая Социал-демократическая Партия прислали своих официальных представителей на конференцию, и эти представители, после того как конференция отвергла мысль об организации оппозиции внутри Социал-демократической Партии и вместо того постановила приступить к созданию новой партии, обещали новой партии товарищескую поддержку со стороны своих партий.

Центральный Комитет Социалистической Рабочей Партии, заседавший в Фредериции в тот же день, постановил обратиться к членам партии с предложением вступить в Левую Социалистическую Партию.

Одновременно с этим и Независимая Социал-демократическая Партия на своем с'езде в Копенгагене постановила избрать комиссию для той же цели.

Председателем Исполнительного Комитета новой партии был единогласно избран председатель Союза Молодежи Эрнст Христиансен, а редактором еженедельного журнала, который партия предполагает издавать, И. Эрвиг. Кроме того, был избран временный Комитет Партии и единогласно принят следующий манифест:

«Капиталистическое общество переживает сейчас такой бурный кризис, какого оно еще не переживало никогда. Противоречия между его высшим и низшим классами достигли невиданной до сих пор остроты.

За мировой войной, порожденной ненасытной жадностью капитализма, последовала мировая революция. Во всех странах эксплуатируемые и угнетаемые рабочие массы поднимаются на борьбу против угнетателей и эксплуататоров.

Для того, чтобы добиться победы, рабочий класс должен напрячь все свои силы в этой борьбе. И победа может быть достигнута только в том случае, если рабочий класс будет полагаться исключительно лишь на свои собственные революционно-творческие силы. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Лишь сознательная классовая борьба, не знающая никакого «гражданского мира» и никаких соглашений с буржуазными партиями или группами, может привести победоносный пролетариат к конечной цели.

За годы, прошедшие с начала мировой войны, с 1-го августа 1914 г., социал-демократические партии в целом ряде стран отказались от классовой борьбы и, вместо этого, заключили гражданский мир с власть имущими и с угнетателями рабочего класса.

Датская Социал-демократическая Партия тоже заняла такую же позицию. Она тоже заключила во время войны гражданский мир с консервативными партиями, вместе с тем все теснее и теснее примыкая к так называемой «радикальной» Левой, руководимой группой капиталистических политиков чистейшей воды. Социал-демократическая партия способствовала ассигнованию за время войны полумиллиарда крон на нужды милитаризма, несмотря на то, что в своей программе она требовала разоружения; она содействовала также введению новых косвенных налогов, ложащихся всей тяжестью на неимущие классы общества; она изменнически уклонилась от борьбы против правительства, когда оно, заключив соглашение с консерваторами и либералами, подарило значительную часть принадлежащей датскому народу земли нескольким дворянским семействам; она мало по малу отказалась от своих республиканских идей и стала проявлять верноподданническое отношение к королевской власти; вся его политика, благодаря гражданскому миру и посылке своего заложника в буржуазное правительство, приняла вполне определенный буржуазный характер, и целью этой политики, прежде всего, стало поддержание спокойствия среди рабочих масс, путем жалких, никого не удовлетворяющих законов о подачках и о борьбе с дороговизной.

В международном отношении партия с самого начала войны стала на сторону германских «императорских социалистов» и социал-патриотов. Она с насмешкой и презрением относилась к борьбе Карла Либкнехта и его товарищей против войны. Она резко осуждала революционную борьбу социалистов-циммервальдцев. Вместо того, чтобы поддерживать революционные рабочие группы в разных странах, она всячески противодействовала им и встречала их поражения с нескрываемым злорадством. Ни одна партия в мире не проявляла такой ненависти к ведущим героическую борьбу русским рабочим, как датская социал-демократия: она клеветала на них, забрасывала их грязью и предательски старалась нанести им ножом удар в спину; и в то же время она братски протягивала руку убийцам Карла Либкнехта, палачу Носке и его буржуазным бандитам.

Втечение всей мировой войны представители и вожди партии не переставали уверять, что после войны политика партии будет изменена и примет более радикальный характер.

В настоящее время мировая война закончена, и обострившиеся классовые противоречия особенно настойчиво требуют самого энергичного ведения классовой борьбы.

Состоявшийся недавно с'езд Социал-демократической Партии, который должен был исполнить все обещания, данные вождями партии во время войны, и претворить в дело их широковещательные слова, оказался сплошным обманом по отношению к рабочему классу.

Теперь ясно, что и в будущем — так же, как и во время войны — социал-демократы будут держаться того же мелкобуржуазного курса. Министерский социализм останется, по прежнему, краеугольным камнем их политики. Так же, как во время войны, они будут голосовать за военные кредиты для капиталистического государства. С'езд во всех отношениях обманул ожидания тех, кто верил обещаниям об изменении курса партийной политики; особенно знаменательны в этом смысле резолюции, содержащие проекты законов о социализации, в которых нет ни на иоту социализма, так что слово «социализация» кажется наглым издевательством над рабочим классом.

Самая беспощадная борьба с руководителями партии, навязавшими ей этот курс, является долгом каждого социалиста. Но вести эту борьбу внутри партии невозможно, ибо партийный с'езд оказался послушным орудием в руках небольшой группы вожаков, оставив неприкосновенной систему сложных и несправедливых выборов в партийные учреждения и упразднив в партии свободу слова; так, с'езд принял грозную резолюцию, совершенно зажимающую рот радикальной партийной молодежи.

Вести успешную борьбу за социализм можно лишь вне рамок партии. Поэтому мы решили организовать Датскую Левую Социалистическую Партию.

В партию эту мы будем стремиться сплотить всех левых социалистов Дании, независимо от того, принадлежат ли они к Социал-демократической Партии или нет, чтобы Датская Левая Социалистическая Партия стала организацией всех революционно-социалистических рабочих Дании.

Датская Левая Социалистическая Партия будет бороться против капитализма и милитаризма. Она отвергает всякие соглашения с буржуазными партиями и будет выступать против всех военных кредитов. Она будет энергично бороться за социализацию общества посредством Советского движения. Она будет обращать свое внимание, прежде всего, на массовые выступления, используя парламентаризм лишь в целях агитации и пропаганды. В этом отношении Д. Л. С. П. так же, как и Норвежская Рабочая Партия и Шведская Левая Социал-демократическая Партия, всецело стоит на платформе Третьего Интернационала.

Стоя на этой платформе, партия приступает к работе и призывает всех трудящихся к борьбе.

Да здравствует борьба против реакции и против реформизма!

Да здравствует борьба за экономическое и духовное освобождение пролетариата, за социализм!

РЕЗОЛЮЦИИ IX С'ЕЗДА РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ,

происходившего в Москве с 29-го марта по 4-ое апреля 1920 года.

Резолюция по докладу Центрального Комитета.

Заслушав отчет Центрального Комитета, IX с'езд Российской Коммунистической Партии (большевиков) признает, что Центральному Комитету приходилось работать в условиях ожесточенной гражданской войны, усиленного строительства Советов и необычайного роста партии.

Несмотря на все трудности в ходе работы Центрального Комитета, с'езд находит, что политическую линию и организационную работу партии Центральный Комитет проводил в общем и целом правильно и твердо. Выражая одобрение деятельности Центрального Комитета, с'езд переходит к очередным делам.

Резолюция об очередных задачах хозяйственного строительства.

I. О трудовом под'еме.

Устанавливая с удовлетворением бесспорные признаки трудового под'ема в передовых слоях трудящихся, с'езд считает, однако, своим долгом предостеречь все местные и центральные учреждения Советской Республики от преувеличенной оценки уже достигнутых результатов.

Действительно серьезных завоеваний трудовой под'ем сможет достигнуть только при условии, если, во-первых, дальнейшими агитационно-организационными усилиями нашей партии и профессиональных союзов он будет распространен с передовых слоев на всю многомиллионную трудящуюся массу города и деревни, если, во-вторых, центральные и местные хозяйственные органы примут необходимые меры к тому, чтобы количественно и качественно учитывать все явления трудового под'ема, правильно и своевременно использовать прибывающую рабочую силу, своевременно преодолевать разобщенность усилий, кустарничество, трудовое партизанство, не подавляя их, но вводя их в рамки общегосударственного плана.

II. Единство хозяйственного плана.

Основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближай-

шую историческую эпоху. В соответствии с глубиной хозяйственной разрухи и прямым обнищанием страны хозяйственный план естественно распадается на ряд последовательных, друг друга обусловливающих коренных задач:

а) в первую голову улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимейших запасов хлеба, топлива и сырья:

б) машиностроение на транспорт и на добычу топлива, сырья и хлеба;

в) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления;

г) усиленное производство продуктов массового потребления.

При опирающемся на новые завоевания техники проведении указанного плана надлежит во главу угла технической стороны дела поставить широкое использование электрической энергии, примерно в такой последовательности, соответственно основным этапам проведения общехозяйственного плана:

1. Разработка плана электрификации народного хозяйства и осуществление программы минимум электрификации, т.-е. выделение о с н о в н ы х пунктов электроснабжения и использование для этой цели с у щ е с т в у ю щ и х электрических станций, а также части строящихся в первоочередном порядке районных централей.

2. Постройка основных районных электрических станций первой очереди и основных линий электропередач с соответствующим расширением круга деятельности заводов для электротехнического оборудования.

3. Сооружение районных станций следующей очереди, дальнейшее развитие электрических сетей и последовательная электрификация важнейших производственных процессов.

4. Электрификация промышленности, транспорта и земледелия.

Из этого основного хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху, должны в своих очередных планах и расчетах исходить хозяйственные центры Советской Республики, мобилизуя свои главные силы и средства в первую очередь на разрешение основных задач каждой хозяйственной очереди.

Внешняя торговля, поскольку возможности ее открываются перед Советской Республикой, должна быть также целиком подчинена потребностям основного хозяйственного плана.

Подсобные для основной задачи каждой очереди производства должны быть развиваемы в меру действительной необходимости. Производства, не являющиеся безусловно необходимыми для основной задачи хозяйственного периода, могут быть поддерживаемы лишь постольку, поскольку их работа не препятствует проведению главной задачи. В силу этого текущие хозяйственные задания советских хозяйственных центров должны представлять собой не простую сумму учтенных потребностей и нужд, но должны с железной последовательностью вытекать из всего хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху.

Осуществление намеченного плана возможно не путем отдельного единовременного героического усилия передовых элементов рабочего класса, но путем упорного систематического планомерного труда, вовлекающего в свой круг все бо́льшие и бо́льшие массы трудящихся. Успешность такого рода расширяющейся мобилизации и трудового воспитания может быть обеспечена только при настойчивом выяснении самым широким массам города и деревни внутреннего смысла хозяйственного плана, его внутренней последовательности, которая обеспечивает осязательные для всех плоды только по истечении длительного периода, требующего величайшего напряжения и величайших жертв.

III. Мобилизация квалифицированных рабочих.

Одобряя тезисы Ц. К. Р. К. П. о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд, —

С'езд постановляет:

Организации Партии должны всеми мерами помочь профсоюзам и отделам труда взять на учет всех квалифицированных рабочих с целью их привлечения к производственной работе с такой же последовательностью и строгостью, с какой это проводилось и проводится в отношении лиц командного состава для нужд армии.

Всякий квалифицированный рабочий должен вернуться к работе по своей специальности. Из'ятия, т.-е. оставление квалифицированных рабочих на других советских постах, могут допускаться только с разрешения соответственных полномочных органов в центре и на местах.

IV. Массовые мобилизации по трудовой повинности.

Необходимо с самого начала правильно поставить массовые мобилизации по трудовой повинности, т.-е. устанавливать каждый раз по возможности точное соответствие между числом мобилизованных, местом их сосредоточения, размером трудовой задачи и количеством необходимых орудий. Столь же важно обеспечить сформированные из мобилизованных трудовые части технически компетентным и политически твердым инструкторским составом и заранее подобранными по партийной мобилизации трудовыми коммунистическими ячейками, т.-е. идти по тому же пути, по которому мы шли в создании Красной армии.

V. Трудовое соревнование.

Каждый социальный строй (рабский, крепостной, капиталистический) имел свои методы и приемы трудового принуждения и трудового воспитания в интересах эксплуататорских верхов.

Перед советским строем в полном своем об'еме стоит задача развить свои собственные методы воздействия с целью повышения интенсивности и целесообразности труда на основе обобществленного хозяйства в интересах всего народа.

На ряду с агитационно-идейным воздействием на трудящиеся массы и с репрессиями по отношению к заведомым бездельникам, паразитам, дезорганизаторам, могущественной силой под'ема производительности труда является с о р е в н о в а н и е.

В капиталистическом обществе соревнование имело характер конкуренции и приводило к эксплуатации человека человеком. В обществе, где средства производства национализированы, соревнование в труде, не нарушая солидарности, должно лишь повысить общую сумму продуктов труда.

Соревнование между заводами, районами, цехами, мастерскими и отдельными рабочими должно стать предметом тщательной организации и внимательного изучения со стороны профессиональных союзов и хозяйственных органов.

Премиальная система должна стать одним из могущественных средств возбуждения соревнования. С ней должна сообразоваться система продовольственного снабжения: до тех пор, пока у Советской Республики недостаточно продовольственных средств, прилежный и добросовестный рабочий должен быть обеспечен лучше, чем нерадивый.

VI. От централизма трестов к социалистическому централизму.

Нынешняя форма организации промышленности является формой переходной. Рабочее государство национализировало капиталистические тресты, пополнив их отдельными предприятиями той же отрасли промышленности, и по типу этих трестов об'единило предприятия нетрестированных при капитализме отраслей промышленности. Это превратило промышленность в ряд могущественных вертикальных об'единений, хозяйственно изолированных друг от друга и только на верхушке связанных Высшим Советом Народного Хозяйства.

В то время, как при капитализме каждое трестированное предприятие могло приобретать многие материалы, рабочую силу и пр. на ближайшем рынке, те же предприятия в настоящих условиях должны получать все им необходимое по нарядам центральных органов об'единенного хозяйства. Между тем, при огромности страны, крайней неопределенности и изменчивости основных факторов производства, при расстроенном транспорте, крайне слабых средствах связи, при чрезвычайной еще неточности приемов и результатов

хозяйственного учета не методы централизма, которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах (в городах, губерниях, районах, областях), имели своим последствием те чудовищные формы волокиты, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству.

Организационная задача состоит в том, чтобы, сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов, где предприятия разных отраслей промышленности и разного хозяйственного значения вынуждены питаться одними и теми же источниками местного сырья, транспортных средств, рабочей силы и проч.

VII. Областные хозяйственные органы.

Для обширных районов, удаленных от центра и отличающихся своеобразием хозяйственных условий, С'езд считает безусловно необходимым создание на ближайший период крепких и компетентных хозяйственно-областных органов путем представительства от соответственных общегосударственных центров.

Эти областные бюро, составленные из опытных и стоящих на общегосударственной точке зрения работников, должны иметь широкие полномочия в области непосредственного руководства местной хозяйственной жизнью, чтобы, об'единяя как Губсовнархозы, так и районные управления, производить, на основе утвержденного центром плана, все необходимые изменения, переброски сырых материалов, рабочей силы, и проч., и проч., какие вытекают из обстоятельств.

В соответствии с этими задачами, областные бюро должны иметь в своем составе полномочных делегатов, связанных с хозяйством центральных ведомств.

Так как областные хозяйственные бюро действуют на основании полномочий, предоставленных им центральными органами Советской власти, то на взаимоотношения их с губисполкомами целиком распространяются постановления 7-го С'езда Советов.

Определение границ областей, нуждающихся в создании областных агентур центра, должно быть произведено на основании хозяйственных соображений, при чем в областную агентуру входит представитель Упрармии по вопросам использования находящихся в его распоряжении сил.

В виду того, что Совтрудармы в некоторых местах уже в настоящее время выполняют в значительной мере функции областных хозяйственных органов, они и в дальнейшем приспособляются к этим задачам со всеми необходимыми видоизменениями их аппарата и без образования параллельно с ними других областных органов.

VIII. Выработка форм социалистического централизма.

При ВСНХ и его местных органах должны быть особые комиссии для изучения вопросов о наиболее правильных взаимоотношениях между различными хозяйственными органами, центральными и местными, о наиболее простых способах получения предприятиями на месте необходимого сырья, дополнительной рабочей силы и проч., без обращения каждый раз в центр, но и без нарушения общехозяйственных планов. Только внося на основании опыта постоянные поправки, усиливая и развивая связь самых разнородных предприятий на месте, устанавливая кратчайшие расстояния для переброски сырых материалов и готовых продуктов, вырабатывая наилучшие способы использования наличной в районе силы всеми предприятиями города, губернии, области, советское хозяйство перейдет от нынешних форм централизма, носящего на себе еще следы капиталистических трестов, к подлинному социалистическому централизму, охватывающему единым планом хозяйство во всех его отраслях и во всех частях страны.

IX. Организация управления промышленностью.

Основной задачей при организации управления является создание компетентного, твердого, энергичного руководства, — идет ли речь об отдельном промышленном предприятии или о целой отрасли промышленности.

В целях более простой и точной организации управления производством, а также в целях экономии организаторских сил С'езд считает необходимым приблизить управление промышленностью к единоличию, а именно: установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, идти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата.

Огромной важности вопрос о привлечении к делу управления хозяйством все более широких кругов рабочего класса должен разрешаться путем применения целого ряда мероприятий, из которых важнейшие указаны ниже, но отнюдь не за счет устойчивости, компетентности и простоты аппарата управления в каждый данный момент.

Принимая во внимание, что бесспорный тип управления советскими предприятиями, кустами предприятий и целыми отраслями еще не выработался, причем самое формирование необходимых кадров администраторов, директоров и пр. находится еще в первоначальной стадии, С'езд считает возможным и допустимым, на пути к полному единоначалию, применение разных комбинаций в деле управления промышленностью, как-то:

а) директор-администратор из рабочих-профессионалистов, обнаруживший твердую волю, выдержку и, в частности, способность привлекать к работе специалистов, техников, инженеров; при нем, в качестве помощника по технической части, инженер;

б) обладающий необходимыми данными инженер-специалист, в качестве фактического руководителя предприятия, и при нем комиссар из рабочих-профессионалистов, с широкими правами и с обязательством входить во все стороны дела;

в) рабочие-профессионалисты, один или два, в качестве помощников директора-специалиста, с правом и обязательством для помощников входить во все отрасли заводского управления, но без права приостанавливать распоряжения директора;

г) в тех случаях, где имеются небольшие тесно спевшиеся коллегии, члены которых дополняют друг друга, и которые уже на опыте доказали свою работоспособность, сохранить таковые, увеличив права председателя и повысив его ответственность за работу коллегии в целом. Коллегии в средних и высших органах хозяйственного управления (губсовнархозы и районные управления, главки и отделы), должны быть ограничены минимальным числом членов при председателе, отвечающем за всю работу управления.

Во всяком случае необходимым условием улучшения хозяйственной организации и роста производства является фактическое проведение в жизнь сверху донизу неоднократно провозглашавшегося принципа точной ответственности определенного лица за определенную работу. Коллегиальность, поскольку она имеет место в процессе обсуждения или решения, должна безусловно уступать свое место единоличию в процессе исполнения. Степень пригодности каждой организации должна измеряться тем, в какой мере в ней строго распределены обязанности, функции и ответственность.

Примечание. Через посредство особого органа при ВСНХ, тщательно проверять работу управлений, как в целях постоянного отбора личного состава, так и в целях установления на опыте наилучших способов сочетания в управлении рабочих и специалистов.

Организация руководящих учреждений промышленности, как коллегиальных, так и единоличных, должна производиться по соглашению органов ВСНХ с соответственными органами ВЦСПС.

Специалисты, исполняющие обязанности директоров предприятий или получающие поручения аналогичные этим, назначаются тем же порядком.

X. Привлечение масс к управлению промышленностью.

С'езд считает необходимым принять действительные меры к организационно-производственному воспитанию широких рабочих кругов и к постоянному привлечению из среды рабочего класса свежих элемен-

тов, способных выполнять организаторскую работу в производстве. С этой целью:

а) при посредстве профсоюзов и ВСНХ поставить на должную высоту производственную пропаганду, не ограничиваясь общими призывами к повышению производительности труда, а конкретизируя и специализируя вопрос по отраслям промышленности и отдельным предприятиям; поставить себе задачей, чтобы каждый рабочий завода знал роль и место предприятия в общей системе социалистического хозяйства; ввести в систему периодические (например, ежемесячные) обсуждения общим собранием рабочих завода докладов правления о совершенной за истекший месяц работе и о производственном плане на новый месяц;

б) организовать при отдельных больших предприятиях или при кустах предприятий курсы промышленной администрации, на которых наиболее способные рабочие, по возможности, не отрываясь от производственной работы, на опыте данного предприятия обучались бы необходимым элементам администрации;

в) прошедших такую выучку рабочих назначать помощниками к заведывающим отдельными цехами или к директору завода;

г) прошедших этот предварительный практический стаж рабочих назначать на самостоятельные административно-производственные должности, сперва в более мелкие предприятия, затем в более крупные.

XI. Специалисты в промышленности.

Исходя из того, что, без научной организации производства, самое широкое применение трудовой повинности и самый большой трудовой героизм рабочего класса не только не обеспечат построения могущественного социалистического хозяйства, но и не дадут возможности стране вырваться из когтей нищеты, С'езд считает безусловно необходимым взятие на учет всех работоспособных специалистов по разным отраслям хозяйства и их всемерное использование в деле организации производства.

Сохраняя в силе необходимость дальнейшего контроля и суровой расправы над всеми контр-революционными элементами, стремящимися использовать свои посты в целях противодействия социалистическому хозяйственному режиму, С'езд в то же время в самой категорической форме напоминает всем членам партии о задаче идейного вовлечения специалистов в сферу производственных интересов Советской Республики и, в строгом соответствии с духом и буквой нашей программы, вменяет партийным работникам в обязанность стремиться к установлению атмосферы товарищеского сотрудничества рабочих и техников-специалистов, унаследованных пролетарским режимом от буржуазного строя.

Одной из задач производственной и общеполитической агитации С'езд считает выяснение широким рабочим массам грандиозного характера стоящих перед страной хозяйственных задач, важности технического образования, административного и научно-технического опыта и вменяет в обязанность всем членам партии непримиримую борьбу с невежественным самомнением, считающим, будто рабочий класс может разрешить свои задачи без использования на самых ответственных постах специалистов буржуазной школы. Тем демагогическим элементам, которые играют на такого рода предрассудках отсталой части рабочих, не может быть места в рядах партии научного социализма.

Индивидуальный учет производительности труда и индивидуальное премирование должны быть в соответственных формах применены к административно-техническому персоналу. Лучшие администраторы, инженеры, техники должны быть поставлены в более благоприятные условия для полного применения своих сил в интересах социалистического хозяйства.

В частности, должны высоко премироваться те специалисты, под руководством которых рабочие со значительным успехом проходят необходимый стаж для дальнейшего занятия самостоятельных административных должностей.

Предрассудок против вступления в союзы высшего технического персонала предприятий и учреждений должен быть окончательно изжит. Включая в свои союзы инженеров, врачей, агрономов и т. п., профсоюзы помогут этим элементам, на опыте товарищеского сотрудничества с организованным пролетариатом, войти в активную работу советского строительства и приобретут самых необходимых им работников со специальными научными знаниями и опытом.

XII. Главполитпуть.

В центре внимания и усилий нашей партии и Советской власти втечение ближайшего периода остается транспорт. Его улучшение является необходимой предпосылкой самых скромных успехов во всех других областях хозяйств, и в первую очередь в продовольственном отношении.

Основным затруднением в деле улучшения транспорта является слабость железнодорожного профессионального союза, обусловленная как разношерстностью личного состава железнодорожников, среди которых сохранилось не мало элементов из эпохи рухловщины, так и отправкой наиболее сознательных и самоотверженных элементов железнодорожного пролетариата на военный фронт.

Считая одной из важнейших задач партии всемерное содействие профессиональному союзу железнодорожников, при участии которого только и сможет быть поставлен на надлежащую высоту наш транспорт, С'езд признает в то же время и безусловную необходимость принятия исключительных и чрезвычайных мер (военное положение и проч.), которые вытекают из ужасающего распада транспорта и имеют своей задачей не терпящими отлагательства мерами предотвратить полный его паралич и связанную с этим гибель Советской республики.

Оценивая под этим углом зрения Главполитпуть, С'езд видит в нем подлежащий дальнейшему усилению временный орган Коммунистической Партии и Советской власти, преследующий одновременно две, неразрывно связанные между собой задачи: организованным воздействием испытанных коммунистов, лучших представителей рабочего класса, немедленно улучшить состояние транспорта и в то же время укрепить профессиональную железнодорожную организацию, влить в нее лучших работников, которых Главполитпуть направляет на дороги, помочь самому профессиональному союзу установить в своей организации железную дисциплину и тем самым сделать профессиональный союз железнодорожников незаменимым орудием дальнейшего поднятия железнодорожного транспорта.

По выполнении этой работы Главполитпуть и его органы на местах должны быть в возможно короткий срок включены, с одной стороны, в профессиональную организацию железнодорожного пролетариата, с другой стороны—в нормальные учреждения Наркомпути.

XIII. Продовольственные задачи.

В области продовольственной политики выдвигаются следующие задачи:

1. Собрать путем высшего напряжения сил продовольственный фонд в несколько сот миллионов пудов.

2. Распределить его в виде продовольственных баз в главных районах сосредоточения промышленности.

3. Теснее и непосредственнее подчинить продовольственную политику в области распределения задачам возрождения промышленности и транспорта (обеспечение в первую голову важнейших промышленных предприятий и транспорта; более гибкое маневрирование в связи с изменяющимися производственными заданиями; обеспечение премиальной системы необходимыми продуктами и пр., пр.). Одной из важнейших задач как для восстановления промышленности, так и для внешнего товарообмена являются заготовка и образование запасов сырья. Заготовка сырья должна основываться на системе государственной разверстки и обязательной сдаче сырья согласно разверстке. Вместе с тем, при заготовке сырья должна быть применяема система расплаты за сдаваемое сырье в известном, установленном каждый раз особо, размере продуктами и полуфабрикатами в том виде, как это уже применяется при заготовке льна, пеньки и т. д.

XIV. Трудовые армии.

Использование воинских частей для трудовых задач имеет в равной мере практически-хозяйственное и социалистически-воспитательное значение. Условиями целесообразного применения в широких размерах воинского труда являются:

а) простой характер работы, равно доступный всем красноармейцам;

б) применение системы уроков, при невыполнении которых понижается паек;

в) применение премиальной системы;

г) участие в работах на том же трудовом участке значительного числа коммунистов, способных своим примером заражать красноармейские части.

Привлечение к работе более крупных воинских соединений дает неизбежно более высокий процент красноармейцев, не занятых непосредственно в производстве. Поэтому, применение целых трудовых армий, с сохранением армейского аппарата, может быть оправдано лишь постольку, поскольку необходимо сохранить армию в целом для военных задач. Как только надобность в этом отпадает, необходимо громоздкие штабы и управления расформировать, использовав лучшие элементы из квалифицированных рабочих в качестве небольших ударно-трудовых отрядов на важнейших промышленных предприятиях.

XV. Трудовое дезертирство.

В виду того, что значительная часть рабочих, в поисках лучших условий продовольствия, а нередко и в целях спекуляции, самовольно покидает предприятия, перезжает с места на место, чем наносит дальнейшие удары производству и ухудшает общее положение рабочего класса, С'езд одну из насущных задач Советской власти и профессиональных организаций видит в планомерной, систематической, настойчивой суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности путем публикования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь.

XVI. Субботники.

Субботникам должно быть уделено на местах несравненно большее внимание, чем это происходит сейчас. Для субботников нужно выбирать задачи, близкие местному населению, придавать им характер коллективного трудового усилия во имя заранее известных и всем понятных целей, вовлекать в них не только беспартийных рабочих, но и все вообще местное население, мужское и женское. Не менее важны тщательно обдуманный технический план для каждого субботника, строго целесообразное распределение сил, безусловно экономное их использование. Только при этом условии субботники могут глубоко войти в жизнь, вовлекая все новые массы и оплодотворяя будничную работу новой инициативой и свежим энтузиазмом.

XVII. Ремонт паровозов и постройка новых.

Продолжая всеми мерами поощрять инициативу каждой отдельной группы рабочих в деле ремонта подвижного состава, необходимо, однако, отдать себе ясный отчет в том, что такой кустарнический метод помощи транспорту может иметь лишь временный характер, так как он поглощает слишком много квалифицированных сил, которых у нас недостает, и занимает оборудование заводов, предназначенных для других целей.

Поскольку нет основания надеяться на получение в ближайшие месяцы и даже годы большого количества паровозов из-за границы, представляется безусловно необходимым организовать массовое производство нужнейших запасных частей, а затем и паровозов в размерах, далеко превышающих производство их до войны. Условием успеха в этом направлении являются точная разработка и энергичное проведение обширного плана, рассчитанного на значительное число наиболее подходящих заводов при американизации производства, т.-е. при строгом разделении процесса производства на детальные функции, с заменой квалифицированных рабочих рабочими низкой, частичной квалификации под руководством инструкторов.

XVIII. Образцовые предприятия.

Наряду с общими мероприятиями по поднятию хозяйства страны и повышения производительности труда в промышленности, С'езд считает необходимым создание в соответственных районах отдельных образцовых предприятий основных отраслей промышленности. Эти предприятия, выделенные в соответствии с общехозяйственным планом на основании технических, географических и прочих соображений, должны быть в срочном порядке обеспечены дополнительным оборудованием, необходимой рабочей силой, техниками, продовольствием, топливом и сырьем. Во главе таких предприятий должны быть поставлены лучшие администраторы и техники. Политическое обслуживание образцовых предприятий должно быть обеспечено Ц. К. Р. К. П. под его непосредственным наблюдением. Отчеты о ходе работ в образцовых предприятиях должны периодически сообщаться в печати. При предприятиях должны открываться, как только представится возможным, технические и административные курсы, трудовые школы и пр. так, чтобы каждое образцовое предприятие становилось школой промышленного воспитания и очагом хозяйственно-технического творчества для обширного района, для целой отрасли промышленности, если не для всей страны.

XIX. Бумажное и типографское дело.

Принимая во внимание, что первым условием успеха Советской республики во всех областях, и в том числе в хозяйственной, является систематическая агитация, в которой пресса призвана играть руководящую роль, С'езд обращает внимание Советской власти на совершенно недопустимое состояние нашей бумажной и типографской промышленности. Газета во все меньшем числе доходит не только до крестьянина, но и до рабочего, а ужасающая типографская техника делает чтение газет все менее доступным для тружеников. С'езд настойчиво призывает ВСНХ, соответственные профессиональные союзы и другие заинтересованные учреждения приложить все усилия к тому, чтобы повысить количество производимой бумаги, улучшить ее качество, внести в типографское дело порядок и тем обеспечить рабоче-крестьянскую Россию социалистическим печатным словом.

XX. Первое мая.

В соответствии с великой очередной задачей социалистической революции С'езд постановляет:

Превратить международный пролетарский праздник 1-го мая, выпадающий в этом году на субботу, в грандиозный Всероссийский Субботник.

Об организационной связи между хозяйственными комиссариатами.

С'езд поручает Ц. К. выработать в ближайшее время систему организационной связи между В. С. Н. Х. и другими, непосредственно связанными с хозяйственными комиссариатами (Наркомпрод, Наркомпуть, Наркомзем), в их повседневной работе, с целью обеспечения полного единства проведения хозяйственного плана, утвержденного С'ездом партии.

Резолюция по вопросу о профессиональных союзах и их организации.

I. Общее положение и общие задачи профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролетариата.

При диктатуре пролетариата профессиональные союзы превращаются из органов борьбы со стороны продавцев рабочей силы против господствующего класса капиталистов в аппараты правящего рабочего класса. Задачи профсоюзов лежат, главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной. Эти задачи профессиональные союзы должны выполнять не в качестве самодовлеющей, организационно изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов со-

ветского государства, руководимого коммунистической партией. Только при таком условии будут достигнуты наибольшая устойчивость всей системы пролетарской диктатуры и наибольший производственный эффект.

II. Профсоюзы и советское государство.

1) Советское государство является самой всесторонней и всеобъемлющей формой рабочей организации, которая практически осуществляет строительство коммунизма, вовлекая в эту работу все более широкие массы крестьянства. С другой стороны, советское государство является такой рабочей организацией, которая имеет в своем распоряжении все материальные средства принуждения. Будучи пролетарской диктатурой, советское государство является рычагом экономического переворота. Поэтому не может быть речи о противопоставлении органов профессиональных союзов органам Советской власти.

2) Политика есть самое концентрированное выражение экономики и ее обобщение и завершение. Поэтому противопоставление профсоюзов, как экономической организации рабочего класса, советам, как политической организации его, вообще нелепо и является уклоном от марксизма в сторону буржуазных, в частности—буржуазно-тред-юнионистских предрассудков. Особенно нелепо и вредно такое противопоставление в эпоху диктатуры пролетариата, когда вся его борьба и вся его деятельность, и экономическая и политическая, должны быть более чем когда-либо объединены, сосредоточены, направлены единой волей, связаны железным единством.

3) Будучи школой коммунизма и звеном, связующим наиболее отсталые и не освободившиеся еще всецело от старой цеховой и профессиональной узости массы пролетариата с его авангардом—Коммунистической Партией—профсоюзы должны воспитывать, организовать культурно, политически, администраторски, поднимать эти массы до уровня коммунизма, подготовляя их к роли творцов коммунистического строя, создаваемого советским государством, как исторически сложившейся формой пролетарской диктатуры.

4) Поэтому, прежде всего, необходима более тесная связь между советским аппаратом и аппаратом профсоюзов. Так как Советская власть является наиболее широкой организацией, концентрирующей всю социальную мощь пролетариата, ясно, что профсоюзы, по мере развития коммунистического сознания и творческой роли масс, должны постепенно превращаться во вспомогательные органы пролетарского государства, а не наоборот.

5) Идя по этому пути, профсоюзы выполняют свою наиболее важную функцию, функцию хозяйственно-администраторскую, входя в советские организации, пропитывая их, превращаясь таким образом все более и более в основную базу советских хозяйственных аппаратов.

III. Профсоюзы и Коммунистическая Партия.

1) Коммунистическая Партия является организацией авангарда рабочего класса, руководителем пролетарского движения и борьбы за коммунистический строй.

2) Свое влияние на широкие беспартийные слои трудящихся Партия проводит через коммунистические фракции и ячейки во всех других рабочих организациях, профессиональных союзах в первую голову. Лишь в той мере, в какой профессиональные союзы, оставаясь формально не партийными, становятся коммунистическими по существу и проводят политику коммунистической партии, лишь в этой мере обеспечена диктатура пролетариата и строительство социализма.

3) Поэтому в каждом профессиональном союзе должна существовать дисциплинированная, организованная фракция коммунистов. Каждая партийная фракция является частью местной организации, подчиненной партийному комитету, а фракция В. Ц. С. П. С. подчинена Ц. К. Р. К. П. Все постановления В. Ц. С. П. С., касающиеся условий и организации труда, обязательны для всех профессиональных организаций, а равно и работающих в них членов Партии и не могут быть отменены никакими иными партийными органами, кроме Ц. К. Партии. Местные комитеты, всецело направляя идейную работу профсоюзов, никоим образом не должны прибегать к мелкой опеке над ними. Отношения между местными парткомами и фракциями профсоюзов точно регулируются соответствующими параграфами устава Партии.

IV. Формы участия профсоюзов в хозяйственном аппарате пролетарского государства.

1) В виду того, что профессиональные союзы, об'единяя рабочих по крупным отраслям производства, непосредственно с этим производством связаны и поэтому являются весьма компетентной организацией именно здесь, они составляют основную базу хозяйственных организаций, управляющих промышленностью.

2) Это проявляется в том, что профсоюзы, не будучи обособленной организацией и отнюдь не заведуя целиком и исключительно хозяйством Советской Республики, снизу доверху участвуют в организации производства. При этом ни одна из союзных организаций не вмешивается непосредственно в ход предприятий.

3) Низшей ячейкой профсоюза является Завком. Завком, не вмешиваясь в область управления предприятием, выполняет следующие функции: способствует поднятию трудовой дисциплины всеми мерами, вплоть до товарищеских дисциплинарных судов, ведет наряду с общей производственную трудовую пропаганду, привлекает рабочих к участию в рабочей инспекции, воспитывает рабочих и заинтересовывает их в понимании роли завода (отчеты, доклады и т. д.), способствует подбору рабочих-администраторов, наблюдает за деятельностью расценочных комиссий и проч.

4) В заводоуправлениях профсоюзы принимают участие в формировании таковых по соглашению с соответствующими органами В. С. Н. Х., причем принцип выборности должен быть заменен принципом подбора на основе практического стажа технической компетентности, твердости, организаторской способности и деловитости кандидатов.

5) Районные управления и заводоуправления предприятий состоят из лиц, назначаемых по соглашению между Ц. К. соответствующего союза, с одной стороны, Коллегии Главка и Центра—с другой, или же (в случае непосредственного подчинения В. С. Н. Х.) по соглашению и с окончательной санкцией президиума последнего.

6) Коллегии (Президиумы) Губсовнархозов составляются по соглашению между Губпрофсоветом и Губисполкомом; Главки и Центры—по соглашению Ц. К. профсоюзов и соответствующего отдела В. С. Н. Х. Наконец, сам ВСНХ, поскольку кандидаты в Президиум его намечаются с'ездом Совнархозов, точно так же формируется при ближайшем участии профсоюзов.

7) Аналогично этому должны формироваться и другие руководящие экономические организации, например: ведающие мобилизацией, распределением, учетом и охраной рабочей силы (как-то Главкомтруд и проч.).

Таким образом, во всех звеньях промышленной администрации и администрации народно-хозяйственной вообще, профессиональным союзам принадлежит сугубо важная роль, которая, с повышением уровня рабочего класса, в целом будет постоянно возрастать.

V. Текущие задачи профсоюзов.

1) Поражение белых армий, мирностроительные задачи, в связи с невероятно-катастрофическим положением народного хозяйства, требуют совершенно исключительного напряжения сил пролетариата и вовлечения в общественно-трудовой процесс широких крестьянских масс. Профессиональные союзы поэтому должны принять всеми своими аппаратами участие в этой напряженнейшей, наиболее трудной борьбе за хозяйственное возрождение.

2) Соответственно этому должны быть радикально изменены методы и темп работы профсоюзов. Если перед пролетариатом, как классом, стоит задача перехода к «работе по-военному», т.-е. к величайшей точности, исполнительности, ответственности, быстроте работы и ее напряженности, беззаветности и самопожертвованию со стороны работников, то в первую очередь это относится к органам промышленной администрации вообще и, следовательно, к профсоюзам.

3) Профсоюзы, подобно руководящей партии пролетариата, должны реорганизовать свой собственный аппарат, прежде всего уничтожить все остатки разгильдяйства, ввести дух строжайшей деловитости и дисциплины, а равно и полную ответственность за выполнение всех и всяческих заданий.

4) Профсоюзы должны взять на себя задачу разъяснения широким кругам рабочего класса всей необходимости перестройки аппарата промышленного управления в сторону наибольшей эластичности и деловитости, что может быть достигнуто лишь переходом к максимальному сокращению управляющих коллегий и постепенному введению единоличного управления непосредственно производственными единицами.

В этой агитации необходимо особо выдвигать следующие пункты:

а) единоличное управление не может быть противопоставляемо рабочему управлению; наоборот, наиболее экономное и широкое рабочее управление требует единоличного управления, так как данное количество рабочих администраторов распределяется здесь на большее количество заводов;

б) единоличное управление ни в коей мере не нарушает и не ограничивает ни прав класса, ни «прав» профсоюзов, ибо класс может править в какой угодно форме, а форма эта зависит от технической целесообразности; во всех случаях «назначает» лиц, руководящих и администрирующих, правящий класс в целом;

в) единоличие предполагает подбор компетентных лиц и обеспечивает максимум деловитости и ответственности;

г) единоличие, даже в тех случаях, когда управляет «спец», в конечном счете есть проявление пролетарской диктатуры, которая не только заставляет работать в определенном направлении, но и ставит свой глаз в лице рабочих комиссаров;

д) единоличие не исключает привлечения широких рабочих масс к делу управления; оно только отграничивает функции непосредственного управления от обучения, каковое должно составить совершенно особую отрасль деятельности и особую задачу. Это разграничение стало категорической необходимостью в текущий момент. С другой стороны, совершенно неправильно привлечение к управлению масс в коллегиальности, привлекающей тройки и пятки.

5) Одной из особо важных задач профсоюзов является подготовка офицерского кадра нашей промышленности из рабочих, т.-е. дело профессионально-технического обучения. Привлечение широких рабочих масс, их обучение, трудовая пропаганда и проч. попрежнему остаются на первом плане, ибо без решения этих задач невозможен трудовой под'ем, а без трудового под'ема невозможно возрождение хозяйственной жизни на социалистических началах.

6) С'езд полагает, что в настоящий момент более чем когда-либо партия должна обратить самое серьезное внимание на усиление профессиональных союзов, в первую очередь на усиление их личного состава путем вливания наиболее преданных, твердых, по возможности прошедших суровую школу гражданской войны коммунистов. Всяким попыткам свести на-нет роль и значение профсоюзов партия должна давать решительный отпор.

Резолюция об отношении к кооперации.

Исходя из положений принятой на 8-м с'езде программы партии, которая в части, касающейся сельского хозяйства и распределения, совершенно правильно, по мнению с'езда, намечает путь превращения старой мелко-буржуазной кооперации в кооперацию, руководимую пролетариями и полупролетариями, с'езд предлагает Центральному Комитету в своей работе в этой области руководиться следующими директивами:

I.

В области потребительской кооперации надлежит:

1. Завершить начатое декретом от 20 марта 1919 года и последующей работой партии закрепление за нашей партией руководящего значения во всех организациях потребительской кооперации снизу доверху.

2. В целях устранения параллелизма в работе кооперативных и советских органов, приступить к постепенному из'ятию из местных потребительских обществ, губсоюзов и центросоюза и к передаче соответствующим центральным и местным советским органам (В. С. Н. Х., Наркомпрод, Наркомзем, Наркомпрос и др.) всех тех отделов, которые являются параллельными и конкурирующими с соответственными отделами этих органов, именно: промышленных, лесного, сельскохозяйственного, кооперативно-просветительного и других, сообразуя сроки передачи отделов и предприятий с подготовленностью соответствующих отделов советских органов к успешному руководству передаваемыми учреждениями.

3. В полной мере привлекать кооперативный аппарат к делу снабжения населения на основе продовольственной политики, устанавливаемой Компродом. Наиболее правильными и отвечающими современным условиям взаимоотношениями между потребительской кооперацией и государственными органами являются такие, при которых потребительская кооперация, находясь в центре и на местах в ведении Наркомпрода, выполняет технические хозяйственные операции по его заданиям и под его контролем, что наиболее полно может быть осуществлено в деле организации распределения и что проводится в жизнь на основе декрета от 20 марта 1919 г.; заготовительная же деятельность, отражающая на себе основы государственной хозяйственной политики и построенная на применении принципа государственной повинности, принимающего все большее и большее распространение, должна составлять предмет исключительной компетенции государственных хозяйственных органов, всемерно использующих кооперативный аппарат в качестве подчиненного технического аппарата при заготовках как немонополизированных, так и монополизированных продуктов.

Через кооперативный заготовительный аппарат должна производиться заготовка прежде всего тех продуктов и предметов первой необходимости, которые заготовляются не в порядке разверстки, и на которые, таким образом, не распространяется государственная повинность.

Задания государственных органов в области заготовок должны быть обязательными для кооперативных организаций, так как только при этом условии кооперативный аппарат может быть использован с необходимой полнотой не только в области распределения, но и в области заготовок.

II.

Что касается сельскохозяйственной и промысловой кооперации, то с'езд считает совершенно правильным сделанный декретом 27-го января с. г. первый шаг в деле подчинения организаций отдельных групп более зажиточных крестьян, об'единенных по различным отраслям сельскохозяйственной и кустарной промышленности, органам потребительской кооперации, как охватывающей все рабочее и крестьянское население в целом, именно прекращение самостоятельного существования всех всероссийских центров сельскохозяйственной и производственной кооперации и слияние их с Центросоюзом на правах секции.

Вместе с тем с'езд поручает Центральному Комитету добиваться реорганизации и низших об'единений сельскохозяйственных и промысловых кооперативов.

При этой реорганизации с'езд предлагает руководиться двумя основными директивами:

1. Стремиться к тому, чтобы инициатива и самодеятельность об'единенных и об'единяющихся в эти кооперативы крестьян-производителей не подавлялись, и чтобы количество производимых ими продуктов не уменьшалось, а возрастало.

2. Подчинять различные виды сельскохозяйственных и промысловых кооперативов в губернском и районном масштабах соответствующим союзам потребительских обществ на правах их автономных производственных секций. При этом в производственно-хозяйственном отношении сельскохозяйственная и промысловая кооперация будет находиться целиком в ведении В. С. Н. Х. и Наркомзема, и подчинение потребительской кооперации должно носить только административно-политический характер.

Последовательное проведение в жизнь принципов, легших в основу декретов 20-го марта 1919 г. и 27-го января 1920 г., в направлении, указываемом настоящей резолюцией, приведет к реорганизации кооперации из более узкой формы об'единения отдельных привилегированных групп населения в условиях капиталистического общества в новые кооперативные формы, отвечающие хозяйственным и политическим условиям диктатуры пролетариата и могущие в дальнейшем послужить основой организации снабжения населения на коммунистических началах.

Резолюция по организационному вопросу.

§ 1.

Очередные организационные задачи нашей партии всегда теснейшим образом связаны с очередными общеполитическими и социально-экономическими задачами, стоящими перед ней. В связи с переходом к хозяйственным задачам перед нашей партией в данный момент возникает особая организационная задача. Партии придется, приспосабливая свою работу к новым хозяйственным задачам, перестроить ряды и произвести коренное перераспределение сил.

§ 2.

Задача партии заключается в том, чтобы раз'яснить всем до единого ее членам, что в настоящую эпоху, когда Р. К. П. отвечает за хозяйственную жизнь страны, самая черная и невидная работа в хозяйственной области является в высшей степени важной и ответственной партийной работой.

Главными видами партийной работы в настоящее время являются: работа коллективов на фабриках, заводах, работа партийных организаций на железных дорогах и в транспорте вообще, работа по проведению различных видов трудовой повинности, работа коммунистов в топливных организациях, в общественных столовых, в казармах, домовых комитетах, работа по ремонту и правильному функционированию бань, работа по очистке и ремонтированию домов, руководство работой народных садов, школ, учреждений по социальному обеспечению и т. д., и т. д.

§ 3.

Главная организационная задача партии в целом заключается в том, чтобы правильно распределить и поставить на партийную работу всех шестьсот тысяч членов партии, входящих в ее ряды. По правилу, местная организация должна направлять каждого своего члена на партийную работу по его специальности или профессии. Перегруппировка партийных сил в каждом городе, в каждой губернии, на каждом заводе должна быть произведена с точки зрения использования их в производственном процессе; в первую голову, должны быть обеспечены рабочими-коммунистами важнейшие предприятия, а внутри этих последних коммунисты должны быть распределены с таким расчетом, чтобы во всех мастерских имелось крупное инициативное коммунистическое ядро. Под этим углом зрения Центральный Комитет перераспределяет партийные силы в общегосударственном масштабе.

§ 4.

Для того, чтобы с успехом исполнить задачу, указанную в § 3, дело учета членов партии должно быть поднято во всех организациях на должную высоту. В основу учета должна быть положена система единого партийного билета. При проведении учета членов партии, как местным организациям, так и Центральному Комитету надлежит обращать особое внимание на профессию члена партии, на его хозяйственно-организационный стаж и на роль каждого члена партии в работе по возрождению хозяйства страны.

§ 5.

На основе точного учета членов партии необходимо стремиться, как к более систематическому распределению партийных сил, так и к тому, чтобы все большие массы членов партии постепенно поднимались с работы менее ответственной и более узкой к работе, более ответственной и более широкой. Для проведения в жизнь этой основной задачи с'езд рекомендует следующие меры:

а) каждый низший коллектив один раз в месяц или один раз в два месяца передает соответствующему высшему организационному коллективу список, в который входит 5—10% состава низшего коллектива, с указанием их прошлой работы и указанием тех работ, на которые данный коллектив считал бы полезным поставить товарищей, указанных в списке. Такие же списки периодически доставляются фабрично-заводскими ячейками—районным комитетам, районными комитетами — губернскому комитету, губернскими комитетами—центральному комитету. При этом всем коллективам рекомендуется внимательное и осторожное отношение при составлении этих списков и указывается на то, что члены коллектива за свою рекомендацию несут круговую поруку;

б) для того, чтобы скорее и успешнее поднять новые силы партийных работников на хозяйственную работу, все партийные организации обязаны обратить серьезное внимание на фракции коммунистов, действующие в беспартийных организациях, т.-е. на фракции профессиональных союзов, советов и т. п. Эти фракции следует обязать вести такие же списки, как это указано выше относительно партийных коллективов;

в) ту же задачу партийные организации должны специально преследовать при устройстве партийных конференций. На каждой беспартийной конференции партийная организация должна иметь группу товарищей, которые изучают состав конференции, с целью выделить там подходящих советских работников, которые могли бы быть поставлены на соответствующую работу. При этом необходимо устраивать широкие беспартийные конференции, тщательно подготовляя их и посвящая их практическим вопросам хозяйственного строительства, не только в районах крупных городов, преимущественно, и не только в городах вообще, но в деревнях и среди Красной Армии и милиции, и специально среди женщин и среди молодежи;

г) партийным организациям на местах необходимо проявить особую инициативу в деле выдвигания других практических мер, которые могут привести к этой цели.

§ 6.

Коммунисты в составе фабрично-заводских предприятий не имеют никаких преимуществ пред остальными рабочими, они имеют лишь более высокие обязанности. Каждый из них в повседневной жизни своего предприятия должен оставаться образцом точности, исполнительности и ревности в труде. Партийные ячейки в производственных предприятиях, ни в каком случае не вмешиваясь в управление последними, следят за тем, чтобы распоряжения управления безусловно выполнялись, оказывают управлению и фабрично-заводским комитетам во всех их шагах, направленных к повышению производительности труда, полное содействие своим партийным авторитетом и влиянием, обращая особое внимание на усиление последнего во всей массе работающих.

§ 7.

При общих трудовых мобилизациях для трудовых целей, а также при проведении субботников и воскресников, местные комитеты обязаны в соответствии с имеющимися инструкциями тщательно следить за поведением членов партии. Уклоняющиеся в той или иной форме от выполнения трудового долга должны не только удаляться из партийных организаций, но и заноситься в черные списки, дабы они не могли в дальнейшем занимать никаких постов, требующих общественного доверия.

§ 8.

Партийная пропаганда должна все более ориентироваться в хозяйственном направлении, принимая более конкретный характер и подводя к пониманию коммунизма путем ознакомления широких масс с тем, что партия делает в борьбе с хозяйственной разрухой и т. п.

Партийная печать должна уделять особое внимание организационно-хозяйственным вопросам, с несравненно большей полнотой, точностью и конкретностью отражать ход промышленной жизни, успехи и неуспехи отдельных предприятий, рост и понижение производительности труда, отмечая заслуги отдельных членов партии, групп и тому подобное. Партийная печать должна стать могущественным органом возбуждения трудового соревнования. Особое внимание должно быть обращено на дальнейшее развитие партийных школ (высшего, низшего и инструкторского типа) для подготовки в области хозяйственно-административной.

Центральный Комитет должен выработать учебные планы и примерную программу подобных школ, обратив усиленное внимание на распространение элементарных технических знаний и на использование для этого всех технических методов.

С'езд признает необходимым усилить работу среди членов партии в направлении, указанном в соответствующей резолюции декабрьской всероссийской партийной конференции. С'езд признает желательным издание Бюллетеня Ц. К. для руководства агитацией и пропагандой.

§ 9.

Во всей работе распределения членов партии на организационно-хозяйственную деятельность, партийная организация ни в коем случае не должна себе ставить задачей заменить Советы, или в какой бы то ни было мере конкурировать с ними. Вся работа партийных организаций в этой области должна происходить через соответствующие советские органы. В области взаимоотношений между партийными организациями и Советами должна господствовать возможно бо́льшая ясность и четкость линий, указанная партией в резолюции восьмого с'езда Р. К. П., в партийном уставе и резолюциях, принятых на последней Всероссийской конференции Р. К. П.

§ 10.

С'езд обращает внимание партийных организаций на необходимость усилить организационную и пропагандистскую работу среди крестьянства, в особенности же среди с.-х. пролетариата, подготовляя и выделяя для этой работы специальные кадры работников.

§ 11.

Для достижения единообразия в строении местных организаций и их отделов, Центральный Комитет в дополнение к уставу должен разработать единую схему строения местных организаций с точным распределением задач и взаимоотношений парткомов.

§ 12.

Парткомы об'единяют свою партийную работу на данной территории. Все члены партии-ячейки на данной территории входят в состав соответствующих партийных районов и пользуются всеми правами и несут все обязанности членов. Об'единение партийных членов по какому-либо другому признаку с особым подчинением Центральному Комитету (вроде организации Главполитпути) допускается лишь в особо исключительных случаях по особому постановлению Ц. К. В этих случаях должен быть обеспечен теснейший контакт между создаваемым органом и местными парткомами таким образом, что местный партком выдвигает кандидата в заведующие местным отделом подобного общепартийного органа. За центром последнего остается право утверждения или мотивированного отвода. Право мотивированного отвода, но отнюдь не самостоятельного устранения остается также за парткомом. Признается необходимым стремиться к тому, чтобы указанный заведующий был членом местного парткома. В случае создания подобного органа, за местным комитетом сохраняется право передвижения партийных членов, находящихся на учете данного политотдела, лишь с согласия последнего. Политотдел же передвигает находящиеся в его ведении силы лишь с ведома парткома.

§ 13.

С'езд поручает Ц. К. разработать план своих работ таким образом, чтобы

1) усилить секретариат введением в него трех членов Ц. К., постоянно работающих в секретариате;

2) передать в ведение секретариата в указанном составе текущие вопросы организационного и исполнительного характера, сохранив за оргбюро из пяти членов Ц. К. общее руководство организационной работой Ц. К.

§ 14.

С'езд признает необходимым подтвердить, что в своей советской работе, как на местах, так и в центре, все члены партии обязаны руководствоваться неуклонным выполнением резолюции седьмого с'езда Советов о советском строительстве.

§ 15.

Там, где будут созданы областные хозбюро, Ц. К. может образовать областное партийное бюро из Ц. К. для усиления и об'единения партийной работы в данном хозяйственном районе.

§ 16.

С'езд поручает Ц. К. ускорить разработку инструкций к уставу партии.

Все материалы, касающиеся советского строительства, передать Коммунистической фракции В. Ц. И. К.

Резолюция о переходе к милиционной системе.

1. Приближение к концу гражданской войны и благоприятные изменения в международном положении Советской России ставят на очередь вопрос о коренных изменениях в постановке нашего военного дела в соответствии с неотложными хозяйственными и культурными потребностями страны.

2. С другой стороны необходимо установить, что до тех пор, пока в важнейших мировых государствах остается у власти империалистическая буржуазия, социалистическая республика ни в каком случае не может считать себя в безопасности.

Дальнейший ход событий может в известный момент снова бросить теряющих под ногами почву империалистов на путь кровавых авантюр, направленных против Советской России.

Отсюда вытекает необходимость поддержания дела военной обороны революции на должной высоте.

3. Нынешнему переходному периоду, который может иметь длительный характер, должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением их от производительного труда. Такой системой может явиться только построенная на территориальных началах красная рабоче-крестьянская милиция.

4. Сущность советской милиционной системы должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей.

5. В своем территориальном распределении милиционные части (полки, бригады, дивизии) должны быть приурочены к территориальному размещению промышленности так, чтобы промышленные очаги с окружающей их и тяготеющей к ним сельскохозяйственной периферией образовывали основу из милиционных частей.

6. Организационно рабоче-крестьянская милиция должна опираться на вполне подготовленные в военном, техническом и политическом отношении кадры, которые держат на постоянном учете обучаемых ими рабочих и крестьян и способны в любой момент извлечь их из своего милиционного округа, охватить своим аппаратом, поставить под ружье и повести в бой.

7. Переход к милиционной системе должен иметь характер необходимой постепенности, в соответствии с военным и международно-дипломатическим положением Советской Республики, при непременном условии, чтобы обороноспособность последней во всякий момент оставалась на должной высоте.

8. При постепенной демобилизации Красной Армии лучшие ее кадры должны получить наиболее целесообразное, т.-е. наиболее приспособленное к местным производственно-бытовым условиям, размещение на территории страны и обеспечить таким образом готовый аппарат управления милиционных частей.

9. Личный состав милиционных кадров должен затем постепенно обновляться в направлении теснейшей связи с хозяйственной жизнью данного района, так, чтобы командный состав дивизии, расположенной на территории, охватывающей, например, группу горных заводов с примыкающей к ним деревенской периферией, состоял из лучших элементов местного пролетариата.

10. В целях указанного обновления кадров курсы командного состава должны быть территориально распределены в соответствии с хозяйственно-милиционными округами и через эти курсы должны проходить лучшие представители местных рабочих и крестьян.

11. Военная подготовка на милиционных началах, которая должна обеспечить высокую боеспособность милиционной армии, будет складываться:

а) Из допризывной подготовки, в области каковой военное ведомство работает рука об руку с ведомством народного просвещения, с профессиональными союзами, организациями Партии, союзом молодежи, спортивными учреждениями и проч.

б) Из военного обучения граждан призывного возраста, со все более и более коротким сроком и со все большим приближением казармы к типу военно-политической школы.

в) Из кратковременных повторительных сборов, целью которых является проверка боеспособности милиционных частей.

12. Предназначенная для задач военной обороны страны организация милиционных кадров должна быть в необходимой мере приспособлена для дела трудовой повинности, т.-е. должна быть способна формировать трудовые части и снабжать их необходимым инструкторским аппаратом.

13. Развиваясь в сторону превращения в вооруженный коммунистический народ, милиция в настоящий период должна сохранять в своей организации все черты диктатуры рабочего класса.

Резолюция о взаимоотношениях между политотделами и парткомами.

Взаимоотношения линейных (включая дор.). Политотделов с местными партийными организациями должны быть точно установлены в резолюции по организационному вопросу в том направлении, что заведующие местными органами Главполитпути выставляются местными Парткомами и утверждаются Главполитпутем, при чем желательно, чтобы заведующие дор. или райполитами были членами местного Парткома. При распределении сил жел. дор. ком. действует следующее правило: Политотделы распределяют силы с ведома местных Парткомов, Парткомы же лишь с согласия Политотделов. Главполитпуть работает под непосредственным руководством Ц. К. Р. К. П.

Резолюция о работе среди женского пролетариата.

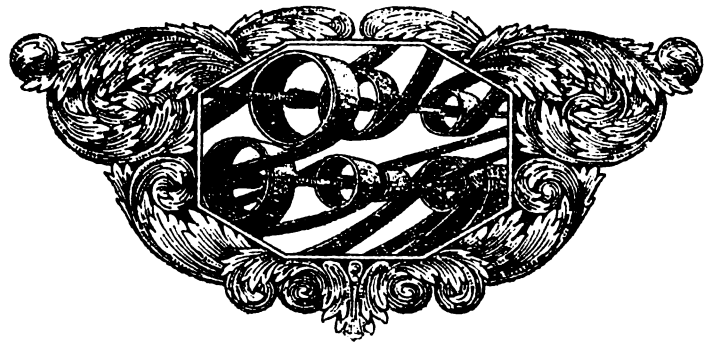
Принимая во внимание то значение, которое имеет участие работниц и крестьянок в партийной работе, и ту роль, которую играют женщины рабочего класса и деревенской бедноты во всей хозяйственной жизни и в деле строительства Советской Республики, особенно в связи с очередными задачами текущего момента — борьбой с производственной и продовольственной разрухой, общественным питанием и воспитанием, борьбой с безграмотностью и другими задачами, 9-й Всероссийский С'езд Коммунистической Партии (большевиков) считает работу среди женского пролетариата одной из неотложных задач момента и необходимой частью нашей общепартийной работы.

9-й Всероссийский С'езд предлагает всем губкомам, уездкомам и коммунистическим ячейкам обратить самое серьезное внимание и принимать деятельное участие в работе среди работниц и крестьянок, организуя при наших партийных комитетах отделы работниц, где их еще не существует, и усиливая их работу там, где они есть (согласно инструкциям Ц. К.), при этом выделяя ответственных организаторов и заведующих такими отделами из среды лучших партийных работников.

С'езд предлагает партийным организациям на местах вести усиленную работу среди женщин в профессиональных союзах, привлекая работниц к трудовой повинности и к участию в коммунистических субботниках.

С'езд указывает на необходимость вести самую усиленную работу среди крестьянок и работниц по ликвидации безграмотности путем устройства школ грамоты для взрослых, устройства общих читален и собеседований по всем вопросам текущего момента.

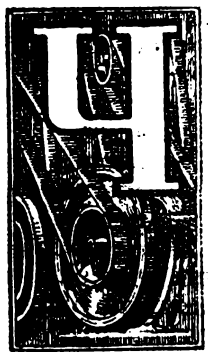
Самое серьезное отношение к работе среди женского пролетариата города и деревни и активное участие в ней всех членов Коммунистической Партии увеличат ее ряды новыми неиспользованными силами, новыми работниками во всех областях советского строительства и борцами за осуществление коммунистического строя.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

РАБОЧИМ ГЕРМАНИИ, РАБОЧИМ ВСЕГО МИРА.

О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ.

Чем бы ни кончились непосредственно битвы, разыгрывающиеся ныне на улицах германских городов, происходящие перед нами события вписывают одну из самых значительных страниц в историю международной пролетарской революции.

В течение полутора лет правительство германских белых социал-демократов, убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург, систематически разоружало германских рабочих и вооружало сынков германской буржуазии. Белая социал-демократия прокладывала дорогу белым генералам. И вот, когда этим белым генералам показалось, что они уже достаточно окрепли и что германская революция в достаточной степени деморализована предательской социал-демократией, эти белые генералы попытались произвести контрреволюционный переворот в Германии.

Но они просчитались. Электрическая искра пронизала всех до единого пролетариев Германии. Трусливая шайка Эбертов и Носке бежала из Берлина, убоявшись своих собственных генералов. Но героический берлинский пролетариат одним могучим напряжением сил сдунул со своего пути правительство белых генералов, просуществовавшее всего только несколько дней. Генеральская контрреволюция совершила чудо; она открыла глаза и тем отсталым слоям трудящихся, которые, развращенные пропагандой желтой социал-демократии, до сих пор верили правительству Эберта и Носке. Могучим пожатием плеч берлинский пролетариат вытеснил из своего города шайки Лютвица и Каппа. Пламя всеобщей стачки распространилось почти по всей Германии. Германский пролетариат, трижды преданный, многажды обманутый желтыми социал-демократами, обесславленный башибузуками Носке и обескровленный в нескольких проигранных сражениях, к ужасу всей буржуазии и к неожиданности всех мещан социал-демократии предстал перед всем миром, как класс-великан.

По мере того, как разыгрывалась всеобщая стачка и как германские рабочие стали браться за оружие, белые социал-демократы стали примиряться с белыми генералами. Перед лицом красного призрака коммунизма предательская социал-демократия и контрреволюционная буржуазия вновь сплачивались в единый блок, в единую реакционную массу. Палач Эберт готовится завтра в борьбе против коммунистов прибегнуть к помощи тех самых балтийских войск, которые вчера заставили Эберта улепетнуть из Берлина. Рурский бассейн, где герои-рабочие захватили власть и поголовно вооружились, окружают черносотенными войсками и готовятся взять голодом. Эберт и Носке применяют к германским рабочим те самые меры, которые два десятилетия тому назад отребья черносотенных германских генералов применяли в Африке по отношению к непокорным колониям, жителей которых брали измором голода и жажды. А разбойничьи правительства Антанты, которые соблюдали более или менее формальный нейтралитет, когда спор шел между своими, когда тягались между собою правительства Эберта и Каппа, сейчас готовы подобрать специальные реакционные войска для того, чтобы вторгнуться в Германию и помочь палачам германского пролетариата против надвигающейся пролетарской революции.

Но, несмотря ни на что, пролетарское движение Германии развивается с достойной

изумления настойчивостью. Германские рабочие держат в своих руках уже три крупных района страны. Германские рабочие получили оружие, это—главное. И нет той силы в мире, которая вновь могла бы отобрать это оружие у германских рабочих, понявших, что если их еще раз обезоружат, диктатура генеральской шайки станет неизбежной. При невероятно трудной обстановке создалась красная армия в Германии. И она растет, несмотря ни на что, к ужасу поработителей пролетариата и в радость рабочих всех стран. Появление регулярной красной армии, хотя бы численно пока еще небольшой, имеет грандиозное значение для судеб пролетарской революции в Германии. Неменьшим завоеванием является и то, что сельские рабочие, батраки в большом числе стали присоединяться к восставшим городским пролетариям, стали вооружаться и идут на помощь передовым бойцам городов, как их резерв.

Гражданская война в Германии теперь уже не закончится до тех пор, пока победа не будет в руках рабочих. Ни новые измены «вождей» профессиональных союзов, ни гнилые компромиссы, выдумываемые правым крылом независимцев, ничем не отличающихся от шейдемановцев, не спасут уже власти буржуазии. Слишком нагляден был урок, слишком силен был толчок, приведший в движение всю рабочую Германию. Путь к власти усеян терниями для рабочих Германии. Буржуазия и ее слуги, белые социал-демократы, оказывают упорное сопротивление. Но ничто не спасет буржуазного владычества. Трон буржуазии задрожал и в Германии. Если французские и английские капиталисты завтра и пошлют свои войска для усмирения германских рабочих, они послезавтра с ужасом увидят, как посланные ими солдаты братаются с германскими рабочими. Интервенция со стороны французских и английских капиталистов рикошетом донесет волну коммунизма в Англию и во Францию и только ускорит назревающую пролетарскую революцию в этих странах. Буржуазия никуда не уйдет от своей судьбы. Пролетарская революция и создание советской власти во всей Европе так же неминуемы, как неминуемо то, что после ночи наступает утро.

Что доказала попытка контр-революционного переворота в Германии для рабочих всех стран? С режущей ясностью эта попытка доказала еще и еще раз, как прав был Коммунистический Интернационал, когда неоднократно заявлял: в начавшуюся эпоху гражданской войны возможны только две диктатуры: или диктатура пролетариата, освобождающего все человечество и преобразующего всю жизнь на коммунистических началах, или диктатура самых реакционных, диких, черносотенных буржуа и генералов, затягивающих петлю на шее рабочего класса и ведущих человечество к новым войнам. Или одна, или другая диктатура. Третьего не дано.

Благодаря предательствам германской социал-демократии, германская революция проделала крестный путь. Втечение полутора лет она шла от падения к падению по нисходящей линии. Но теперь чаша выпита до дна. Для германского рабочего класса зажглась новая звезда. Германская революция пойдет опять по восходящей линии и дойдет до полной победы.

Победа Советской власти в Германии с гигантской силой двинет вперед дело пролетарской революции во всех странах. Союз двух Советских республик—Российской и Германской — усилит и ту, и другую, откроет дорогу германским и русским рабочим для налаживания хозяйства и для спасения народа от голода. Союз двух Советских республик будет тем колоссальным магнитом, который станет притягивать к себе сердца пролетариев всего мира. И к союзу двух Советских республик одна за другой будут примыкать новые страны, в которых победит диктатура пролетариата.

Рабочие Германии! Вы видите теперь все до единого, к чему ведет политика белой социал-демократии. Вы видите воочию, как Шейдеман и Эберт выдают вас с головой германской буржуазии. Вы видите теперь, как шайки, посланные Эбертом и Шейдеманом, расстреливают уже не только коммунистов, но, как это было в Адлерсгофе, и рабочих социал-демократов, которые с оружием в руках хотят бороться против реакции. **Вооружайтесь, германские пролетарии!** Всюду, где вы только можете достать оружие, берите его в свои руки. **Стройте Советы!** Обстановка, которая создается теперь, вдохнет новую жизнь в Советы. Желтая социал-демократия не может теперь задушить Советы, как она это делала год тому назад. **Стройте свою красную армию!** Не откладывая дела ни на одну минуту, создавайте красные отряды всюду, где мы слимо. Продолжайте наступление под знаменем коммунистов и тех, кто не на словах, а на деле их поддерживает. Борьба будет кончена лишь тогда, когда вы уничтожите правительство социал-предателей, агентов буржуазии. Оставить теперь у власти социал-демократов, это значит наверняка дождаться через короткое время нового контр-революционного переворота со стороны вильгельмовских генералов, — только на этот раз более обдуманного, более подготовленного, более организованного и проведенного уже в полном союзе с социал-предателями.

Рабочие Австрии! Неужели вы станете ждать, пока ваши собственные Лютвицы и Каппы, наскучивши влияниями Реннеров и Бауэров, прогонят их, чтобы учредить диктатуру сабли. Неужели вы будете ждать, пока помещичьи и буржуазные сынки еще лучше вооружатся, еще полней разоружат вас для того, чтобы броситься на вас с еще большей силой, чем это делают враги народа в Германии?

Рабочие союзных стран! Рабочие Франции, Англии, Бельгии, Италии! Следите зорко за движением рук ваших правителей. Знайте:

они готовятся удушить побеждающую пролетарскую революцию в Германии. Знайте: нет того предательства, нет той подлости, на которую не пошли бы империалисты, стоящие у власти в ваших странах, для того, чтобы задавить германскую революцию. Помогите вашим братьям, германским рабочим! Своими демонстрациями, своими выступлениями, своей подготовкой сделайте ясным для всего мира и прежде всего для правящих классов ваших собственных стран, что вы не позволите английским, французским и бельгийским капиталистам душить германских рабочих.

Французские, английские и бельгийские солдаты! Если вас пошлют против ваших братьев, восстающих германских рабочих, если вас заставят направлять штыки в грудь голодающих пролетариев, их жен, матерей, оберните эти штыки против вашего собственного буржуазного начальства, переходите на сторону восставших, братайтесь с ними. Помните, что нет большего преступления для честного трудящегося человека, как обагрить свои руки в крови рабочего другой страны. Знайте: германские рабочие борются за хлеб, за мир, за свободу. Знайте: войны кончатся лишь тогда, когда железной рукой мы положим конец власти капиталистов.

С затаенным дыханием рабочие всех стран следят за героической борьбой славных германских пролетариев. Трудящиеся массы всего мира окружают любовью растущую на наших глазах германскую пролетарскую революцию.

Да здравствует последний решительный бой!

Да здравствует пролетарская революция в Германии и во всем мире!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала

25 марта 1920 г.

ТРЕТЬЕМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ С'ЕЗДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Дорогие товарищи!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет братский привет вашему с'езду.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с самого начала своей деятельности стоит на той точке зрения, что Коммунистический Интернационал должен быть организмом, об'единяющим не только партийные организации рабочих, но и производственные союзы и все другие экономические организации пролетариата. В этом отношении Коммунистический Интернационал желает воскресить традиции своего славного предшественника—Первого Интернационала (Международного Товарищества Рабочих), руководителями которого были Маркс и Энгельс.

В порядке дня вашего с'езда поставлен вопрос о международной организации профессиональных союзов. И вопрос этот действительно крайне назрел. Социал-предатели всех стран при поддержке и по поручению международного капитала пытаются восстановить желтый Интернационал Профессиональных Союзов. Второй Интернационал развалился, как карточный домик. Все честное, что было в международном социализме, бежит из предательского Второго Интернационала, как из дома зачумленных. Но желтые социал-демократы надеются взять реванш в профессиональном движении. И здесь они до последнего времени имели еще некоторый успех.

Великой исторической миссией славных профессиональных союзов в России в настоящий момент является взять на себя инициативу по созданию действительно пролетарского международного об'единения красных профессиональных союзов, стоящих за диктатуру пролетариата и готовых за нее бороться не на словах, а на деле. Коммунистический Интернационал считает ошибкой то мнение, будто коммунисты могут высказаться против профессионального движения вообще. Коммунистический Интернационал убежден в том, что производственным союзам, реорганизованным, вырванным из рук социал-предателей, революционизированным и примкнувшим к Коммунистическому Интернационалу, принадлежит громадное будущее в деле коммунистического строительства и что поэтому производственные союзы нужны нам, как воздух для человека,—как в тех странах, где пролетариат еще борется за власть, так и в тех странах, где эта власть находится уже в руках пролетариата. Вот почему Коммунистический Интернационал со своей стороны сделает все, что от него зависит, чтобы помочь начавшемуся революционизированию профессионального движения во всех странах и сплочению красных союзов в международном масштабе. Исполнительный Коми-

тет Коммунистического Интернационала твердо убежден в том, что на ближайшем же с'езде Коммунистического Интернационала будут присутствовать пролетарские профессиональные союзы всего мира, которые станут, таким образом, частью (секцией) Коммунистического Интернационала.

Революционные Профессиональные Союзы тех стран, где власть еще принадлежит буржуазии и социал-предателям, нуждаются в нашей практической поддержке. Мы глубоко уверены, что ваш с'езд положит начало созданию боевого фонда помощи нашим заграничным братьям. Мы предлагаем, чтобы ваш с'езд постановил все бывшие стачечные фонды профессиональных союзов в России, в виду того, что фонды эти нам больше не нужны, положить в основу международного фонда красных профессиональных союзов. Когда Петроградский Совет профессиональных союзов несколько недель тому назад призвал петроградских рабочих оказать материальную помощь шведским локаутированным металлистам, то втечение нескольких дней было собрано более 10 миллионов рублей. Авторитетное же постановление вашего с'езда сможет дать нам для помощи иностранным красным союзам несравненно большие суммы.

Ваш голос в вопросе об организации Интернационала красных союзов прозвучит на весь мир.

Да здравствует III-й Всероссийский С'езд профессиональных союзов!

Да здравствует Интернационал красных производственных союзов!

ПРИВЕТСТВИЕ ТОВ. ЛЕНИНУ.

Собрание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, представителей Коммунистических партий разных стран, шлет свой братский привет испытанному вождю мировой революции тов. Ленину, в день 50-летнего юбилея. Исполнительный Комитет от имени революционного пролетариата, стоящего на пороге своей мировой победы, выражает свою твердую уверенность и горячую надежду, что Владимир Ильич будет стоять во главе движения вплоть до окончательного освобождения человечества.

Да здравствует всемирный коммунизм, да живет его гениальный вождь тов. Ленин!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала: Зиновьев, Радек, Бухарин, Берзин, Шмераль, Руднянский, Фриис, Коллонтай, Гримлунд, Анжелика Балабанова, Александр Билан, Сирола, Мархлевский, Клингер, Боровский, Нефгардт, Лазарь Пацкин, Туре Нерман.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ КОММУНИСТОВ НА УКРАИНЕ.

16 марта 1920 г. товарищем Зиновьевым получена следующая телеграмма:

«Всеукраинская конференция коммунистов-боротьбистов от имени всей партии шлет горячий привет главе Коммунистического Интернационала, товарищу Зиновьеву. Конференция единогласно постановила избрать товарища Зиновьева почетным председателем. Президиум. Блакитный».

В ответ товарищем Зиновьевым послана следующая телеграмма:

Харьков. Всеукраинской Конференции Коммунистов-боротьбистов.

Горячо благодарю за вашу телеграмму и позволю себе от имени Исполкома Коммунистического Интернационала сказать вам следующее:

Коммунисты всех стран, следящие за судьбой украинской революции, были бы счастливы узнать, что на Украине существует отныне только одна коммунистическая партия, ведущая рабочих и трудящихся крестьян Украины к полной победе в тесном союзе с Российской Социалистической Советской Федеративной Республикой.

Исполком берет на себя инициативу предложить вам, товарищи, вступить в ряды Коммунистической Партии Украины (большевиков),—той партии, которая втечение четверти века прокладывала дорогу к нынешним победам.

Коммунистический Интернационал убежден в том, что единство всех действий коммунистов Украины не только необходимо, но и возможно.

Зиновьев.

От Редакции. Редакция с удовлетворением отмечает, что украинские коммунисты-«боротьбисты» действительно вошли в ряды Коммунистической Партии Украины (большевиков). Таким образом, мы имеем теперь на Украине единую коммунистическую партию. Этой партии мы шлем наш привет.

ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В конце апреля в Петрограде состоялось важное заседание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Кроме членов Исполнительного Комитета присутствовал ряд товарищей, прибывших из различных стран.

Обсуждалось много важных вопросов. О принятых решениях коммунистические организации будут оповещены особо.

Некоторые из принятых резолюций приводятся ниже.

I.

В И. К. Коммунистического Интернационала поступило следующее заявление:

Дорогие товарищи!

Вверяя наше письмо всем случайностям международной почты, мы обращаемся к вам с следующим сообщением.

Мы не знаем, известно ли вам о существовании «Итальянского Синдикального Союза» («Unione Sindicale Italiana»). Союз этот является представителем меньшинства в рабочем движении, будучи проникнут революционно-синдикалистскими стремлениями. Он стоит на той же идейной почве, что французские товарищи Монат и Перика, как в вопросе о классовой борьбе вообще, так и в своем отношении к войне и к вашей великой революции.

«Итальянский Синдикальный Союз» основался еще до войны. Во время войны он исключил из своей среды господ Де-Амбри и К°, совершенно отрекшихся от принципов синдикализма. Правительство не переставало преследовать наш союз. Все боевые товарищи были заключены в тюрьмы и в концентрационные лагери. Но союз продолжал вести пропаганду, и в настоящее время он насчитывает 300.000 членов среди сельских и фабричных рабочих всех областей Италии.

Во время всеобщей забастовки 20—21-го июля пр. г., в е революционные члены И. С. С. были арестованы за то, что, будучи горячими сторонниками забастовки, они не соглашались с теми, кто хотел ограничить продолжительность ее 48-ью часами. Они стояли за более широкое выступление, с тем чтобы о начале его не было об'явлено заранее. В этом с ними были всецело согласны все крайние элементы пролетариата и социалистической партии.

Мы считали нелишним привести это краткое изложение нашей деятельности прежде чем сообщить вам, что наша организация на конференции Национального Совета, состоявшейся 24—26 июня, постановила присоединиться к доблестному Третьему Интернационалу. Решение это мотивировалось следующими соображениями:

«Принимая во внимание, что платформа Третьяго Интернационала, выработанная русскими коммунистами, свидетельствует об ориентации влево и исходит из принципа международного отделения рабочих сил, стоящих на почве классовой борьбы, от социал-патриотов и всех сторонников сотрудничества классов;

«Опираясь на пункт 9-ый тезисов нового Интернационала, в котором русские коммунисты говорят о необходимости сплочения всех революционных элементов рабочего движения, независимо от прежних разногласий и группировок, и выражая свое восхищение по поводу творческой работы обновления, предпринятой русскими товарищами, Итальянский Синдикальный Союз постановляет присоединиться к Московскому Третьему Интернационалу».

Это решение, товарищи, вполне отвечает позиции, занятой нами с самого начала войны, — нашему отказу от участия в Лидской Конференции 1916 года. Мы были также во всем согласны с постановлениями Циммервальдской и Кинтальской Конференций, но в то время когда происходили эти конференции, наш союз испытывал на себе тяжкий гнет реакции, и мы были фактически лишены возможности принять в них участие.

В настоящее время, когда инициатива восстановления Интернационала исходит от вас, которым принадлежит величайшая честь обоснования своего теоретического опыта на разрушении старого демократического строя, мы готовы приступить к осуществлению нашего решения. Сообщите нам ваш ответ. Постарайтесь переслать его в Италию, но, лучше всего, пошлите также копии вашего ответа нашим французским товарищам (Монату или Перика) в Париж и нашим товарищам I. W. W. в Чикаго.

Секретарь Итальянского Синдикального Союза.

А. БОРГИ.

По этому поводу вынесена следующая резолюция:

Не принимая пока решительного решения по существу вопроса, пригласить Unione Sindicale дать Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала подробную информацию об этой организации. Одновременно просить Итальянскую Партию дать свое заключение относительно названной организации. После получения этих материалов решить вопрос окончательно.

Обратиться с особым товарищеским письмом к Unione Sindicale.

II.

Резолюция об Интернационале Молодежи.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала предоставляет II-му с'езду Коммунистического Интернационала решить вопрос об организационных взаимоотношениях Интернационала Молодежи и Исполнительного Комитета.

Не создавая этим прецедента для будущего, Исполнительный Комитет постановляет—временно, до созыва II-го с'езда, принять одного представителя Интернационала Молодежи в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с правом решающего голоса.

Исполнительный Комитет постановляет делегировать одного представителя Исполнительного Комитета в Интернационал Молодежи,—выполнение чего поручается Малому Бюро Исполнительного Комитета. Малому Бюро поручается также выработать резолюцию по вопросу об отношении Исполнитель-

ного Комитета к Берлинскому С'езду Коммунистического Интернационала Молодежи.

III.

Резолюция по женскому вопросу.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала постановляет:

1. Назначить т. Клару Цеткину секретарем коммунистических женских организаций.

2. Поручить ближайшей конференции женских коммунистических организаций сорганизовать постоянную секцию Коммунистического Интернационала.

3. До означенной конференции предоставить право совещательного голоса в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала представительнице женских организаций России.

4. Организовать при Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала информационное бюро по вопросам женского движения.

IV.

О голландском Бюро III-го Интернационала.

Несколько месяцев тому назад Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала поручил одному из голландских товарищей образовать в Голландии вспомогательное Бюро Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Бюро это было образовано. Но, к сожалению, оказалось, что это бюро по некоторым **важнейшим** вопросам проводит линию, расходящуюся с принципиальной линией Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. При таких обстоятельствах Исполнительному Комитету ничего не оставалось кроме, как **ликвидировать** данные группе голландских товарищей полномочия.

Нижеследующая резолюция была принята **единогласно.**

Мы уверены, что разногласия с голландскими товарищами скоро будут изжиты. В отличие от II-го «Интернационала» мы своих разногласий не скрываем и двусмысленных положений мы не допустим.

Вот принятая резолюция:

Голландское Бюро в ряде вопросов (о профессиональных союзах, парламентаризме) заняло позицию, находящуюся в противоречии с позицией Исполнительного Комитета. Голландское Бюро не поставило в известность Исполнительный Комитет о своей противоречащей точке зрения перед тем, как оно созвало международную конференцию в Амстердаме.

Ввиду этого Исполнительный Комитет об'являет мандат Голландского Бюро потерявшим силу и берет этот мандат обратно. Исполнительный Комитет поручает Малому Бюро послать голландским товарищам подробный доклад об этом. Функции Голландского Бюро передаются Зап.-европейскому Секретариату.

V.

Резолюция о Центральном Комитете Коммунистической Партии Финляндии.

По предложению представителей финских организованных рабочих-коммунистов, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, впредь до созыва с'езда Финской Коммунистической Партии, назначил временный Центральный Комитет Коммунистической Партии Финляндии.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала убежден, что все финские товарищи безусловно подчинятся этому Центральному Комитету. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала требует этого от всех финских товарищей.

Обращаться по делам Центрального Комитета Коммунистической Партии Финляндии к т.т. Маннеру, Куусинену, Эвя и Эйно Рахья.

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Эти страницы мы посвящаем памяти героев и мучеников первой, Парижской коммуны, полвека тому назад поднявших знамя Диктатуры Пролетариата и павших от руки буржуазных палачей, заливших Париж пролетарской кровью...

БЕЛЫЙ ТЕРРОР ПАЛАЧЕЙ КОММУНЫ.

(Париж в мае 1871 г.).

Порядок царит в Париже. Повсюду развалины, трупы, тяжелые стоны. Нагло звякает посредине улицы сабля офицера и старающагося подражать ему унтера. Повсюду бивуаки; одни, измученные усталостью и резней, спят среди тротуаров; другие приготовляют обед, поют песни.

Трехцветное знамя трусливо вывешено из всех окон, чтобы избавить дома от обысков. Ружья, палатки, мундиры нагромождены массами в народных кварталах: их выбрасывают из окон или приносят ночью испуганные жители. Подперев голову рукой, в глубокой задумчивости, у дверей сидят работницы, тщетно поджидая сына, мужа, которые уже не вернутся.

Версальские эмигранты, бесстыдные толпы торжествуют победу цезаря, заполняют со среды бульвары. Эти господа набрасываются на конвои пленных, приветствуют кликами конных жандармов,—некоторые дамы целуют им сапоги, встречают аплодисментами окровавленные повозки. На террасах кафе, среди густой толпы девиц, офицеры рассказывают о своих подвигах. Штатские не отстают от них, стараясь выдумывать самые изумительные истории. Один, не бывший дальше улицы Монмартра, описывает взятие Шато-д'О, хвастается, что он растрелял 12 его защитников. Элегантные дамы идут поглазеть на трупы и, забавляясь, подымают кончиком зонтика их одежду.

«Жители Парижа», заявляет в своей прокламации Мак-Магон: «28-го Париж освобожден: теперь борьба кончена, возродятся порядок, труд и безопасность».

«Освобожденный Париж» отдается во власть четырем комендантам: Винуа, Ладмиро, Сиссэ и Дуэ. Восстановляется осадное положение, снятое Коммуной. Правительством Парижа становится громящая Париж армия. Прохожих заставляют разрушать баррикады. Всякий знак нетерпения наказывается арестом, всякое проклятие — смертью. Расклеивается заявление, что все, у кого будет найдено оружие, будут немедленно преданы военному суду; что все жители всякого дома, из которого раздастся выстрел, подвергнутся поголовному истреблению; что в 11 часов все общественные учреждения должны быть закрыты и только офицеры в мундире могут свободно разгуливать по улицам. Ночью конные патрули раз'езжают по городу. Войти в Париж трудно, выйти невозможно: огородники и те не могут приходить и уходить; обнаруживается недостаток в с'естных припасах. По окончании борьбы армия превращается в ряд отрядов, назначенных для массовых расстрелов. В июне 48-го года Кавеньяк обещал помилование, и произвел массовые избиения. Тьер клялся, что будет действовать по закону, и позволил армии делать все, что ей угодно. Он стал поклонником самых суровых мер, чтобы потом произнести свою знаменитую фразу: «С социализмом покончено, и надолго». После он рассказывал, что солдат нельзя было сдержать, —

ложь: самые страшные избиения произошли после битвы *).

В воскресенье, 28-го, по окончании борьбы несколько тысяч человек, схваченных в окрестностях Пер-Лашеза, были отведены в тюрьму Ла-Рокетт. Начальник батальона стоял у входа, осматривал с головы до ног пленных и затем кричал: «направо! налево!» Направо — смертный приговор. Пленным немедленно выворачивали карманы, выстраивали их перед стеной и убивали. Неподалеку стояли два священника и бормотали молитвы.

С воскресенья до утра понедельника в одной Ла-Рокетт было избито 1.900 человек. Та же резня в Мазасе, в Военной школе, в парке Монсо, в Люксембурге, где упомянутые солдаты едва могли уже держать ружья на весу и стреляли в упор, ружейным дулом касаясь расстреливаемых. Стена террасы, у которой ставились несчастные жертвы, была вся усеяна кусками человеческого мозга; солдаты-палачи ходили по лужам крови.

Бойня совершалась без всяких фраз. Некоторых пленных отводили в военные суды, целой сетью которых покрылся Париж с понедельника. В этих судах председателями или членами были офицеры прославленной Национальной Гвардии; они сидели развалясь, с саблями меж колен, с сигарами в зубах. Допрос продолжался четверть минуты: «Вы взялись за оружие? Вы служили Коммуне? Покажите ваши руки». — Если поза обвиняемого была решительной, если его физиономия не нравилась, не спрашивали ни его имени, ни его профессии, не отмечали его ни в одном списке, а только заявляли: — Опасен! «Теперь вы»... обращались они к соседу и т. д., — до конца вереницы осужденных. Те, которых пощадил каприз, назывались «обыкновенные» и сохранялись для Версаля, но никто не был освобожден. «Опасные» отдавались в руки взводов, которые их отводили в казарму Лобо. Там, заперши ворота, жандармы, не образовывая даже групп из пленных, стреляли по ним. Некоторые, будучи легко ранены, бежали вдоль стен: жандармы охотились за ними, добивали их. Эдуард Моро погиб во время одной из этих боен; взятый на улице Риволи, он был отведен в Шателэ. Жена бежала за ним до ворот казармы Лобо и слышала залпы: это расстреливали ее мужа.

В Люксембурге жертвы военного суда были предварительно брошены в погреб, имевший вид длинной кишки, куда воздух проникал через одно только узкое отверстие. Офицеры заседали в зале первого этажа, битком набитой предателями с трехцветными нашивками на рукавах, полицейскими агентами и привилегированными буржуа, любителями сильных ощущений. Как и в Шателэ, допроса никакого: всякая защита бесполезна. После суда пленных или возвращали в погреб или отводили в сад; там их расстреливали: по стене текли мозги, солдаты и здесь ходили по лужам крови.

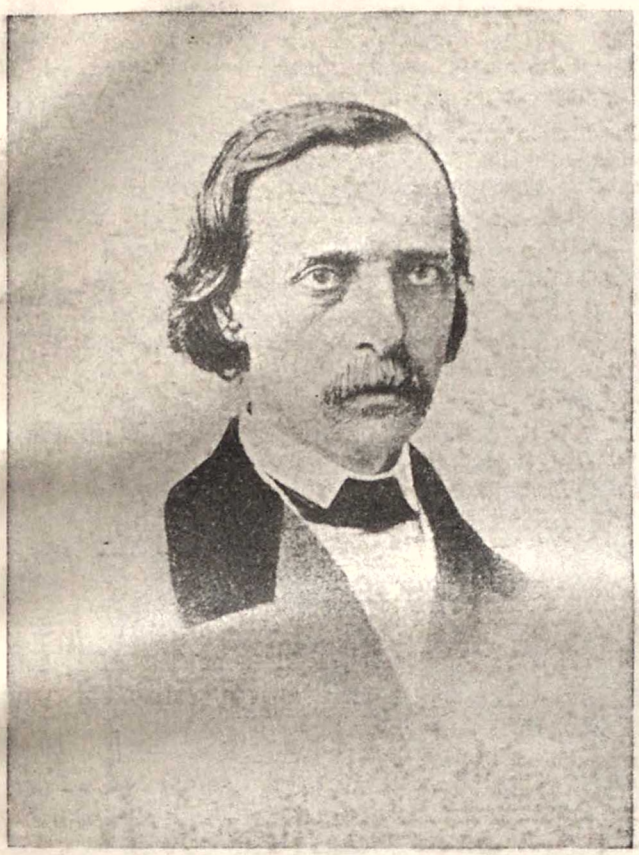
Такие же убийства происходили в Политехнической Школе, в казарме Дюплэ, на вокзалах Северном и Восточном, в ботаническом саду, во многих казармах и в других местах. Жертвы умирали просто. Многие скрещивали руки, некоторые сами командовали солдатам открыть огонь. Женщины и дети шли со своими мужьями, отцами, с криком: «Расстреляйте нас вместе с ними!» Были женщины, не участвовавшие в борьбе, которых так возмущала эта бойня, что они выбегали из домов, бросались к офицерам, награждали их пощечинами, и потом сами становились к стене, ожидая смерти.

Офицеры, только что вернувшиеся из Германии, с наслаждением мстили теперь Парижу, который своим отказом от капитуляции подчеркнул их постыдную трусость; офицеры-бонапартисты пользовались теперь случаем, чтобы свести старые счеты с республиканцами. Генерал Де-Лакретель отдал приказ расстрелять [redacted] 200.000 франков на кампанию против аристократии. Доктор Тони Муален, оратор народных собраний, был приговорен к смерти не за то, говорили палачи, что совершил злодеяние, но за то, что был республиканцем, — «одним из тех людей, от которых необходимо отделаться». Республиканцы левой, ненависть которых к Коммуне была доказана [redacted] таким образом, не осмеливались показаться в Париже из страха, что и они будут расстреляны.

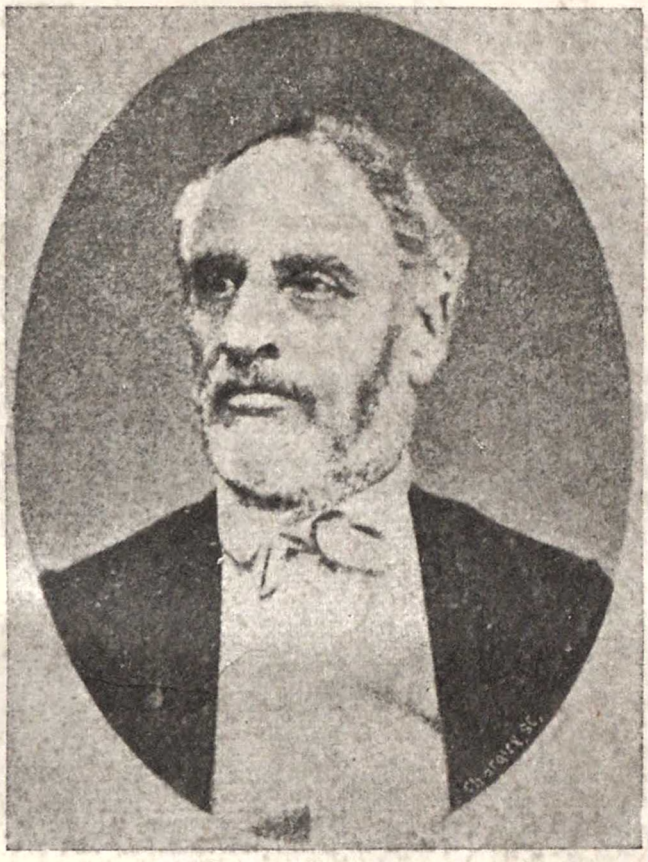
Не все имели счастье подвергнуться суду: многих убивали на дворе, перед дверьми их дома, на площади, как доктора Напиа-Пико, расстрелянного на улице Риволи, где его труп лежал целый день, причем солдаты не упустили случая снять с него сапоги; или как президента клуба Сен-Сюльпис, которого вытащили на улицу в одной рубашке. Полиция исчезла, никакого контроля не было, армия стреляла в кого попало, руководимая исключительно озлобленными предателями с трехцветными нашивками на рукавах, доносчиками и даже чиновниками, которые хотели скрыть свои преступления. Первый попавшийся, указавший на прохожего, мог заставить его расстрелять. В Гренеле расстреляли мнимого Бильорэ, несмотря на его отчаянные протесты; на Вандомской площади — мнимого Брюнеля, в апартаментах m-me Фульд — мнимого Валлеса. «Gaulois» напечатал отчет одного военного хирурга, который знал Валлеса и присутствовал при его казни. Очевидцы утверждали, что видели, как расстреливали Лефрансэ в четверг, на улице Банк. Настоя-

*) Мы видели у одного торговца вином на площади Вольтера в воскресенье утром совсем еще молодых солдат, морских стрелков призыва 1871 года. «Много убитых?» спросили мы. «Генерал нам приказал не брать в плен». К сожалению, они не могли нам назвать фамилию своего генерала. «Если-бы они не поджигали», сказал один, «с ними бы так не обращались, но раз они поджигают надо их убивать» (буквально). Потом, обратясь к товарищу: «сегодня утром», — и он указал на баррикаду мэрии: «сюда пришел один, в блузе; — быть может, вы меня не расстреляете? — сказал он. — Нет, нет. — Мы пропустили его вперед, а потом... пан-пан, как он задрыгал ногами!»

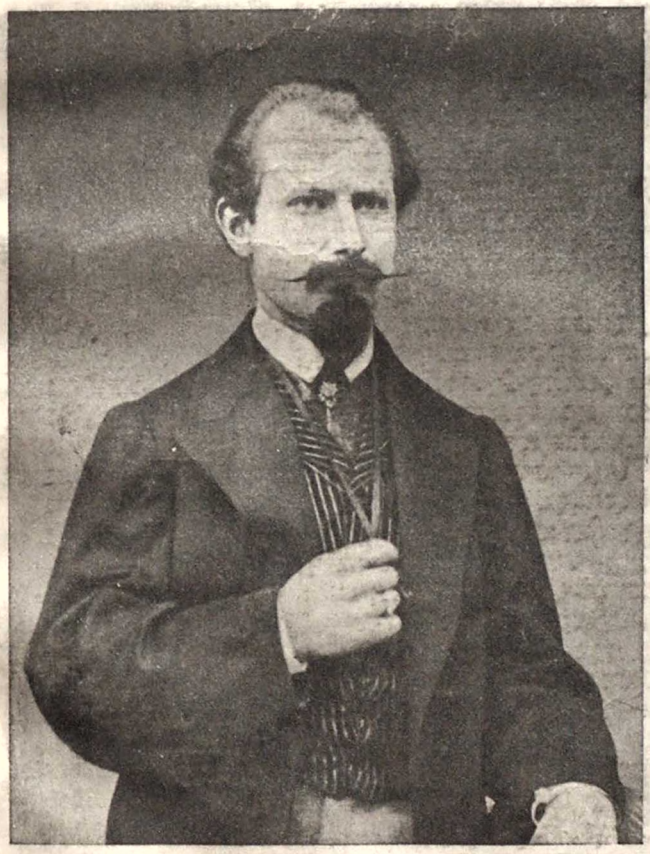
ГЕРОИ КОММУНЫ

Ж. Б. Милльер

Л. Ш. Делеклюз

Я. Домбровский

Ш. Феррэ

Женщины — участницы борьбы за Коммуну в Париже в 1871 г.

щего Бильорэ судили в августе месяце; Валлес, Брюнель и Лефрансэ бежали за границу. Чиновники Коммуны были также расстреляны и часто по нескольку раз: расстреливали многих, которые были на них более или менее похожи.

Не ускользнул, к несчастью, и Варлен. В воскресенье 28-го на площади Кадэ он был узнан священником, который немедленно побежал за офицером: поручик Сикр схватил Варлена, связал ему руки и повел в Бют, где был генерал Лавокупэ. Кривыми улицами Монмартра тащили теперь того самого Варлена, который рисковал своей жизнью, чтобы спасти заложников улицы Аксо. Под градом ударов, молодое вдумчивое лицо, голова, в которой родились идеи братства, превратились в кровавый кусок мяса; глаза были изуродованы, и, когда дошли до улицы Розье, где заседал штаб, он уж не мог идти, его несли. Посадили и расстреляли. Потом солдаты с остервенением колотили прикладами труп. Сикр украл его часы и носил их, как украшение. Так погиб один из самых славных мучеников Коммуны.

Пусть его имя сохранится в великом сердце рабочего класса. Вся его жизнь была примером. Упорным напряжением воли, отдавая изучению то короткое вечернее время, которое оставляла ему мастерская, он создал сам себя; учился не для почестей, как Корбон и Толен, но чтобы развиться и освободить народ. Он стал душой рабочих ассоциаций конца империи. Неутомимый, скромный, говорящий мало, но всегда кстати и освещавший одним словом запутанный вопрос, он сохранил революционное чувство, которое часто притупляется у интеллигентных рабочих. Один из первых 18-го марта, лучший работник впродолжение всей Коммуны, он стоял до конца на баррикадах, отдал всего себя для освобождения рабочих.

Версальские журналисты плевали на его труп, говорили, что нашли при нем сотню тысяч франков, хотя официальный отчет говорил: «Портмонэ содержало 284 франка 15 сантимов». Возвратившись с армией в Париж, они шли за ней, как шакалы, и набрасывались на трупы, забывая, что в гражданских войнах только мертвецы и оживают. Все эти Сарсэ кричали только одно: бей! Они опубликовали имена и убежища тех, кого, по их мнению, следовало расстрелять; были неистощимы в выдумках, чтобы подогреть бешенство буржуазии. После каждого расстрела они кричали: «Еще! нужно охотиться за коммунарами» («Bien Public»). «Эти люди, которые убивали ради убийства и для кражи, арестованы теперь и нам говорят: сострадание; гнусные женщины, которые вонзали ножи в грудь умирающих офицеров, арестованы и нам кричат: сострадание!» («Patrie»). «Что такое республиканец? Дикий зверь... Честные люди! Добейте демократическую и интернациональную гадину» («Figaro»). «Царству злодеев наступил конец. Какой рафинированной жестокостью и дикостью закончили они свою оргию преступлений и варварства... Два месяца краж, грабежей, убийств, пожаров» («Opinion Nationale»). «Ни на одного злодея, в руках которого находился Париж впродолжение двух месяцев, мы не станем смотреть, как на политического деятеля: с ними поступят, как с бродягами, так как они и есть бродяги,— как с самыми ужасными чудовищами, которых только видела история человечества. Многие газеты требуют, чтобы воздвигли разрушенный ими эшафот и не удостоивали их чести быть расстрелянными» («Moniteur Universel»). Одна английская медицинская газета требовала 27-го мая вивисекции пленных.

Чтобы возбудить солдат, когда это было нужно, пресса начинала им грубо льстить. «Как удивительно вели себя наши офицеры и солдаты», говорила «Фигаро». «Только французский солдат так быстро, так полно может оправиться от поражений». «Слава», восклицала «Journal des Débats», «нашей армии, отомстившей за свои поражения блистательной победой».

. . . . . .

. . . . . .

20.000 мужчин, женщин и детей, убитых во время битвы или сопротивления в Париже и в провинции; 3.000 умерших в участках, на понтонах, в фортах, в тюрьмах, в Новой Каледонии, в изгнании; 1.375 приговоренных к различным наказаниям, которые многие из коммунаров отбывали по 9 лет; 70.000 женщин, детей и стариков, лишенных всякой поддержки или выброшенных вон из Франции; 107.000 жертв, — таково было мщение крупной буржуазии за 2-хмесячную революцию 18-го марта.

Э. ЛИССАГАРЭ.

(«История Коммуны 1871 г.»).

ВОЗЗВАНИЕ КОММУНАРОК К ПАРИЖСКИМ ГРАЖДАНКАМ.

Париж осажден, Париж бомбардируют.

Гражданки! Где же наши дети, наши братья и мужья?... Слышите вы рев пушек и призывный звон набата?

К оружию! Отечество в опасности!

Что это? Или чужеземец опять хочет завоевать Францию? Или это союз европейских тиранов шлет свои легионы, чтобы уничтожить наших братьев, до основания разрушить наш город, истребив самую память о бессмертных победах, покупавшихся нашей кровью втечение целого столетия, о наших завоеваниях, имя которым — свобода, равенство и братство?

Нет,—эти враги, эти убийцы народа и свободы—французы!

Это братоубийственное безумие, овладевшее вдруг Францией, этот смертный бой—финал вечного антагонизма между правом и силой, между трудом и эксплуатацией, между народом и его палачами.

Наши враги—это все те, кто пользуется привилегиями существующего социального строя; те, кто жили нашим потом и жирели от нашей нужды...

На их глазах народ восстал, заявив: «Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей. Мы желаем работать, но хотим сами пользоваться плодами нашего труда... Долой эксплуататоров, долой хозяев... Пусть труд будет источником благосостояния для всех; пусть народ сам будет Правительством—Коммуной; будем жить и работать свободными или умрем сражаясь»...

И страх предстать перед народным трибуналом толкнул наших врагов на величайшее вероломство, на гражданскую войну.

Гражданки Парижа, внучки тех женщин Великой Революции, которые во имя народа и справедливости некогда отправились в Версаль и привели оттуда пленного Людовика XVI! Допустим ли мы, французские матери, жены и сестры, чтоб нужда и невежество превратили наших детей в наших врагов, чтобы отец восстал на сына, брат на брата и чтобы они убивали друг друга на наших глазах, по прихоти притеснителей, сперва предавших Париж пруссакам, а теперь желающих погубить его!

Гражданки! Настал решительный час! Надо покончить со старым миром. Мы хотим свободы. Взгляните: не одна только Франция поднимается,—взоры всего цивилизованного мира обращены на Париж, все ждут нашей победы, чтобы в свою очередь добиться свободы. Даже Германия, та самая Германия, королевские армии которой опустошали нашу родину, стремясь искоренить принципы демократии и социализма, даже она взволнована и потрясена дыханием революции. Уже шесть месяцев она об'явлена на осадном положении, а представители ее рабочих заключены в тюрьму. Даже в России на смену защитникам свободы, уничтожаемым правительством, встает новое поколение борцов, готовых так же биться на смерть за республику и за обновление социального строя.

Ирландия и Польша умирают, чтобы возродиться еще более сильными к новой жизни. Испания и Италия вновь нашли упраченные силы и присоединились к интернациональной борьбе народов; в Англии—вся пролетарская, живущая своим трудом масса переходит уже, в силу своего социального положения, на сторону революции; в Австрии—правительству приходится подавлять одновременно и восстание целой страны и возмущения славянских княжеств. Не указывает ли эта вечная борьба между правящими классами и народом, что дерево свободы, целые века орошаемое потоками крови, принесло наконец плоды?

Гражданки, перчатка брошена! Мы должны умереть или победить! Пусть всякая женщина, думающая: «что́ мне в торжестве нашего дела, если я потеряю тех, кого люблю», **поймет, что есть только один путь для спасения дорогих ей людей — кормильца-мужа** или сына, в котором она видит всю свою надежду. Этот путь—деятельное участие в начавшейся борьбе. Надо навсегда прекратить эту братоубийственную бойню, а она или окончится теперь же торжеством народа, или опять возобновится в близком будущем.

Горе матерям, если народ опять окажется побежденным. Их малюткам придется заплатить за поражение. Участь, ожидающая наших мужей и братьев в случае поражения предрешена: разгул реакции не будет знать предела. Ни мы, ни наши враги не хотим милосердия.

Гражданки, решимся же! Соединимся, чтобы содействовать успеху общего дела. Будем готовы к тому, чтобы защищаться и чтобы мстить за наших братьев. К воротам Парижа, на баррикады, в предместья!.. Будем готовы, чтобы в нужный момент принять участие в борьбе. Если негодяи, расстреливающие наших пленных и убивающие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин,—тем лучше. Крик ужаса и негодования во всей Франции и во всем мире приведет к завершению того, что мы начали. Если окажется, что все ружья и штыки разобраны уже нашими братьями, то на нашу долю останутся булыжники мостовой, чтобы избивать изменников.

Группа гражданок.

Париж, 11 апреля 1871 г.

Через несколько дней после этого воззвания та же группа отважных защитниц Коммуны опубликовала свою резолюцию, предлагающую ряд конкретных мер. Резолюция была подписана следующими именами:

Аделаида Валантэн (работница), **Ноэми Коллейль** (работница), **София Грэ** (работница), **Жозефина Пратт** (работница), **Селина Дельвэнкье** (работница), **Эмэ Дельвэнкье** (работница), **Елизавета Дмитриева.**

СЛЕДУЕТ-ЛИ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ РАБОТАТЬ В РЕАКЦИОННЫХ ПРОФСОЮЗАХ?

Немецкие «левые» считают для себя решенным безусловно отрицательный ответ на этот вопрос. По их мнению, декламаций и гневных восклицаний против «реакционных» и «контр-революционных» профсоюзов достаточно (особенно «солидно» и особенно глупо выходит это у К. Хорнера), чтобы «доказать» ненадобность и даже непроизводительность работы революционеров-коммунистов в желтых, социал-шовинистских, соглашательских, Легиновских, контр-революционных профсоюзах.

Но, как ни уверены немецкие «левые» в революционности такой тактики, на самом деле она в корне ошибочна и ничего кроме пустых фраз в себе не содержит.

Чтобы пояснить это, я начну с нашего опыта—сообразно общему плану настоящей статьи, имеющей целью применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма.

Соотношение вождей—партии—класса—масс, а вместе с тем соотношение диктатуры пролетариата и его партии с профсоюзами представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру пролетариата осуществляет коммунистическая партия большевиков, имеющая по данным последнего партийного с'езда (IV-1920) 611 тысяч членов. Число членов колебалось и до октябрьской революции и после нее очень сильно и прежде было значительно меньше, даже в 1918 и 1919 годах. Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии — только для рабочих и крестьян — в те дни (зима 1919 г.), когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (около 350 верст от Москвы), т.-е. когда Советской Республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли расчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам. Партией, собирающей ежегодные с'езды (последний—1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на С'езде Центральный Комитет (из 19 членов), причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному Бюро) и «Политбюро» (Политическому Бюро), которые избираются на пленарных заседаних Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии.

Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы, которые насчитывают теперь, по данным последнего (IV-1920) с'езда свыше 4 миллионов членов, будучи формально беспартийными. Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС—Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально некоммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса. Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженной работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение $2^1/_2$ лет, но и $2^1/_2$ месяцев. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнобразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководящими, но и вообще с влиятельными деятелями профсоюзов, решительной борьбы с меньшевиками, которые до сих пор имеют известное, хотя и совсем небольшое число приверженцев, которых и учат всевозможным контр-революционным проделкам, начиная от идейной защиты (буржуазной) демократии, от проповеди «независимости» профсоюзов (независимости—от пролетарской государственной власти!), до саботажа пролетарской дисциплины и т. д. и т. д.

Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции,—и мы стараемся это всецело поддержать, развить, расширить—такое учреждение, как беспартийные рабочие и крестьянские конференции,

чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т. д. В одном из последних декретов о преобразовании Народного Комиссариата Государственного Контроля в «Рабоче-Крестьянскую Инспекцию» беспартийным конференциям этого рода предоставлено выбирать членов Государственного Контроля для разного рода ревизий и т. д.

Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые об'единяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные с'езды Советов являются таким демократическим учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира и через эти с'езды (за которыми партия старается следить как можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.

Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как вырастал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков втечение 25 лет, все разговоры о том, «сверху» ли или «снизу», нужна ли диктатура вождей или диктатура массы и т. п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука.

Таким же смешным ребяческим вздором не могут не казаться нам и важные, совсем ученые и ужасно революционные разговоры немецких левых на тему о том, что коммунисты не могут и не должны работать в реакционных профсоюзах, что позволительно отказаться от этой работы, что надо выходить из профсоюзов и создавать обязательно совсем новенький, совсем чистенький, весьма милыми (и большею частью, вероятно, весьма юными) коммунистами придуманный «рабочий союз» и т. д. и т. п.

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, — с другой стороны, профсоюзы, которые лить очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать. К этому коммунизм идет, должен идти и придет, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнюю девочку пытаться сделать матерью. В лучшем случае это глупая шутка или глупая детская шалость, в худшем — гадость и преступление.

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить.

Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих, к началам классового об'единения. Когда стала вырастать высшая форма классового об'единения пролетариев, революционная партия пролетариата (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), — тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать некоторые реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитизму, некоторую косность и т. д. Но иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло. Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по новому, а не только по старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем однако не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой «школой коммунизма» и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым об'единением рабочих для постоянного перехода в руки рабочего класса (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны.

Некоторая «реакционность» профсоюзов, в указанном смысле, неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий перехода от капитализма к социализму. Бояться этой «реакционности», пытаться обойтись без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, откладывать осуществление диктатуры пролетариата до тех пор, когда не останется ни

одного профессионалистски узкого рабочего, ни одного рабочего, в котором не было бы цеховых и тред-юнионистских предразсудков, было бы ошибкой еще более глубокой. Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся.

Далее. В более передовых странах, чем Россия, некоторая реакционность профсоюзов сказалась и должна была сказаться, несомненно, гораздо сильнее, чем у нас. У нас меньшевики имели (частью в очень немногих профсоюзах и сейчас имеют) опору в профсоюзах именно благодаря цеховой узости, профессиональному эгоизму и оппортунизму. На западе тамошние меньшевики гораздо прочнее «засели» в профсоюзах, там выделился гораздо более сильный слой профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии», чем у нас.

Это бесспорно. Борьба с Гомперсами, господами Жуо, Хендерсонами, Мерргеймами, Легинами и К° в Западной Европе гораздо труднее, чем борьба с нашими меньшевиками, которые представляют совершенно однородный социальный и политический тип. Эту борьбу надо вести беспощадно и обязательно довести ее, как довели ее мы, до полного опозорения и изгнания из профсоюзов всех неисправимых вождей оппортунизма и социал-шовинизма. Нельзя завоевать политическую власть (и не следует пробовать брать политическую власть), пока эта борьба не доведена до известной степени, причем в разных странах и при различных условиях эта «известная степень» не одинакова, и правильно учесть ее могут лишь вдумчивые, опытные и сведущие политические руководители пролетариата в каждой отдельной стране. (У нас мерилом успеха в этой борьбе явились, между прочим, выборы в Учр. Собрание в ноябре 1917 года, несколько дней спустя после пролетарского переворота 25. X. 1917 г., причем на этих выборах меньшевики были разбиты на голову, получив 0,7 милл. голосов — 1,4 милл. с добавлением Закавказья—против 9 милл. голосов, собранных большевиками: см. мою статью «Выборы в Учр. Собр. и диктатура пролетариата» в № 7—8 «Коммун. Интернационала»).

Но борьбу с «рабочей аристократией» мы ведем от имени рабочей массы и для привлечения ее на свою сторону; борьбу с оппортунистическими и социал-шовинистскими вождями мы ведем для привлечения рабочего класса на свою сторону. Забывать эту элементарнейшую и самоочевиднейшую истину было бы глупо. И именно такую глупость делают «левые» немецкие коммунисты, которые от реакционности и контр-революционности верхушки профсоюзов умозаключают к .... выходу из профсоюзов! к отказу от работы в них!! к созданию новых, **выдуманных** форм рабочей организации!! Это — такая непростительная глупость, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии. Ибо наши меньшевики, как и все оппортунистические, социал-шовинистские, каутскианские вожди профсоюзов, суть не что иное как «агенты буржуазии в рабочем движении» (как говорили мы всегда против меньшевиков) или »рабочие прикащики класса капиталистов» (labor lieutenants of the capitalist class), по прекрасному и глубоко верному выражению последователей Даниэля де-Леона в Америке. Не работать внутри реакционных профсоюзов, это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих» (ср. Энгельс в 1852 г. в письме к Марксу об английских рабочих).

Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками на счет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придирок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно работать там, где есть масса. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса. А профсоюзы и рабочие кооперативы (эти последние иногда, по крайней мере), это именно такие организации, где есть масса. В Англии по данным одной из шведских газет (от 10 марта 1919 г.) число членов тред-юнионов с конца 1917 г. до конца 1918 г. поднялось с 5.5 до 6.6 милл., т. е. увеличилось на 19%. К концу 1919 года это число считают возросшим до $7^1/_2$ милл. У меня нет под рукой соответствующих данных о Франции и Германии, но совершенно бесспорны и общеизвестны факты, свидетельствующие о большом росте числа членов профсоюзов и в этих странах.

Эти факты яснее ясного говорят о том, что подтверждается также тысячами иных

указаний: рост сознательности и стремления к организации именно в пролетарских массах, в «низах», среди отсталых. Миллионы рабочих в Англии, Франции, Германии, впервые переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной (для тех, кто еще насквозь пропитан буржуазно-демократическими предразсудками) форме организации, именно к профсоюзам, — а революционные, но неразумные, левые коммунисты стоят рядом, кричат: «масса», «масса»! — и отказываются работать внутри профсоюзов!! отказываются под предлогом их «реакционности»!! выдумывают новенький, чистенький, неповинный в буржуазно-демократических предразсудках, но грешный цеховыми и узко-профессиональными грехами «Рабочий Союз», который будто бы будет (будет!) широким и для участия в котором требуется только (только!) «признание советской системы и диктатуры».

Большего неразумия, большего вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами, нельзя себе представить. Да, если бы мы сейчас в России, после 2½ лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманными ребячески «левыми» лозунгами.

Нет сомнения: господа Гомперсы, Хендерсоны, Жуо, Легины очень благодарны таким «левым» революционерам, которые подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (упаси нас, боже, от этакой «принципиальности») или некоторым революционерам из числа американских «промышленных рабочих мира», проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них. Нет сомнения: господа «вожди» оппортунизма прибегнут ко всяческим проделкам буржуазной дипломатии, к помощи буржуазных правительств, попов, полиции, судов, чтобы не допустить коммунистов в профсоюзы, всячески вытеснять их оттуда, сделать им работу внутри профсоюзов возможно более неприятной, оскорблять, травить, преследовать их. Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу. При царизме до 1905 года у нас не было никаких «легальных» возможностей, но когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я лично помню из числа их тов. Бабушкина, выдающегося питерского рабочего, растрелянного царскими генералами в 1906 году), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из под влияния зубатовцев [1]). Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной особенно закоренелыми легалистскими, конституционными, буржуазно-демократическими предразсудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически.

Исполком III-го Интернационала должен, на мой лично взгляд, прямо осудить и предложить следующему с'езду Комм. Интернационала — осудить как вообще политику неучастия в реакционных профсоюзах (с подробной мотивировкой неразумности такого неучастия ввиду крайней вредности его для дела пролетарской революции), так и в частности линию поведения голландских трибунистов, которые — все равно, прямо или косвенно, открыто или прикрыто, целиком или отчасти — эту неправильную политику поддерживали. III-й Интернационал должен порвать с тактикой II-го Интернационала и больных вопросов не обходить, не затушевывать, а ставить их ребром. Всю правду в лицо сказали «независимцам» (Нез. С.-Д. Партии Германии), всю правду в лицо надо сказать и «левым» коммунистам.

Н. ЛЕНИН.

[1]) Гомперсы, Хендерсоны, Жуо, Легины — не что иное как Зубатовы, отличающиеся от нашего Зубатова европейским костюмом, лоском, цивилизованно, утонченно, демократически прилизанными приемами проведения их подлой политики.

ПИСЬМО К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ ВСЕХ СТРАН.

Больше 10 миллионов членов насчитывали профессиональные союзы накануне 4 августа 1914 г., когда началась империалистская бойня. Тем не менее, профессиональные союзы почти нигде не оказали сколько нибудь серьезного сопротивления этой империалистской бойне. Напротив, в громадном большинстве случаев вожди старого профессионального движения целиком поставили себя и свои организации в распоряжение буржуазных правительств. Весь аппарат старых профессиональных союзов был отдан на службу империалистскому главному командованию. Все законы об охране труда были отменены буржуазией с полного согласия вождей профессиональных союзов. Каторжная трудовая повинность, распространявшаяся даже на 60-летних старух, была введена буржуазией с одобрения тех же вождей профессиональных союзов.

Но руководители старых профессиональных союзов, кроме того, отдали свои организации в **духовное** рабство буржуазии. Газеты и журналы, издававшиеся старыми профессиональными союзами, благословляли рабочих на смерть во имя интересов капитала, повторяли буржуазную ложь о «защите отечества» и явились повсюду проводниками буржуазных идей в толщу профессионально-организованных рабочих. Раз'еденные гангреной оппортунизма, преданные вождями, воспитанные в тепличной атмосфере мирного реформизма, старые профессиональные союзы оказались не в силах сорганизовать какой бы то ни было протест против империалистской бойни.

Так называемые «свободные» союзы, руководимые Легинами, на деле слились с предательскими желтыми союзами, поставщиками штрейкбрехеров.

Но вот война кончена. Империалистский мир, заключенный за счет народов, показал и слепому, во имя чего велась эта империалистская война. Армии демобилизованы, рабочие возвращаются в свои организации.

Что будет теперь с профессиональными союзами? По какому пути пойдут они ныне?

Старые вожди профессиональных союзов пытаются вновь толкнуть эти союзы на буржуазный путь. Из рядов «вождей» старого профессионального движения вышли самые отвратительные палачи рабочего класса — вроде Носке в Германии или Пайделя в Венгрии. Завтра господа Жуо во Франции, господа Гомперсы в Америке, если сложится благоприятная для них обстановка, станут такими же Носке, такими же палачами рабочего класса, каких мы видели уже не в одной стране.

Чем характеризовалось старое профессиональное движение, приведшее его к фактической капитуляции перед буржуазией?

Цеховая узость. Организационная раздробленность. Фетишизирование буржуазной законности. Ставка на рабочую аристократию и пренебрежительное отношение к массе мало-квалифицированных рабочих и к чернорабочим. Высокие членские взносы, недоступные для рядового рабочего. Сосредоточение всего руководства союзами в руках бюрократической верхушки, все больше вырождавшейся в касту чиновников профессионального движения. Проповедь «нейтрального» отношения к вопросам политической борьбы пролетариата, на деле сводившаяся к поддержке политики буржуазии. Извращение системы коллективных договоров, приводившее на деле к тому, что коллективные договоры заключались верхушкой профессиональной бюрократии и закабаляли на ряд лет рабочих данной профессии капиталистам. Раздувание тех незначительных улучшений (напр., лишь номинальное повышение денежной заработной платы), которых союзам удавалось мирным путем добиться у работодателей. Выдвигание на первый план задач благотворительности и мелкой взаимопомощи в ущерб стачечным фондам и боевым задачам союзов. Взгляд на профессиональные союзы, как на организацию, которая добивается лишь частичных улучшений в **рамках капиталистического строя,** а отнюдь не ставит себе задачей революционное низвержение всей капиталистической системы.

Таково было старое, «свободное» профессиональное движение, старый тред-юнионизм. На этом фоне Гомперсы в Америке могли прямо торговать голосами союзов при выборах президента Соединенных Штатов. На этом фоне Легины всех стран могли превращать профессиональные союзы в прямое орудие буржуазии.

Пойдут ли профессиональные союзы по старой проторенной, реформистской, т. е. на деле буржуазной, дорожке? Вот важнейший вопрос, стоящий перед международным рабочим движением.

Мы глубоко уверены, что этого не будет.

Теперь в затхлых зданиях старых профессиональных союзов повеяло свежим ветерком. Создающиеся «заводские комитеты» в Англии, «производственные Советы» в Германии, новые кристаллизационные пункты в синдикатах Франции, союзы союзов, как «Тройственное Согласие» в Англии, новые веяния в профессиональном движении Америки — все это симптомы того, что в профессиональном движении всего мира начинается коренная переоценка ценностей.

На наших глазах начинает складываться **новое** профессиональное движение.

Каковы должны быть **его** характерные черты?

Новое профессиональное движение должно выбросить за борт все пережитки цеховой узости. Оно должно поставить на очередь непосредственную борьбу — рука об руку с коммунистической партией — за диктатуру пролетариата и Советский строй. Оно должно отказаться от реформистского штопанья ветхих одежд капитализма. Оно должно выдвинуть на первый план орудие всеобщей стачки и подготовлять сочетание всеобщей стачки с вооруженным восстанием. Новые союзы должны включать в себя всю массу рабочих, а не только рабочую аристократию. Новые союзы должны провести принцип строжайшего централизма и организации по **производствам,** а не по профессиям. Новые союзы должны добиваться проведения действительного рабочего контроля над производством, а затем принять деятельное участие в самой организации производства **рабочим** классом, **низвергнувшим буржуазию.** Новые союзы должны повести революционную борьбу за немедленную социализацию важнейших отраслей хозяйства, памятуя, что без завоевания Советской власти пролетариатом никакая серьезная социализация невозможна. Новые союзы должны систематически изгонять из своей среды тот слой «вождей»-бюрократов, который целиком заражен буржуазными взглядами и неспособен руководить революционной борьбой пролетарских масс. Новые союзы должны произвести у себя ту чистку, **которую проделали несколько лет** тому назад русские профессиональные союзы и к которой приступают теперь профессиональные союзы Германии и других стран.

Урок войны не пропал даром. Пролетарские массы скажут свое слово. Профессиональные союзы не могут больше исчерпывать свою работу борьбой за прибавку лишней копейки на рубль. Бешеная дороговизна на предметы первой необходимости, господствующая теперь во всем мире, делает совершенно иллюзорными те «завоевания», которыми так гордятся тред-юнионисты старого типа. Профессиональные союзы либо погибнут вовсе от собственного худосочия, либо превратятся в истинно боевые организации рабочего класса.

Могучая стачечная волна, потрясающая весь европейский континент, а также Америку и другие части света, служит лучшим доказательством того, что профессиональные союзы не будут гнить на корню, а будут быстро перерождаться. Профессиональные союзы не могут и не будут стоять в стороне от тех грандиозных проблем, которые приковывают сейчас к себе внимание всего мира, которые все человечество разделяют на два лагеря: белых и красных. Каждый профессиональный союз вынужден теперь интересоваться вопросами мобилизации, демобилизации, введения всеобщей воинской повинности, вопросами о косвенных и прямых налогах, об уплате военных займов, о национализации железных дорог, рудников, важнейших отраслей промышленности и т. п. С каждым днем любому рядовому члену профессионального союза будет становиться все яснее и яснее, что нейтрализм, который проповедуют профессиональным союзам буржуазия и оппортунисты, есть простой буржуазный обман, что в начавшейся решительной схватке двух классов нельзя быть ни теплым, ни холодным.

Расслоение в профессиональных союзах началось. Пройдет год-другой, и мы не узнаем старых союзов. Старые бюрократы профессионального движения **останутся** генералами без армий. Новая эпоха выдвинет **новое** поколение пролетарских руководителей **переродившегося** профессионального движения.

Но, предвидя это, буржуазия не дремлет. Через своих старых испытанных слуг, через старых вождей профессиональных союзов она пытается опять прибрать к рукам эти союзы. В Амстердаме, как вы знаете, был собран с'езд, который об'явил себя международным с'ездом профессиональных союзов. Легин, Жуо, Гомперс и другие буржуазные агенты попытались направить профессиональное движение в старое русло. Пресловутая Лига Наций, которая на самом деле есть союз разбойников-империалистов, собрала в Вашингтоне, а потом в Париже комедиантскую конференцию по «международной охране труда», предоставив на этой конференции $^2/_3$ голосов буржуазии, а $^1/_3$ — буржуазным агентам вроде Легина, Жуо и компании, которые называют себя «рабочими представителями». На этих подобранных буржуазией конференциях пытаются надеть смирительную рубашку на возрождающееся к новой жизни рабочее движение. Соединенными усилиями буржуазных министров и бюрократов от профессионального движения рабочие союзы хотят вновь уложить в прокрустово ложе мещанского реформизма.

Коммунистический Интернационал обращается к профессионально-организованным пролетариям всего мира с призывом: положите конец этому буржуазному издевательству, разоблачите позорную комедию, которую разыгрывают буржуазные наглецы, скажите на весь мир, что вы ничего не имеете общего со ставленниками Клемансо и Вильсона.

Лучшая часть пролетариата всего мира выдвигает требование создания Советской власти. И недалеко то время, когда все человечество завоюет себе советскую, т. е. пролетарскую, форму правления. Профессиональные союзы, однако, и тогда будут продолжать играть громадную роль в деле пересоздания капиталистического хозяйства на началах коммунизма. Профессиональным союзам будет принадлежать почетное место **рядом** с Советами, так же, как это мы видим сейчас в Советской России.

Коммунистический Интернационал находит ошибочными взгляды той части коммунистов, которые высказываются против необходимости профессиональных союзов вообще. Производственные Советы по предприятиям (заводские комитеты), ко-

порые создаются в ряде стран, не только не исключают необходимости профессиональных союзов, но, напротив, сами должны являться, как это имеет место в Советской России, основными ячейками именно производственных союзов.

Коммунистический Интернационал полагает, что наступила пора, когда производственные союзы, освободившись от буржуазных и социал-предательских влияний, должны немедленно начать создавать свою международную организацию, как по отдельным производствам, так и во всемирном масштабе. Желтому «Интернационалу» профессиональных союзов, который пытаются воссоздать в Амстердаме, Вашингтоне и Париже агенты буржуазии, мы должны противопоставить истинно пролетарский **Красный** Интернационал профессиональных союзов, идущий нога в ногу с III Коммунистическим Интернационалом.

В целом ряде стран профессиональные союзы переживают резкое расслоение. Плевелы отделяются от пшеницы. В **Германии**, которая была оплотом буржуазного желтого профессионального движения, руководимого Легинами и Носке, целый ряд профессиональных союзов поворачивают спину к желтым социал-демократам и переходят на сторону пролетарской революции. Из ряда союзов изгнаны уже старые вожди, которые выдали профессиональное движение с головой капиталистам. Профессиональные союзы **Италии** почти целиком стоят на почве Советской власти. В профессиональных союзах **Скандинавии** с каждым днем усиливается пролетарское революционное течение. Во **Франции**, в **Англии**, в **Америке**, в **Голландии**, в **Испании** массы рядовых членов профессиональных союзов отрекаются от старой буржуазной тактики и требуют новых революционных методов. В **России** три с половиною миллиона членов профессиональных союзов целиком и беззаветно поддерживают пролетарскую диктатуру. В **Балканских** странах большинство профессиональных союзов вступило в тесные организационные отношения с коммунистическими партиями и борется под их славным знаменем.

Первый Интернационал (Международное Товарищество Рабочих), руководителями которого были Маркс и Энгельс, стремился об'единить в своих рядах **все** виды рабочих организаций, в том числе и профессиональные союзы.

Второй Интернационал (ныне распавшийся) приглашал на свои конгрессы и профессиональные союзы, но никакой прочной организационной связи с ними не имел.

Третий Коммунистический Интернационал намерен и в этом отношении следовать по пути Первого Интернационала. Настоящий боевой пролетарский профессиональный союз, который поставит себе задачи, очерченные выше, сам будет стремиться к тесному об'единению с авангардом международного пролетариата, организованным в Коммунистическом Интернационале.

Дело освобождения рабочего класса требует концентрации **всех** организованных сил пролетариата. **Все** виды оружия необходимы нам для того, чтобы мы могли с успехом пойти на штурм капитала. Коммунистический Интернационал должен обслуживать **все** стороны освободительной борьбы международного пролетариата и для этого он стремится к самой тесной связи с революционными профессиональными союзами, понявшими задачи эпохи.

Коммунистический Интернационал хочет об'единить не только политические организации рабочих, но и все вообще рабочие организации, признающие не на словах, а на деле революционную борьбу и добивающиеся диктатуры рабочего класса. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала полагает, что на с'ездах Коммунистического Интернационала должны участвовать не только политические партии коммунизма, но и те профессиональные союзы, которые стоят на революционной почве. Красные профессиональные союзы должны об'единиться в международном масштабе и стать частью (секцией) Коммунистического Интернационала.

С этим предложением мы обращаемся к профессионально-организованным рабочим всего мира. В профессиональном движении неминуема та же эволюция и то же расслоение, которое имело место в политических партиях пролетариата. Как все крупнейшие рабочие партии вышли из II-го Желтого Интернационала, так все честные профессиональные союзы должны будут порвать с Желтым Интернационалом профессиональных союзов, воссозданным в Амстердаме.

Мы предлагаем профессионально-организованным рабочим всего мира поставить на обсуждение общих собраний настоящее наше обращение и мы глубоко уверены, что честные пролетарии всего мира крепко пожмут протягиваемую им Коммунистическим Интернационалом руку.

Да здравствует новое профессиональное движение, очищенное от заразы оппортунизма!

Да здравствует Интернационал красных профессиональных союзов!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ПЕРВОЕ МАЯ В РОССИИ.

РАБОТА ПЕРВОМАЙСКИХ СУББОТНИКОВ.

От 1 субботника на Моск.-Каз. жел. дор. ко Всероссийскому субботнику-маевке.

Расстояние, указанное в заголовке, пройдено в 1 год. Расстояние громадное. Как ни слабы еще все наши субботники, как ни велика обнаруживаемая всяким субботником бездна недостатков налаженности, организованности, дисциплинированности, а все же главное сделано. Тяжеловесная махина сдвинута с места, а в этом вся суть и есть. Мы нисколько не обманываем себя насчет того, как мало еще сделано и как бесконечно много предстоит еще сделать; но только злосчастные враги трудящихся, злостные сторонники буржуазии в состоянии пренебрежительно относиться к первомайскому субботнику, только самые презренные и бесповоротно продавшиеся капитализму люди способны осуждать использование великого первомайского праздника для массовой попытки введения коммунистического труда.

После свержения царей, помещиков и капиталистов впервые только очищается поле для настоящей стройки социализма, для выработки новой общественной связи, новой дисциплины общего труда, нового всемирно-исторического уклада всего народного, а затем и международного хозяйства. Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферой грызни и недоверия, — вражды, раздробленности, взаимоподсиживания, которая неминуемо вырождается и постоянно возрождается вновь мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников при вольном обмене между ними.

Свобода торговли, свобода обмена была сотни лет для миллионов людей величайшим заветом экономической мудрости, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей. Эта свобода так же лжива насквозь, так же служит прикрытием капиталистического обмана, насилия, эксплуатации, как другие свободы, провозглашенные и осуществленные буржуазией, вроде свободы труда (читай — свободы умирать с голоду) и т. п. Все эти свободы созданы были собственниками. С этой свободой эксплуатации труда капиталом мы разорвали и рвем бесповоротно и боремся беспощадно. Долой старые общественные связи, старые экономические отношения, старую свободу подчиненного капиталу труда, старые законы, старые привычки. Будем строить новое общество. Нас не пугали поражения в ходе великой революционной войны против царизма, против буржуазии, против всемирно могущественных империалистических держав. Нас не пугают гигантские трудности и неизбежные в начале труднейшего дела ошибки, ибо дело переработки всех трудовых навыков и нравов — дело десятилетий. И мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, борьбе с силой привычки, что мы будем работать годы и десятилетия не покладая рук. Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило «каждый за себя, один Бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание привычку, во вседневный обиход масс правило, «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину в коммунистический труд. Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычки свободной торговли, в свободной купле и продаже рабочей и человеческой силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые заскорузлые привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как бесконечно слабая Советская власть на наших глазах нашими усилиями окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую, всемирную силу. Будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, удучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда.

Н. ЛЕНИН.

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ.

Прекрасная идея — сделать весенний праздник рабочих праздником свободного труда!

В неволе капитализма безымянный труженик, творец всех сокровищ земли, не понимал—не мог понять—всемирное, культурное значение своей работы.

Это непонимание естественно, ибо подневольный труд, работа на других—каторжная работа, проклятие человека.

Но теперь, товарищи, все вы работаете **на себя** и для себя, не понять это — преступно.

Власть—в ваших руках, и все, что нужно сделать для ее укрепления, вы должны сами сделать. Все—в ваших руках, значит, за все плохое вокруг вас **вы отвечаете, только вы.** Жаловаться—**не на кого, ждать** помощи—не откуда. Звериная вражда тунеядцев—все еще **страшная сила.**

Но еще более мощная сила — свободный разумный труд социалиста.

Где-то, в темных уголках науки, пытаются починить паутину, прорванную вихрем революции. А мы должны знать и уметь чувствовать, что **наша** трудная, будничная **с виду работа** имеет глубочайшее значение для всего мира, что каждое разумное и честное усилие, направленное на борьбу с разрухой, теперь **имеет небывало огромный смысл, величайшее** значение. Победим ли мы уродливое, небрежное отношение к труду, которое привито в плоть и в кровь нам веками рабства? Сумеем ли преодолеть в самих себе сопротивление животного индивидуализма и эгоизма социалистическим сознанием необходимости мужественного, упорного труда?

Эти вопросы трепетно ставят нам рабочие Европы, Азии, Америки — лучшие рабочие всего мира.

За нашей жизнью жадно следят десятки миллионов глаз, и хотя бездеятельное, пассивное сочувствие недорого стоит, немного даст нам, но будем верить, что тот, кто сегодня только сочувствует, завтра начнет деятельно и пламенно подражать нам.

Товарищи! все ценное и разумное, все, чем люди имеют право гордиться, **создано знанием и трудом. Эта простая** истина — **великая истина;** ее надо усвоить нам, как верующие усваивают молитву.

Труд и знание—все победят; наука и работа развяжут всю тяжкую путаницу жизни.

И если вы хотите, чтобы труд был легок и день труда—днем праздника, возбуждайте в себе веру в творческую силу знания и труда.

Весело и бодро—за работу, нет пути к счастью более верного, чем путь свободного труда!

М. ГОРЬКИЙ.

ТРУД И ВОЙНА.

Первомайскому празднику со дня его учреждения пролетариат стремился придать характер всеобщей стачки и международной манифестации — прежде всего против милитаризма и войны. Наш первомайский праздник в этом году имеет, на первый взгляд, прямо противоположный характер. Мы празднуем первое мая напряженной работой, и наш главный лозунг: **на фронт! против белой Польши!**

Не всеобщая стачка, а всеобщий трудовой праздник. Не демонстрация милитаризма, а усиление наших армий. Так выглядит в этом году первое мая в Советской России.

Что же это такое? Нарушение основной мысли пролетарского праздника, отступление от международной солидарности? Нисколько. Наоборот. Мы пришли не нарушить закон, а исполнить его. Если по внешности первое мая как бы опрокинуто у нас на голову, то это только потому, что русский пролетариат опрокинул буржуазию и сам стал у руля.

Первомайская стачка была установлена, как яркий протест против капиталистической эксплуатации и напоминание о грядущем строе социалистической солидарности и высокой человечности. Мы опрокинули капиталистическую эксплуатацию. Мы можем осуществить новый строй только напряженным трудом. Рабочие Европы бастуют в этот день против своей буржуазии во имя социализма. Нашим трудовым субботником мы вбиваем в землю сваи социалистического здания. За различием форм — единство мысли и стремления.

Пролетарии всего мира демонстрируют в этот день против милитаризма и войны, ибо во всех буржуазных странах милитаризм есть самое подлое орудие классового угнетения, а война есть государственно-организованный грабеж и массовое убийство ради барыша.

Армия социалистической России есть организация вооруженной самообороны трудящихся против международных насильников

и громил. Наша война есть оборона наших завоеваний, защита более счастливого будущего наших детей и внуков.

Международный пролетариат протестует в день первого мая против капиталистической военщины потому, что она—злейший враг трудящихся. Русский пролетариат в день первого мая напрягает все свои силы на поддержку Красной Армии, потому что она его орудие, его опора и защита. Над различием внешних форм, которое вытекает из того, что **там** у власти буржуазия, **здесь** у власти пролетариат, все один и тот же дух революционной борьбы против классового рабства.

Раздувайте ярче горны, пролетарии России! Пусть гулче бьет ваш молот в день первого мая. Целься метко в этот день, красный солдат! Тверже работай штыком и знай: твой удар по наковальне, как и по телу врага, есть подлинное служение делу мирового пролетариата и высшее выражение идеи первого мая.

Л. ТРОЦКИЙ.

ПРАЗДНИК ИЛИ БУДНИ.

День первого мая навсегда останется великим днем весны человечества. Но в этом году русский пролетариат, который из океана крови, из отвратительных отбросов мировой войны выносит на своих плечах всю рабочую трудовую республику, точно гигантский волшебный маяк красным светом озаряющую мир и заставляющую трепетать сердца акционеров, банкиров, лощеных дипломатов и архиепископов,—в этом году русский пролетариат в лице своего авангарда решил праздновать великий день освобождения **трудом.**

Для **буржуазии** ее праздники, большей частью, сводятся к усиленному проеданию выжатой из рабочего класса прибыли. Американский миллиардер приказывает в такой день своим рабам-неграм вымыть любимую собачку в душистой ванне и с целым штатом собачьих слуг едет в загородный замок, где на-ряду с собачкой у него есть и другие удовольствия, стоющие бешеных денег. Лакеи, кокотки, бальные туалеты неслыханной роскоши, вина, которые сперва пробуются специальными наемными знатоками («густаторами»), скачки, рулетки, карты, чудовищный разврат,—все это позволяет миллиардеру спускать то золото, которое было перечеканено из пота и крови миллионов рабочих в рудниках, шахтах, на фабриках, в лесах и на болотах. Мелкий буржуа, который, затаив дыханье, подсматривает, что делают «настоящие» господа, и который подражает им во всем с ретивостью талантливой обезьяны, посвящает этот день целиком своим грязным страстишкам, но при этом тревожно щупает свой карман.

Не таков был праздник **пролетариата,** день первого мая. У рабочего класса были и есть «простые» праздники, когда он просто отдыхает от труда, от обычной будничной работы. Но не таков был праздник первого мая. Никогда с тех пор, как рабочие решили праздновать этот день, он не был днем отдыха. Наоборот, он был днем упорнейшей борьбы, организации, днем демонстраций, столкновений, иногда днем баррикадных боев. В этот день рабочий класс менее всего «отдыхал». Это не были будни, серые, обычные. Это был праздник восстания и подготовки к восстанию. В этот день позабывалось все мелкое. Рабочий класс выходил в бой, рисковал, сражался, нес величайшие жертвы там, где он был революционен и где он действительно выполнял заветы Первого Мая. Этих жертв было немало. Сколько русских пролетариев, справлявших свой праздник международного восстания за социализм по оврагам и лесам царской России, было заточено в каменные мешки николаевских тюрем, рассеяно по топким тундрам Сибири, подстрелено ружьями черносотенных казаков и жандармов! Еще в прошлом году республиканская Франция расстреляла празднующих первое мая рабочих. Еще у всех на памяти то первое мая, когда Карл Либкнехт на улицах звал рабочих в бой. Повсюду в Новом и Старом Свете револьверные и ружейные выстрелы гремели на улицах гигантских городов.

Буржуазия пыталась не раз превратить боевой праздник пролетариев в простой отдых с бутылкой водки, шарманкой и загородным гуляньем. Это ей отчасти удавалось при помощи социал-патриотов. Но **такое** празднование было как раз **изменой** пролетариату.

Смысл Первого Мая заключается в том, что пролетариат в этот день сплачивает свои силы и демонстрирует **против** капитала. В этом—живая душа весеннего праздника.

Теперь, когда русский пролетариат чует угрозу не только со стороны поляков, но и со стороны разрухи, которая, если победит, приведет вновь к господству капитала, дает бой этой разрухе. В этот день пролетариат будет трудиться не по обычному, не так, как он трудится каждый день. В этот день он развертывает громадную **трудовую демонстрацию** против капитала. Он будет трудиться под своими красными знаменами, он будет трудиться так же, как раньше он шел на демонстрацию со знаменем и винтовкой. Ибо борьба с капиталом **теперь**—это, прежде всего, борьба с разрухой. Каждый

взмах молота в Советской России дробит капитал, ибо он укрепляет рабочий класс. Когда французский или немецкий рабочий стреляет по буржуазии и душит ее своею стачкой, он делает то же дело, что и русский рабочий, когда он в великий праздник пролетарской солидарности чинит, чистит, укрепляет крепость международного пролетариата—Советскую Трудовую Республику.

Не отдых, а праздник труда и борьбы—день международного пролетариата.

Да здравствует этот наш день!

Да здравствует наша победа!

Н. БУХАРИН.

НОВОЕ В НАШЕМ ПЕРВОМАЙСКОМ ПРАЗДНЕСТВЕ.

Превосходное, изумительное празднество. Этот день был особенно замечателен тем, что сама рабочая масса внесла в него чрезвычайно много нового. Рабочие Петрограда — я надеюсь, так же рабочие всей России — на лету схватили новую идею, формулированную нашей партией, и претворили ее в жизнь.

1 Мая в этом году превращено было в истинный праздник труда.

Проповедывать пользу труда людям, которые весь свой век трудились, которые десятками лет не разгибали спины за работой на капиталистической каторге, не так легко. Нужно было время, чтобы совершился этот психологический переворот, чтобы рабочая масса — не одиночки, не отдельные группы передовиков, а гуща рабочей массы — поняла, что ныне мы трудимся на себя, что ныне проповедь труда является не добродетельным морализированием в духе Смайльса, а революционной необходимостью.

Кто наблюдал первомайское празднество в Петрограде, тот скажет вместе с нами, что ныне переворот этот совершился. Происходит нечто подобное тому, что было у нас года два тому назад с Красной армией. После десятков лет грубого царистского милитаризма, после четырех лет империалистской бойни рядовой русский солдат не мог питать особой симпатии к военной дисциплине. Когда до октябрьской революции охочие люди проповедывали русскому солдату дисциплину, он в лучшем случае воспринимал эту проповедь, как жужжание надоедливой мухи. И только после того, как низвергнута была власть буржуазии, как зародилась Красная армия на новой основе, постепенно слово дисциплина перестало быть пустым словом для рядового солдата нашей новой молодой армии, и лучшая часть красноармейцев не только сама подчинилась добровольно суровой дисциплине, но и стала проводить ее в самые глубокие низы.

Живо вспоминается картина первомайского празднества в 1917—18 гг. Воинские части имели совершенно различный внешний облик в 1917 и 1918 гг. В 1917 году старая царская армия находилась в апогее развала. И это чувствовалось на каждом шагу. И когда на демонстрации дефилировали большие массы солдат тогдашней «свободной» армии Керенского, каждый наблюдательный человек видел перед собою армию, обреченную на слом. Уже в 1918 году картина изменилась. Красная армия делала первые свои шаги. Но поступь у нее уже была иная. Чувствовалось, что люди сбросили с себя оковы, что по крайней мере передовая часть новой армии вполне сознает свою историческую миссию. В 1918 году у новой армии был уже совершенно другой облик, другой звук шагов, другая спайка. Появился какой-то новый задор, уверенность в себе.

То же произошло в 1920 году с рабочими массами. Звук топора теперь другой, звон лопаты иной, движения более уверенные. Рабочий преобразился. Рабочий понял, что надвигается пора, когда труд спановится, и уже частью стал, не подневольной каторгой, а занятием, достойным свободного в истинном смысле этого слова человека.

Замечательны эти новые внешние черточки, которые масса внесла в первомайское празднество. Большинство заводов Петрограда, кроме обычных плакатов, несло плакаты с изображениями из области своей производственной жизни. Вот Вестингауз, показывающий превосходно сделанные модели своих тормозов. Вот галетная фабрика, демонстрирующая свои изделия. Вот балтийцы и лесснеровцы на плакатах демонстрируют предметы своего производства. Вот табачные фабрики, демонстрирующие свои изделия, и мн. др. Этого не было ни в 1918 ни в 1919 гг. К этому не звали партийные организации. Это сами рабочие внесли свое новое в наш первомайский праздник. Создается своя трудовая гордость, создается новая психология, когда предметом гордости для каждого рабочего является то производство, в котором он трудится на благо всех.

А работы на Марсовом поле! Самое чудесное зрелище, которое нам довелось наблюдать за три года нашей революции. Много раз за эти годы Марсово поле представляло собою величественную картину. Бывшее Марсово поле, ныне площадь Жертв Революции, знавало грандиозные боевые демонстрации, похороны, в которых участвовали сотни тысяч человек. Марсово поле видало виды. Но самым прекрасным Мерсово поле, несомненно, было в день 1-го мая 1920 года. Настоящее

колышащееся море людей, человеческая нива, живой муравейник. Большинство явилось на работы за час раньше, чем это было назначено. И как навалились все на лопаты, с каким усердием рабочие и работницы выполняли свою задачу. За несколько часов Марсово поле преобразилось. Каждый считал за честь посадить хотя один кустик в ту землю, где похоронен прах лучших борцов рабочего класса.

Столь же великолепны были работы на площади Урицкого, где моряки, курсанты и рабочие старались друг друга превзойти в усердии к работе. Вся программа работы была выполнена с излишком.

Особенно необходимо отметить превосходную работу товарищей железнодорожников. Многие из них по собственному почину работали до часу ночи, т.-е. удвоили часы субботника. Перед началом работ громадная аудитория (так называемая «Яма» за Невской заставой) была битком набита. Настроение среди железнодорожников небывало повышенное. И все с гордостью передают, какая работа выполнена, и вычисляют, что сделано и что еще надо сделать на ближайшем субботнике.

С таким же усердием около 10.000 человек работали и в субботу, и в первую половину дня в воскресенье на огородах Петрокоммуны.

По предварительным подсчетам у нас в Петрограде на субботнике работало около 165.000 человек. Остальные демонстрировали. Но какая великолепная демонстрация. Совершенно особое настроение, не бывавшее еще до сих пор. Это совершенно особая картина. Торжественные ряды демонстрантов смешиваются с возами, нагруженными песком, с телегами, которые подвозят строительный материал и т. п. Взаимная товарищеская любовь и пролетарское единодушие чувствуются на каждом шагу. Все друг к другу как то особо ласковы. С особой лаской треплют по шее даже рабочих лошадей, которые, врезываясь со своей поклажей в ряды демонстрантов, иногда на минуту расстраивают правильное шествие.

165.000 человек работают на субботнике, и все-таки как много людей на улицах, как многочисленны ряды демонстрантов. Откуда только в голодном обезлюженном Петрограде так много рабочих и работниц.

Совершенно особое, что то новое чувствовалось и в отношении демонстрантов к Советской власти и к нашей партии. Нечто особо интимное, близкое, любовное. На лицах десятков тысяч рабочих и работниц можно было читать: ну, теперь самое трудное позади, ну, теперь мы видим, что вы были правы; может быть, и случится еще не раз побранить вас за ту или другую ошибку, но все таки вы молодцы, вы указали путь рабочему классу, вы наши, и мы с вами.

Маевка 1920 года есть крупнейшее событие в истории нарождающегося коммунистического труда. Сведения, полученные из Москвы, показывают, что и там картина была такая же, как в Петрограде. И сведения со всей России, мы уверены в этом, только дорисуют картину.

Но какую любовь испытываешь к петроградскому пролетарию, когда видишь его все в новой и новой обстановке. 1-го мая 1920 года петроградский пролетариат еще раз показал, как чутко реагирует он на новые злобы дня. Не тысяча, не десять тысяч, а 500.000 человек в Петрограде усвоили основную идею коммунистической партии, заключающуюся в том, что все силы надо теперь отдать трудовому фронту. И не прошло еще трех месяцев с тех пор, как партия наша дала этот лозунг трудовой России, и что касается Петрограда, мы можем с уверенностью сказать, что этот лозунг усвоен.

Как прекрасна была грандиозная толпа вечером 1-го мая перед зданием Фондовой Биржи. По крайней мере, 30.000 человек зрителей, и ни одного инцидента, ни малейшего беспорядка, никакого назойливого вмешательства охранителей порядка, почти никаких представителей милиции, и тем не менее образцовый порядок. И превосходна была показана народу картина «Освобождения Труда». Простая, элементарная, но великая идея облеклась в плоть и кровь. И каждый из 30.000 зрителей с полслова понимал, что хотят сказать ему этой величавой картиной, и сердца собравшейся могучей человеческой массы бились в унисон.

Да, мы дожили до того, что начинаем видеть уже результаты напряженной борьбы последних трех лет. Что то новое в отношениях людей друг к другу, что то новое в организации труда. Идея коммунизма сошла на землю. Идея коммунистического труда облекается плотью и кровью.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

КО ВСЕМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ И ГРУППАМ, КО ВСЕМ КРАСНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ, КО ВСЕМ РЕДАКЦИЯМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ И КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ.

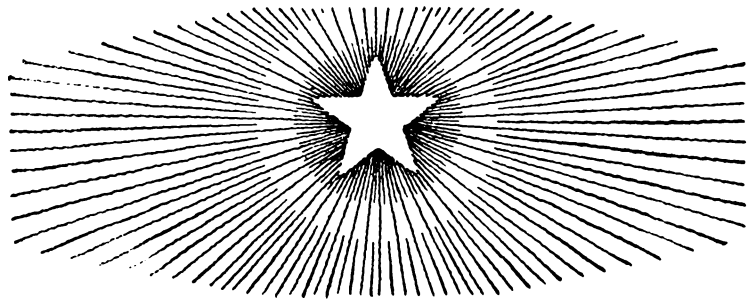
Редакция «Коммунистического Интернационала» убедительно просит товарищей **всех стран** присылать нам все социалистические и коммунистические издания на различных языках. Нужны газеты, журналы, брошюры, листки, плакаты, вырезки и пр. Особенно ценно получать целые комплекты. Все присылать в **нескольких** экземплярах.

Все партии и организации, принадлежащие и желающие принадлежать к III Интернационалу, должны систематически (не реже 1 раза в месяц) присылать **доклады о своей деятельности.**

Литераторов-коммунистов просим присылать статьи для нашего журнала.

Материалы доставлять—через наши заграничные Бюро, через специальных посыльных и другими путями.

Исполнение этой просьбы крайне важно для Коммунистического Интернационала. Вот почему мы просим всех товарищей специально обсудить этот вопрос и придти к нам на помощь.

Содержание 10-го номера.

стр.

Трудящимся всего мира.—Первомайский праздник 1920 года 1445
Г. Гортер. Об'единение мирового пролетариата . . 1451
Н. Ленин. Третий Коммунистический Интернационал (речь, произнесенная 6-го марта на торжественном заседании Московского Совета) . 1453
Л. Троцкий. Парижская Коммуна и Советская Россия (глава из готовящейся к печати новой книги) 1461
А. Гильбо. Страсбург и Москва 1479
Дж. Рид. Революционное движение в Америке (окончание) 1487
Я. Фриис. Революционное движение в Норвегии . . 1501
Рабоче-крестьянские Университеты в Советской России:
I. В. Невский. Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова в Москве 1509
II. С. Равич. Рабоче-крестьянский университет имени Зиновьева в Петрограде . 1529
К. Радек. Программа социалистического строительства 1541

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

И. О. Письмо из Чехословакии 1559
W. Английский рабочий с'езд (письмо из Англии) . 1571
Спартак. Авантюра Каппа и Людвица (письмо из Германии) 1581

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Обращение западно-европейского секретариата ко всем партиям, присоединившимся к III Интернационалу 1605
Приветствие французских коммунистов товарищам-коммунистам других стран 1609
Обращение Комитета Третьего Интернационала к французским социалистам 1611
К пролетариату и деревенской бедноте Венгрии . 1617
Платформа Испанской Коммунистической Партии 1619
III Всероссийский С'езд профессиональных союзов:
Воззвание к рабочим всех стран 1621
Приветствия:
Приветствие германскому пролетариату . . 1621
Всем борцам за коммунизм 1623
Приветствие Третьему Интернационалу . . 1624

стр.

Приветствие международного с'езда транспортных рабочих 1624
К работницам всего мира 1625
Основание Датской Левой Социалистической Партии 1627
Резолюции IX С'езда Российской Коммунистической Партии 1629

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Рабочим Германии, рабочим всего мира. О гражданской войне в Германии 1649
Третьему Всероссийскому С'езду профессиональных союзов 1653
Приветствие тов. Ленину 1655
Об'единение коммунистов на Украине 1655
Заседание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 1657

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Белый террор палачей Коммуны (Париж в мае 1871 г.). 1661
Воззвание к парижским гражданкам 1665

Н. Ленин. Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах? 1669
Г. Зиновьев. Письмо к профессиональным союзам всех стран 1677

ПЕРВОЕ МАЯ В РОССИИ.

Н. Ленин. Работа первомайских субботников . . . 1683
М. Горький. Путь к счастью 1683
Л. Троцкий. Труд и война 1685
Н. Бухарин. Праздник или будни 1689
Г. Зиновьев. Новое в нашем первомайском празднестве 1689

Обращение редакции «Коммунистического Интернационала» 1693

Иллюстрации: Н. Ленин; между стр. 1664 и 1665: Герои Коммуны и Женщины-участницы борьбы за Коммуну.

Петроград, 11 мая 1920 г.

Первая типография Коммунистического Интернационала. Петроград, Екатерингофский пр., 87.

ский пролетариат.—*А. Балабанова.* Октябрьская революция и политические забастовки в Западной Европе.—*К. Тимирязев.* Русский англичанину об интервенции.—*Г. Чичерин.* Международная политика двух интернационалов.—*Н. Рязанов.* Основание Первого Интернационала.—*Ф. Кон.* Polonia Militans.—*С. Ю. Рутгерс.* Лига Наций и малые народы.—*Ю. Мархлевский* (*Карский*). Польша и мировая революция.—*М. Томский.* Очерки профессионального движения в России (продолжение).—*А. Луначарский.*—Народное образование в Советской России.—*Н. Крестинский.* Потребительская кооперация в России.—*Л. Крицман.* Самодержавие пролетариата на фабрике.—*Н. Ленин.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.—*Ф. Лорио.* Революция или эволюция.—Корреспонденции Коммунистического Интернационала.—*Н. Ленин.* Привет итальянским, французским и немецким коммунистам.—Резолюция Болонского с'езда Итальянской Социалистической партии.—Основание Коммунистической партии в Америке (речи тов. Райта и Зиновьева).—Документы Интернационального Коммунистического движения.—Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.—Герои и мученики пролетарской революции: Отчеты и хроника.

7—8. Ноябрь—Декабрь. 1919 г.—*З. Хеглунд.* Когда мы мертвые проснемся.—*Н. Ленин.* Выборы в Учредит. Собрание и диктатура пролетариата.—*Л. Троцкий.* Жан Лонгэ.—*Э. С. Панкхэрст.* Италия и революция.—*Г. Циперович.* Интернационал профессиональных союзов.—*Ж. Садуль.* К рабочим и крестьянам Франции.—*А. Росмер.* Рабочий конгресс в Глазго.—*С. Ю. Рутгерс.* Америка и русская революция.—*К. Гейер.* Германская Независимая Социал-Демократическая Партия и диктатура пролетариата.—*Г. Зиновьев.* Интернационал умирающий и Интернационал восходящий.—*Д. Рид.* Революционное движение в Америке.—*Е. Арбори-Ралли.* Революционное движение в Румынии.—*Ю. Мархлевский (Карский).* Польша и мировая революция.—*В. Быстрянский.* Терроризм и Коммунизм.—*В. Милютин.* Два года экономической диктатуры пролетариата в России.—*А. Луначарский.* Советская власть и памятники старины.—*М. Горький.* Интернационал интеллигенции.—Заслуженный урок—Корреспонденции Коммун. Интернационала.—Документы Интерн Коммунистического Движения.—Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.—Герои и мученики пролетарской революции:—Из Международной Коммунистической Печати.—Отчеты и хроника.

№ 9. *К. Цеткина.* Революционные бои 1919 года и борцы революции.—*Н. Ленин.* Заметки публициста.—*Ф. Лорио.* Потише, Лонгэ!—*Г. Зиновьев.* Наболевшие вопросы международ[illegible] *Рид.* История одной неудавшейся бунтарской попытки.—*Ю. Сирола.* Национальный вопрос в Финляндии.—*С. Катаяма.* Япония и Советская Россия.—*Д. Рид.* Революционное движение в Америке (окончание).—*Ф. Платтен.* Открытое письмо к швейцарским товарищам и ко всем рабочим Швейцарии.—*М. Рафес.* Еврейское коммунистическое движение.—*М. Томский.* Очерки профессионального движения в России (продолжение).—*Н. Семашко.* Охрана здоровья в Советской России.—*А. Винокуров.* Социальное обеспечение в Советской России.—*Е. Блонина* (Инеса). Положение работницы в Советской России.—Корреспонденции Коммунистического Интернационала.—Документы Интернационального Коммунистического Движения.—Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.—Интернационал Коммунистической Молодежи: Манифест Первого С'езда Коммунистического Интернационала Молодежи. Международный С'езд Рабочей Молодежи.—О. В. Куусинен.—Герои и мученики пролетарской революции:—*Отчеты и хроника.*—*А. Кемерер* (*Тарапута*). Письмо к Жану Лонгэ и Комитету по восстановлению Интернационала. Приветствия Третьему Коммунистическому Интернационалу.

№ 10. Трудящимся всего мира.—Первомайский праздник 1920 года.—*Г. Гортер.* Об'единение мирового пролетариата.—*Н. Ленин.* III Коммун. Интернационал.—*Л. Троцкий.* Парижская Коммуна и Советская Россия.—*А. Гильбо.* Страсбург и Москва.—*Дж. Рид.* Революционное движение в Америке (окончание).—*Я. Фрин.* Революционное движение в Норвегии.—Рабоче-крестьянские Университеты в Сов. России.—*В. Невский и С. Равич.* Рабоче-крестьянские университеты в Советской России.—*К. Радек.* Программа социалистического строительства.—Корреспонденции Коммун. Интерн.—Документы интернац. движения.—Из деятельности Исп. Ком. Коммун. Интернационала.—Герои и мученики пролетарской революции.—*Н. Ленин.* Следует ли революционерам работать в реакционных проф. союзах.—*Г. Зиновьев.* Письмо к профессиональным союзам всех стран.—Первое мая в России.—*Н. Ленин.* Заботы первомайских праздников.—*М. Горький.* Путь к счастью.—*Л. Троцкий.* Труд и война.—*Н. Бухарин.* Праздник или будни.—*Г. Зиновьев.* Новое в нашем первомайском празднике.

Цена 60 руб.

25

Пятнадцатая Государственная типография
Петроград, Звенигородская, 11.